

Акценты

Четвёртый номер журнала традиционно открывается разделом литературы, в котором читатель погрузится в поэтический мир Евгения Козлова («Гортын арийём» тетрадьысь») и Владислава Сушкова («Не бывает других дорог...»). Здесь же – продолжение романа Алексея Мишарина «Из вылӧ из».

Однако ключевым материалом номера является литературное путешествие в Архангельск. Как часто бывает, мы больше знаем об отдалённых краях юга, чем о своих соседях по Северу. Энциклопедическая статья «Архангельск», адаптированная авторами специально для журнала, познакомит читателя с историей, географией и культурными достопримечательностями города. Мало кто знает, что легендарная страна Биармия включала некогда территории нынешней Архангельской области, а её столица Кардор располагалась как раз на месте современного Архангельска. Во всяком случае, согласно одной из гипотез, которой придерживался легендарный философ К. Ф. Жаков, в 1916 году написавший поэму «Биармия». Удивительной саге о доисторическом Севере посвящена статья Павла Лимерова «Биармийская утопия: мифологическая география К. Ф. Жакова в эпосе о «светлом прошлом».

Поэзия Архангельска представлена тонкой лирикой Игоря Гуревича («Не мы его – нас время выбирает...»). Это стихи осени с ароматом грусти и предвестия – может быть, зимы, а может, и чего-то ещё. Рассказы Владислава Попова «Токна» и «Не бойся, я с тобой» – о русской деревне, о деревне, которую мы оставляем. Вместе с ней уходит и наше прошлое, история и нечто настоящее, как одинокий ангел в заброшенной церкви. Статья Александра Лыскова «Лунный ливень» предлагает вниманию читателя обзор литературных новинок Архангельска.

Тема Русского Севера продолжается в разделе «Арт-факт». Искусствовед Елена Ружникова раскрывает неожиданную грань таланта известного писателя Степана Писахова – его картины. Также перед нами разворачивается вернисаж художника Дмитрия Трубина, который обосновывает характер своего творчества в «Манифесте прямой линии».

СОДЕРЖАНИЕ

• Литература СЕГОДНЯ

Е. Валериан. «Гортын арийём» тетрадьысь. *Кывбуръяс* 5
А. Мишарин. Из вылө из. *Роман* 11
В. Сушков. Не бывает других дорог... *Стихи* 63

• Гость номера – г. Архангельск

Архангельск 76
П. Лимеров. Биармийская утопия: мифологическая география
 К. Ф. Жакова в эпосе о «светлом прошлом» 88
И. Гуревич. «Не мы его – нас время выбирает...» *Стихи* 96
В. Попов. Токна. Не бойся, я с тобой. *Рассказы* 113
А. Лысков. Лунный ливень. *О книгах Александра Логинова, Олега Ларина, Виктора Толкачёва, Владислава Попова, Игоря Гуревича, Вячеслава Чиркина, Сергея Доморощенова* 131

• Арт-факт

Е. Ружникова. Поэтическая душа Русского Севера 154
Д. Трубин. «Манифест прямой линии» 158

• Ы

А. Сукгоева. «Эзысь чиръясөн ыпнитö луд...» *Кывбуръяс* 178
СИБУС. Козин. *Висьт* 180
Л. Ануфриева. Клара шыр да Виль во. *Мойд* 182
А. Бугримова. Кутир-Катир. *Висьт* 187
Э. Шабанова. «Чужис-быдмис гожся лун...» *Кывбуръяс* 189

• Обзор

А. Поздеева. Книжное наследие республики 190

Присоединяйтесь!

к мессенджерам и социальным сетям

[instagram.com/art.lad_rk](https://www.instagram.com/art.lad_rk)

vk.com/zhurnalart

t.me/komiart

ok.ru/art.artovich

artjournal.tumblr.com

**ЧИТАЙТЕ ТАМ,
ГДЕ УДОБНО**

АРТ

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация социально значимых тем
осуществляется при государственной поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Татьяна Логинова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Технический редактор – Роман Пашнин.

Корректор – Алёна Старцева.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер и дата принятия
решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 4 (100) 2022 г.

Дата выхода в свет: 22.12.2022 г.

Руководитель редакции:

Логинова Т. И.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136.
тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»

с электронных носителей заказчика
в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов.

Подписано к печати по графику – 05.12.22.

Фактически – 05.12.22.

Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,48. Заказ № 22-6781.

Адрес типографии: 167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.

Материалы, не опубликованные в журнале,
редакция не рецензирует и не возвращает
авторам. Публикуя материал, редакция не
обязательно поддерживает точку зрения
автора.

www.artlad.ru

***Уважаемые сотрудники, ветераны редакции!
Дорогие авторы и читатели!***

Поздравляю вас с 25-летием журнала «Арт»!

Литературно-публицистическое, историко-культурологическое, художественное издание – журнал «Арт» умеет найти подход к читателю, любящему красивое слово, звучную рифму и яркие образы. Публикации журнала учат творчески мыслить, вдохновляют.

Уже четверть века «Арт» объединяет учёных и педагогов, поэтов и писателей нашей республики, как именитых и известных, так и тех, кто делает первые шаги на литературном или исследовательском поприще. Здесь можно познакомиться с новыми именами и понять тенденции современной литературы.

Редколлегия журнала постоянно в поиске новых интересных авторов, форм и наполнения каждого выпуска, который в итоге становится чтением не одного дня.

Сегодня «Арт» – это не только издательская деятельность, но и просветительские и благотворительные акции: творческие вечера, презентации книг, концерты, выставки, встречи с читателями.

От всей души желаю авторам, издателям и читателям журнала творческого развития и новых увлекательных встреч на страницах любимого издания!

*Глава Республики Коми
Владимир Уйба*

Литература сегоДНЯ

Евгений
ВАЛЕРИАН

**Евгений Валериано-
вич Козлов
(Евгений Валериан)**

*чужис 1960 воын Емдін
районса Эжолты
грездын. 1990 восянь
уджалö коми печат-
тын («Войвыв кодзув», «Чушканзі»).*
*Е. Козловлөн асиöр
книгаяс: «Водзкыв
пыдди», «Узьтöм
войяс», «Кык книга»,
«Кык джын», «Коймöд
аттьö». Комиöдö
роч да финн-йöгра
поэтъясöс. 2012 восянь
Россияса гижысь
котырын.*

«Гортын арийом» тетрадьысь

Кывбуръяс

* * *

Тöлысь рытйысьö кымөръяс пöвстын,
Эзысь югöрыс öшиньöд пырö.
Öтнам керкаын. Би ог на öзты,
Рытъя чöвлуннас лолöй мед тырö.
Сöмын коръяскö чöвлунсö торкö
Садлөн шувгöм, кор зэрмö ли тöла.

...Тадзи кымынысь мамакöд коркö
Кыкөн пукавлім, сёрнитлім чöла.
Пета, курита. Пыра, а сійö
Панлём сёрнисö нуödö водзö.

...Придаш гөралөн ылысса бияс –
Быттьö кутшöмкö чукöра кодзув.
Öзта би. Сэсса пузьöда чайник.
Содта көрт пачö неуна пестор.

Ачым чуймала: колö öд чайтны –
Ставлөн аслас и инöd, и места.
Ставлөн аслас и колём, и кылём,
Кöні сетöма му вылас чужны.

Ак тэ, шондібан олём дай вылём,
Кытчöдз шуöма вöлөксö вуджны,
Сэтчöдз вуджан, а водзö... А водзö
Кызди лоö? Да коді нö тöдас...
Ворсан шегъяс нин босьтöма соддзö,
Пудъясь – эн, олём ас ногыс лöдас.

2017 во пом.

* * *

Кор дас өтигнас кусёны бияс,
Сиктын олысьыс быттьё оз коль.
Сёмын ылын со, съёд пемыд пиас,
Читкыр чутъясён – немын моль.
Тайкё писькөдчө азбука морзе,
Зильё юртны ылысса кар
Сьөлөмкылөмсө виччысьысь мортсянь.
Коркө локта.
Вот сигөртчас ар,
Пондас кынтавны, югъялысь сөчөн
Зэвтас гуранъяс.
Өшинюв сад
Лоө гумла кодь...
Мый сэсса вөчан:
Көлуй чукөрта – вөрзъыны кад.
Пөттөдз ягъясті шөйтис да собис,
Ассьыс босьтис и бурасис лов.
...Сувтлас сикт помө карса автобус.
Пукся – мөдөдча.
Но, видза ов!
Видза ов, төвлань лөсьөдчысь сиктөй.
Васька, Пашик, и мукөдыс тшөтш.
«Абу гожөм, вай өшиньсө сиптөй!»
Абу, абу.
Ар – төвлөн нин көдж.

05.08.2020

* * *

Шуда мортыс – воис гортас,
Томан восьтис
(ключ век ордас).
Фотояскөд чолөмасис,
Аттьөалис рөдсө ассьыс.
Дзиръя өшинь восьтис гурйив,
Прөстмөдыштіс дөрөм юрйив.
Лолыс бурасис сэк:
«Со и
Ме тшөтш аслам гортө вои...»

Пукалёны кыкөн найө,
Чөсмасьёны карса чайөн.
Кывзёны, кыз рытъя кадас
Пуяс шөпкөдчөны садъяс.

Шуда мортыс – бара гортас,
Нуо сійос тодса сёртас.
Аддзё важён тодса инъяс,
Быдтор казялёны синъяс.
Водзё мунё – лолыс чеччө:
«Вань йөр шорлань?»
«Сэтчө, сэтчө...»

...Руён сайёдёма шорсө,
Бөръя югөръясөн ворсө
Рытъя шонді вөр-пу йылын.
Тайё здукас явё кылө –
Козъя тиллын быттьө кодкө
Аслас олём вылө броткө.
Броткө шудтөм олём вылө
И оз чайт, мый кодкө кылө.
Коді кылө, тшөтш и сылы
Лоо гажтөм сьолөм вылас.
Мунас гортас сьокыд думөн,
Олём пудйыс лоо нумөн.

Гортас пырас, чайник чуткас,
Кильчө вылас сёысь шпуткас,
Но оз узьсы тайё войыс,
И оз вежөрт, мый пө лоис?
Эз өд тиллын броткысь лолыс
Тадзи вөрзьөд...
Оліс-оліс,
Шог эз вөв, и быттьө письтіс,
Быттьө шегъяс кодкө кисьтіс.
Кисьтіс – сы ног ворсны тшөктіс,
Өти конөн ставсө өктіс.

Войбыд ышлолалө мортыс,
Гортас нин,
и көсийө гортас.
Медым нэм кежлө, не тадзи:
Кор сикт помсянь сійос аддзө,
Сьывны окота.
И бөрдны.
Думыс пессьө: «Аски бөр нин...
Аски бөр нин колө мунны,
Мустөм карө пудйос нуны».

04.07.2021

* * *

Арся войясö ен куд кодь ывла.
Локта ньöжйöник катыдладорö,
Бытьö бабöлысь гөлössö кыла,
Вичко кыр йывсянь менö со корö:
«Женя, көн нö тэ та дыра шöйтан?
Папыд воас да бара öд нöйтас».
Кольöм воясыс лэбисны ылö,
Тöлыс шыалö небыдик горөн.
Бытьö мамалысь кевмöмсö кыла,
Эжов кыр йывсянь менö со корö:
«Женьö, көн нö тэ та дыра шöйтан?
Папыд воас да бара öд нöйтас».
Лымйөн лымъялас, шоныд зэр кояс,
Льöм нин дзордзалö бужöдъяс бокын.
Менö корсясны ичöтджык чойяс,
Волас кыр йылö ыджыдджык вокö:
«Женя! Кöни тэ? Эн сэни йöйтав,
Папа воас да бара öд нöйтас!»
...Локта, сулышта кыр йылас чöла.
Эськö, öни вот петас кö бабö,
Бара горöдас... Гөлöс ни йöла.
Би ни ва. Весиг керкаыс абу.
Эськö, петас кö кыр йылас мама,
Лэчыд гөлöснас чуксасыны мöдас.
Жаль, эг кывзысьлы. Емель ру сямöй!
Кыдзи шулисны – кыскöма рöдас.
Öнöдз вир кöрсö нырөн ме кыла,
Сöмын вöляыс ёнджыка кыскис.
Эски Яглы да Важэжва гылы,
Кöсий аддзыны дивöяс кыськö.
Пöттöдз Пашкöд да Васькакöд шöйтлі,
Гортö кöин моз полöмөн волі.
Тöда, папа кö сэки эз нöйтлы,
Гашкö, морт нога мортөн эг лолы.
Баблөн вок моз нэм пукалі, гашкö.
Медын Важэжва пессис. И Вашка.

22.09.2021

* * *

Зарни корсö лышкыда нин
ар кйсьтö!
Вильыш төвру моздорас найöс новлö.
Тайö арыс казтыштис мен артистöс,
Улич вылын ворслöны кодъяс, овлö.

Ставкöд сйö чолöмасьö дась нюмөн
И быд фокус мыччöдлiг вöчö копыр.
Кодкö чöвтö сьöм, кодкö аслас думөн
Бокөн мунö, оз жö тай сыысь котöрт.

Но а челядь котырлөн радыс чукйөн,
Найö дасьöсь чуймавны помтöг, кодыр
Лэбзьö пöрчöм шляпасьыс гулю чукöр,
Кинас вöчö – зэрмылö здук и кобö.

Тадзи лунтыр ворсöдчö; гажыс шедлö,
Весиг менам нюм петис, кöть и верстьö.
Кывлiд, карö локтöма пö волшебник!
Со нö мыйта зарниыс миян весьтын.

27.04.2020

* * *

Бытьö збыль Янтарнöй комлатö ме пыри,
Кырйив раскын кыз пу корйыс сэтшöм сöдз.
Лолöй пöртмасына югыдлунөн тыри,
Кыпыд звöд моз вылын кывтис енэж рöч.

Сйö комлатсö ме олöмын эг аддзыв...
Мыйся дивö коркö мөвпыштлöма сар!
Чайта, вермис сйöс ышöдны со тадзи
Югыд лунъяса да зарни коръя ар.

Тадз кöть нэмтö сулав, мичлуннад мöй пöтан,
Век жö мунны колö, кадыс лои сёр.
Но Янтарнöй комлат войбыд аддзи вöтам,
Кыли андельяслысь шöпкöдчана гор.

30.11.2021

МЕД ЭЗ ВОМДЗАВНЫ...

Кобис.
Мөдөдчи ас вадорулө,
Мися, кумө эг пырав нин дыр;
Бөтъяс көтөдла, вокө на шулис –
Стенын өшалысь бөтад оз пыр.

Питирим локтө ва вылысь «няньтөг».
– Мый нө, – юала, – нинөм эн кый?
– Абу чериыс, – шуө и ланьтө.
Мед эз вомдзавны бөтсө ли мый.

Мися, нинөм, ен отсөгөн...
Пуныд
Коркө шедыштас, морыс оз лый.
– Енмыс абу, – тадз шуө и мунө.
Мед эз вомдзавны енсө ли мый.

Сідзи-й эм, коді вөр-ваын олө,
Быд лун шондікөд чеччө,
То, дерт,
Сійө төдө, мый лолыслы колө.
Эськө өвсис нин, ва кө эз верд.

Прамөй кыйсьысьыд некор эз ошйысь,
Вайлис кыйдөс, и та вылын пом.
Да и енсө эз быдлаө вошйыв,
Мыйла, абу кө сы вылө ком?

22.07.2020

Алексей
МИШАРИН

Алексей Васильевич Мишарин чужис рабочёйлөн семьяын 1949 вося апрель 5 лунё Корткерёс районса Шойнаты сиктын. 1969 воын помаліс Сыктывкарса сельскохозяйственнõй техникум. Уджсьыс орõдчывтõг велõдчис инженер-механик вылõ Ленинградса Лесотехнической академияын. Став олõмыс да уджыс вõлі йитчõма сикткõд да видз-му овмõскõд. Кызь во веськõдліс видз-му овмõс предприятиеõн. Россияса гижысь котырõ пырысь.

Из вылõ из

Роман

Заводитчõмыс 2021 вося 3 номерын
Водзõ сетам дженьдõдõмõн

Витõд глава

2

– Андрей Васильевич, тэныд телеграмма воис, – õдзõсõд мыччысис секретарша.

- Кысянь?
- Пармасынь.
- Да? Петкõдлы.

Збыльсы, телеграмма воõма Парма совхозсянь. Юõртõны, мый налõн овмõсса уджалысьяс вõзйõны Игнатовлы лоны РСФСР-са народнõй депутатпуõн. Корõны сетны вочакыв.

Игнатов лыддис ыстõм юõрсõ õтчид, мõдысь. Кутіс думайтны, странаын вõчсис унатор, мый йõзыс оз гõгõрвоны. Партияса генеральнõй секретар Горбачёв больгис гласносът йылысь. Корис, медым йõзыс асьыныс веськõдлысьяссõ улісянь жмитісны, а сійõ да сылõн матысса чинаяс вылысянь личкыштасны.

– Тадзи õмõй позьõ! – ас кежас вензис сукõд Андрей. – Странаын медвõйдõр колõ вежласътõмлун, зумылдун. А кутан кõ сійõс õтарõ-мõдарõ бовйõдлыны, пазалас. Киссяс сы ыджда государство. Тайõ õмõй йõзыслы колõ? Дерт, кад нин унатор вежны, но вõчны тайõс колõ мõвпалõмõн. Кыз шуласны, сё-ысь думыштлы, сэсса нин бергõдлы...

Игнатов шуасис эз сõмын ас кежысь, мукõд веськõдлысьяскõд паныдасигõн тшõтш юксис мõвпъяснас. Кодкõ сы дор муніс, а кодкõ чõв оліс. А Пармаса директорыс сукõд пыр жõ õткывъясис. Сійõ, буракõ, уджсõ депутатпу вылõ вõзйигас нуõдõма.

Регыд на Игнатов дорõ воліс райкомса выль секретар Пётр Сидорович. Кызди коммунист Енлы эз эскы. Сёрниясын тайõс торйõн тõдчõдліс, а пырис да быттьõ мõд морт шыасис:

– Евангелиеын гижõма, мый Сõветскõй Союзын бõрря сарõн лоõ паса Михаил.

– Евангелиесõ кор гижисны, Сõветскõй Союзыс эз вõв, – пыркнитчис Игнатов.

– Россия вöли, сы борд улын мукöд оланінъяс вöлины.

– Вöли-ө? Сідз и гижöма, паса морт лоö бөръя сарөн? – эскытöма юалис Игнатов.

– Да. Паса Михаилыс кысътас странасö. Америкалы лоö кивыв. Со сылы немечьяс кекöначасьöны, лэдзис öтлаасьны да. Висьталöны, кор ветліс Японияö, зептас долларъяса козин сүйöмаöсь.

– Збыль? – чуймис Игнатов.

– Йöз прöстö оз висьтавны. Локтöм мыстыис дорйысьöма: тöдлытöг пö дзумгöмаöсь.

– И татшöм мортыс веськöдлö сы ыжда государствоөн? Кытчö партияыс видзöдö? А гашкö, тайö йöз больгöм? – Игнатов шötис юалöмъясөн.

– Мхы, – райкомса секретар быттьö виньдыліс, но здук мысти нин водзö нуöдіс сёрнисö. – Партия... Тэ он тöд, кутшöм збыльвылас партияыс. И Горбачёв йылысь абу больгöм. Яковлев на сэнi поводнöй фрукт.

– Кысь меным тöдны? Со кутшöм юөръяс вайин, сьökыд весиг эскыны. Ме öд регыд на партияас пыри, директорөн лои да быть.

– Мöдысь гораа тадзи эн шу, – öлöдіс Пётр Сидорович.

Райкомса секретаркöд сёрни вайис уна майшасьöм. Кытчöдз воам, мый виччысьö ставнысö найöс? Кутшöм олöм пуксяс странаын? Öтторъя юалöмъяс да юалöмъяс бергалісны Игнатов юрын.

Дыр мөвпаліс, мый висьтавны Пармаса уджалысьяслы. Сетны сöглас либö öтдортчыны? Мый на ас овмöсын йöзыс шуасны? Он öд быдөнлы вермы чесьтö уськөдчыны. Кодлыкö лоан бур, а кодлыкö дур.

Кор кывліс, мый депутатөн зильöны лоны ыджыд чина йöз, сэки и шуис аслыс: быть кутас вермасьны. Аттьöалис Пармаса войтырöс да кöсйысис бөрйысьны.

Профкомса председатель да парткомса секретар шуисны чукöртлыны Ягдор овмöсса уджалысьясöс, медым индыны депутатпуöс. Морт ветымын чукöрмис.

Залын кыліс намгöм шы. Воссис öдзöс, и пырисны вöвлöм директор Сидоров Иван Максимович да Закарсиктса школаөн веськөдлысь Марья Сидоровна, кодi арлыд вылö видзöдтöг век на уджаліс. Сылы коркö, техникумын первойя восö велöдчигөн, Андрей бөрдөмсорөн норасьліс. И бöрас Марья Сидоровна быд паныдасигөн чолөмасьліс, юасьліс, кызди олö. Но кор лои Ягдор овмöсса директорөн, сэксянь Марья Сидоровна видзöдіс сы вылö кöдзыда.

Сидоровыд пырис, да пукалысьяс шызьылісны. Игнатовлы закарсиктсаяслөн локтöмыс лои виччысьтöмторйөн. Парткомса секретар да профкомса председатель корöмаöсь локтысьяссö сыысь гусьөн. Тыдалö, тöд вылын кутісны, мый Сидоров да Игнатов костын йитöдъясыс омöликöсь. А öнi лэччысисны тöдтöм улö, быттьö гөсьтъяс кортöг локтісны.

Тані быть лоö казтыштны Сидоровлөн Карбердса овмöсөн веськөдлөмсö. Ягдорысь лэччис да босътчис уджас сьөлөмсянныс. Овмöсыс сы дырйи весиг неуна водзö воськовтіс.

Карбердын видзисны порсьясöс. Сэкса кадö пемöсьясöс вердісны быдсяма чöскыдторнас. Комбикормсö вайлісны овмöсас вагонъясөн. Сы мында вичмөдлісны, мый ён көрымсö складас бульдозерөн йөткалисны.

Öтчыд Игнатов локтіс министерствоö, медым чуктöдны лимит дас тонна вына көрым вылö. Сэки көть сьöмыд вöли, лимиттöг тайö көрымсö судзöдны эн вермы. Лимит эз чукты, но министерствоса чинаяс шөпнитісны, мый вермас ветлыны Сидоров дорö: сылөн пö комбикормыс юр выв тырыс.

Воис Игнатов Карберд овмöсса кантораö. Веськаліс буретш пажын кадö. Сидоров да кантораса куим мужичöй пукалісны залын да картіасисны. Игнатов сүйліс юрсö:

– Иван Максимович, ме тэ дорö...

Сидоров бугжыльтчыліс да пинь пырыс сöдзöдіс:

– Миян пажун кад.

И водзё картіасисны. Игнатов пöдлаліс öдзöссö, ветлөдлыштіс кантораса коридорöд. Кад коліс, да бара восьтіс зал öдзöссö, юаліс:

– Эз на эшты?

– Эз! – кыліс дөзмөм гөлөс.

– Мун петав, тыдалө, ылысянь локтөмаөсь, – тшөктіс Сидоровлы орччөн пукалысь, съөд читкыль юрсиа дядьö.

– Удитас, – öвтыштіс кинас Сидоров.

Сöмын пажын помасьöм бöрын, да эз пыр жö, Игнатов веськаліс Сидоров дорö. Висьталіс могсö да мыччис колана кабала. Мөдыс дыр бергөдліс кабаласö, кыз чуньнас тотшкөдіс пызанö.

Буретш сэки пырис съөд читкыль юрсиа дядьöйд директор жырийö. Төдмаліс мог йывсьыд да пыр и сувтіс Игнатов дор.

– Сет, эн жалит. Аски нөшта на дас вагон воö, а көрымыс склад тыр. Миянлы дас тоннайд войт мында, а найöс, гашкө, вежон водзё йөткыштас. Оз öд дон босьттөг кор.

Сидоров перйис ручка да бара пызанас тотшкөдны кутіс. Мөвпаліс, сетны али ылөджык мөдөдны Игнатовс. Мырдөн-сорөн кырымаліс жö гижөдсö, мыччис дядьöыслы. Вөлөмкө, дорйысь мортыс лоö директорсö вежысьөн.

Игнатов съөкыд съөлөмөн петіс Сидоров дорысь. Көть мөдыс и кырымаліс корөмсö, но коридорын сійөс «видзөмыс» петкөдліс, мый Иван Максимович сы вылө пыр на лөгалө. Увтыртіс, смекайтчыштіс кантораса водзас.

Игнатов тайöс эз вунөд. И кор кывсис, мый Сидоров вылө панöма уголовнöй делö, эз уськөдчы дорйыны.

Вөлөмкө, Карберд овмөсса чошöяслы лунвывсянь вайöны чеснокысь вөчөм сорас.

Өтчөд локтасны лунвывса гөсьтъясыд кыкөн. Пырасны Сидоров патераö. Варовитасны, сёясны-юасны да торйөдчасны.

Кор гөсьтъясыд мунасны, Сидоров лавкаö мөдөдчас, заводитас пасьтасьны. Сюяс кисö пальто зептас, а сэні газетö гартыштөм тубрас. Разяс тубрассö, газет пытшкын съөм гартыштөма. Сидоров пырас асмогасянінö, мед гөтырыс оз аддзы, да лыддяс тірзьөм кинас съөмсö. Лоö дас сюрс. Сэки та вылө автомашина позис ньöбны.

Мөд луннас козинсö нуас кантораас да пуктас аслас сейфö. Оз уськөдчы видзны либö банкö пуктыны. Вайөм съөмөн некодлы оз ошйысь.

Лунвывса волысьясыс козинасисны эз сідз-тадз. Кутісны лача, мый Карбердса овмөс донөнджык босьтас налысь сорассö. Тыдалө, Сидоров локтөдз воддза веськөдлысьыс радейтлөма съөмтö. Гашкө, сылы шайтъяссö вайисны да? Гашкө, сорасьөмөн Сидоровыдлы суйыштісны? Туйпомсö съөкыд корсьны. Сидоров козинсö босьтіс, а тайö ставсö висьталö.

Вермис лоны, мый ставыс некод төдлытөг и коли, но буретш сэки власьт бердö воис Андропов. Странаын заводитчис пöрадок лөсьөдөм вöсна тыш. Весиг лавкаö уджалан кадö оз вöлі позь петавны. Дона козинъяс да съөм босьтөмысь унаөн веськалісны дзескыдінö. Орчча овмөсысь веськөдлысьсö вит во кежлө бытшласьысь сутуга сайö нуисны, шабашникъяскөд пö вывтіасьöма.

Кывсяс тайö юöрыс Сидоровлы, повзяс. Перъяс сейфсьыс козьналөм съөмсö да пошта пыр мөдөдас детдом тшөт вылө. Сэсса ачыс жö пуксяс да гижас милицияö шыөдчөм.

Республикаын паськыда төдса мортыдлы эскасны туясьысьясыд. Сетасны Сидоровлы диктофон да, кор лунвывса гөсьтъяс выльысь воасны, тшөктасны сёрнисö гижны.

Воласны гөсьтъясыд.

Сидоровыд налөн мунөм бöрын локтас милицияд, сетас диктофонсö. А сэні гижөма лунвывса волысьяслысь сöмын чолөмасьөмсö да колльөдчөмсö.

– Мыйла тадзи вөчин?! – скөрмисны туясьысьяс.

– Ме думайті, мый батарейкаыс пуксяс, да дугөдлі гижнысö, – дорйысис Иван Максимович.

– Тэныд жö лючки висьталім – диктофонас позьö гижны дугдывтөг сутки чөж. Тэ нарошнö кусөдін? – Медыдждыд туясьысь вöлі вывті скөр и муртса эз сизьдышт кабырнас Сидоровлы ыджыд нырас.

– Эг, эг нарошнӧ, – повзьӧм вӧсна дзӧрзьӧм гӧлӧсӧн соссис Сидоров.

Но милицияса уджалысьяс та пӧрйӧ сылы эз нин эскыны, панисны делӧ.

Журналистъяс райкомлӧн тшӧктӧм серти газетын йӧзӧдісны ыджыд гижӧд. Республикаса йӧз тӧдмалісны тайӧ лоӧмторсӧ.

Уголовнӧй делӧ панӧм бӧрын Сидоровӧс чӧвтисны директорысь, мортыд коли уджтӧг. Дыр кыскалісны. Эз отсав туясысьяс водзын бӧрдӧмсорӧн висьтасьӧмыс. Эз пыдди пуктыны и сійӧс, мый сьӧмсӧ мӧдӧдіс детдомӧ.

Пикӧ воис да локтіс партияса обкомӧ. Буретш тані секретарнас уджаліс сійӧ мортыс, коді вӧтлывліс Сидоровӧс Ягдорысь.

Иван Максимович кевмысис сылы, бара синвасӧ кисьтіс, казьтыштіс орденъяссӧ, кодъясӧс сетлісны водзын, каитчис, корис отсавны. Волӧмыс эз ло весьшӧрӧ, дзескыдінӧ сылы мунны эз ковмы. Обкомсаыд, воддза бур уджсӧ тӧд вылын кутӧмӧн, звӧнитліс кытчӧ колӧ, и регыд мысти уголовнӧй делӧсӧ тупкисны. Сидоровлы сетісны кабала, мый делӧсӧ тупкӧма, сылысь мыжсӧ эз аддзыны.

Сидоровыд та бӧрын кабаласӧ пыр новлӧдліс сьӧрсьыс да быд тӧдсалы петкӧдліс. Весиг Ягдорӧ воліс ошйысьны. Но удж вылӧ сӧмын кад кольӧм мысти босьтісны – карбердса ӧти овмӧсӧ радӧвӧйӧн.

А во мысти сійӧ петіс республикаса партхозактивлӧн чукӧртчӧм йӧз водзӧ да корис аслыс бӧр бергӧдны бур ним да ыстыны веськӧдлысьӧн кутшӧмкӧ овмӧсӧ.

Ягдорса овмӧс кык пельӧ торйӧдӧм бӧрын корсисны директорӧс Закарсиктӧ. Сэтчӧ и веськаліс Сидоровыд да лои суседӧн Андрей Игнатовлы.

Ӧтчыд Иван Максимович локтіс Ягдорӧ. Кӧзяин моз пырис веськӧдлысь жырийӧ.

– Меным бӧжйӧв* колӧ, вай вичмӧд быд лун пара тонна, – мурӧстіс да сатш пуксис Игнатовлы воча.

– Бӧжйӧлыс миян овмӧслӧн йӧлысь артмӧ. Мыйла ме тэныд кута сетны да нӧшта на быд лун?

– Мыйла менам оз тырмы, а тэ кукъястӧ сійӧн пӧттӧдз юктӧдан. Сет, эн скупитчы! – синіс Сидоров.

– А тэ абу скуп?

– Коді менӧ скупнас шуӧ? Коді? – пыркнитчис Сидоров. – Висьтав, сьӧлышта сылы синмас!

– Кыдзи ачыд верман ас синмӧ сьӧлыштны? Сӧмын, гашкӧ, рӧмпӧштан пыр аддзӧмлы, – Игнатов зумыштчис да сӧдзӧдіс пинь пырыс: – Тэ кытчӧ ассыд йӧвтӧ сдайтан, сэтысь и бӧжйӧвсӧ кор.

– Сідзкӧ, он сет?!

– Ог.

– Муна райкомӧ!

– Мун. Ми ӧд тэнсьыд велӧдчим. Эз кӧ вӧв выгӧдаыс, тэ некодлы жӧ нинӧм сідз эн сетлы. Мый миян овмӧслы лоӧ тэныд бӧжйӧв вичмӧдӧмысь?

Сидоров кыліс тайӧ кывъяссӧ да скӧрысла лӧзӧдліс. Петігас крапкис ӧдзӧснас. Абу на этшыс лӧньыштӧма, кӧть и кыскалісны погона йӧзыд да-й уджтӧг мыйтакӧ оліс.

Здук мысти Игнатов уськӧдчыліс эськӧ вӧтӧдны да косӧдны Сидоровӧс, но эз удит. Мӧдыс сӧлӧма машинаӧ да мунӧма.

Андрей Васильевич сетіс эськӧ мыйтакӧ бӧжйӧвсӧ, а пырысь-пырсӧ воча эз мун сы понда, мый водзын, Ягдорын уджалігӧн, ӧна дзескӧдліс. Эз на вунӧд, кыдзи быдса час чӧж Сидоров видзис сійӧс Карберд овмӧсса кантора коридорын. Омӧлик корысьӧс моз видзис, а ачыс сӧккості картіасис. Эз, эз вунӧд тайӧс Игнатов.

Муртса Сидоров муніс, кантораӧ локтіс Ягдорса маслозаводысь кочегарыс, лолыс тырӧма.

– Андрей Васильевич, – шыасис сійӧ директор дорӧ. – Лок ветлам маслозаводӧ.

– Мыйла?

Кочегар ыджыда лолыштіс да заводитіс висьтавлыны:

---

* Бӧжйӧв (диал.) – обрат.

– Мастерным, Петыр Саньӧ, кык лун помся рытнас кольчыліс удж вылӧ. Векджык водз мунлӧ, а тӧрыт и войдӧрлун маслозаводас бергаліс. Ме котельнӧйын нокся, пес пачӧ сюяла да дивуйтча. А талун помӧй гу дорті муна вӧлі, да кокӧй вильснитіс, уси бок вылӧ. Усигӧн кокӧн чужйыштчис помӧй гуас косян розь тупйӧдӧ. Чеччи да вевтсӧ места вылас кӧсйи пуктыны. Видзӧдлі гуас, да муртса вежӧрӧй эз вош. Гу тырыс сливки, вый комокъяс бовъялӧны. Водзын быд пекничаӧ вольтыліс машинаӧн ӧти карса. Петыр Саньӧкод вашкӧдчыліс, сӧвтліс машинаас вый тыра ящикъяс да увлань лӧччӧдліс. Саньӧ накладнӧйяс мыччыліс: карӧ пӧ лӧччӧдӧны директор тшӧктӧм серти, а бӧръя пекничаӧ карсаыс эз воли. Вильлунӧ Важтыбоксянь звӧнитісны: локтасны пӧ ревизияӧн. Тшукысь мыжсӧ Петыр Саньӧ гуас дзевис. Весиг вый шмакъяссӧ абу жалитӧма, сэтчӧ шыблалӧма. Тіян овмӧслысь йӧвсӧ примитӧ лӧка. Жирсӧ тӧдӧмӧн чинтӧ. Артмӧм лишалана вуйсӧ гусьӧн карсаыслы йӧткӧ. Ме тадз думайта. Некодлы на эг висътав. Тӧ дорӧ локтӧ, тіянлысь ӧд овмӧстӧ кӧмӧдӧ, лок ветлам.

Збыльысь, маслозаводса помӧй гу тырӧма сливкиӧн, и вый шмакъяс сӧні павъялӧны. Игнатовлӧн сьӧлӧмыс весиг гудыртчис. Найӧ мырсьӧны, зильӧны унджык йӧв лысьтыны, а тані со артмӧм вӧлӧгасӧ гуӧ коялӧны! Немортыд, позьӧ ӧмӧй лӧк вӧчысьсӧ мӧд кывйӧн шуны?! Оз! Конкӧ тшыгла кулӧны, а тані со мый!.. Пакӧсьт вӧчысьсӧ колӧ судӧ сетны! Война дырйи лыйлісны эськӧ татшӧмторсьыд!

– Бур, мый ме дорӧ локтін, – шуис Игнатов кочегарлы. – Таысь колӧ мыждыны! Пыр жӧ юӧрта кытчӧ колӧ!

– Звӧнит, мед КПЗ-ӧ нуасны шпанасӧ! – кочегар маткыштіс да пырис котельнӧйӧ.

Игнатов шавксьӧдіс кантораӧ. «Сидоров бӧжйӧв корсьысьсӧ, а Ягдорын сливкисӧ помӧй гуӧ коялӧны! Кывсяс сылы, да нӧшта на ме вылӧ скӧрмас», – думайтис восьлалігас.

Заводитчис туясьӧм, но сійӧ нинӧм эз сет. Петыр Саньӧ лӧдзчысис йӧй улӧ да водіс бурдӧдчаніӧ, кӧні абу тыр сюсь йӧзӧс видзӧны. А сӧсся погонаяс шуисны: Саньӧлӧн вежӧрыс пӧ вошлӧма, кор лӧкторсӧ вӧчис. Татшӧм кывкӧртӧд гижӧмаӧсь бурдӧдчанінса кабаалаас.

...Ставыс тайӧ, кантораса залын пукалігӧн, выльысь бергӧдчис Игнатов юрын. Выльысь казьтыштіс кольӧмасӧ. Весиг дрӧгмуні, кор сылысь думъяссӧ торкис школаса директор:

– Ми тіян депутатпу дор лоам, ті кӧ Сидоров вӧсна сетанныд гӧлӧсьястӧ.

– Сетам, сетам, – кыліс ӧти да мӧд пельӧссянь.

– Ёртъяс, – шыасис профкомса председатель, коді юрнуӧдіс чукӧртчӧмнас. – Вай сетам кыв медводз асланым депутатпулы, а сӧсся вӧлись нин суседъяслы.

Залын пукалысьяс ӧткывъясисны.

Игнатов чеччис, гӧгӧртіс синнас залсӧ да заводитіс сӧрнитны:

– Войсӧ эг узь, думайті. Мыйла ме кӧсья лоны РСФСР-са народнӧй депутатӧн? Ме чужи прӧстӧй крестьянин семьяын, сьӧкыда быдми. Государство сетіс позянлун велӧдчыны. И ме велӧдчи, зили босьтны тӧдӧмлунъяс. Ӑні тайӧ отсалӧ уджын. Тіян син водзын верстыамми. Ті тӧданныд менӧ быд боксянь. Унаысь торксьылі, тіян син водзын жӧ мездысьлі торксьылӧмъясысь.

Меным пыр тшӧкыджыка волӧ мӧвп, ставыс-ӧ миян олӧмын лючки? Воськыда шуа: абу. Та вӧсна страналы колӧны выль веськӧдлысьяс, выль депутатъяс. Медым вынсьӧдны колана оланпасьяс. Медым крестьянин босьтіс удждонсӧ сы мында, мыйта вермис најӧвитны. Медым сійӧ ас му вылас ачыс вӧлі кӧзьяинӧн. Мед сылы эз индавын, кор да мый кӧдзны, кодлы инавын быдтӧмторсӧ. И донсӧ сыысь сетісны сымда, мыйта сулалӧ. Медым сиктын вӧліны клубъяс, физзалъяс. Челядь вермисны велӧдчыны кыпид шонид школаясын. Мед сӧні вӧлі наукаӧн выль пыртӧмторъяс. А пӧрысьясӧс мед аския луныс эз повзьӧдлы, мый кольӧны ӧтнаныс, мый ас кадӧ оз во на дорӧ бурдӧдысь, оз вайны пенсия.

Видзӧдлі, кодъяс суйсьӧны депутатӧ. Аддза: райкомса секретар либӧ совминысь морт. Миян бӧрйысян кытшӧ нырччӧ обкомса секретар. Мыйла сійӧ сиктӧ нырччӧ, а оз карсянь мун? Кӧть кутшӧм карсянь: Воркута, Ухта, Сыктывкар. Чайтӧ, мый сиктсаястӧ кокныдджык ылӧддыны. Ӑд сійӧ и ӧні депутат, а мый вӧчис, медым сиктын олӧмыс бурмис да карса олысьысь эз торъяв?

– Нинӧм! – кодкӧ горӧдіс места вывсянь.

– Та вöсна ме думыштi пырны тайö вермасьöмас. Пармасаяслы ыстi нин вочакывсö. Öнi тiян сайын, сувтанныд он на дор.

Мыйкöдыра кежлö залын пуксьылис чöв-лөнъ. Гут кö лэбис, эськö кылис, но сöмын здук кежлö. Öти бöрся мöд места вывсянь йöз вöзйисны пырны депутатпуö да вермасьны помöдз.

– Мый налы, чинаясылы, оз на тырмы? Нöшта ыджыд власьт ковмöма! Оз ков сетчыны! – кылисны гөлöсьяс.

Профкомса председатель корис лэптыны кисö налы, кодъяс сулалöны Игнатов дор. Кыптiс уна ки. Сöмын öти морт эз лэпты. Тайö орчча грездысь тракторист Вась Веня. Сылөн быдтор вылö аслас видзöдлас, и пырджык пырлис венö, дась вöли ропкыны, дьдгыны и быд пöрийö петкöдлыны ассьыс дöзмöм, но öнi эз вензыы, сöмын кисö эз лэпты.

Сидоровöс сiдз жö вöзйисны Коми АССР-са депутатпуö. Сылы кокныдджык, сöмын гозмöд сикт пырö бöрийсян кытшас. А Игнатовлы лоö ёна ветлöдлыны. Ковмас кытшовтны квайт район, Кулöмдiнсянь Луз вождз. Вермас-ö воöдчыны быд бöрийсьысь дорöдз? Вермас-ö найöс кыскыны асланысь? Öд районса чина йöз оз кутны Игнатов дор сувтны. Найö быд ногыс мöдасны сконйыштны. Сöмын ас коддьöм вылö надеяыс, прöстöй йöз вылö. Медым найö 1990 вося март 4 лунö сетiсны гөлöссö Игнатов вöсна.

Бöрийсисны выль ног. Тайö вöли медводдза и, кызди кадыс петкöдлис, медбöрря тырвийö демократической бöрийсьöм. Кöни эз на ёна ыджыдав пöрийöг, ньöбöм да озырлун.

Ыджыд сьöм эз на вöв.

Депутатпуыс витөн öта-мöд вежмөн ошкисны асьнысö, люзикасисны сиктысь сиктö. Кодi мыйөн вермö, сийөн и ветлö. Со Кулöмдiнö шуркнитiс аслас сьöд «Волгаөн» обкомса. Сöмын лым бус качö. Бöрсянныс Игнатов зильö. Нöшта радлыштiсны на шоперыскöд, кодыр важиник уазикөн панйисны вынийöра «ЗИЛ-157». Тайö Кулöмдiнса военной часьтысь политрукыс мунö. Тшöтш жö окота лоны депутатөн. Сийö öти кытшов и вöчис. Этша гөлöс чуктöдiс да эновтчис, но дугдiгас корис, медым йöзыс гөлöсуйтасны Игнатов вöсна.

Первой кытш бöрын тыдовтчис: водзö петiсны обкомсаыс да Игнатов. Воддзаыслөн гөлöсыс чукöрмис унджык, но этшаджык, медым пыр жö лоны депутатөн. Ковмис мöд кытш нуöдны.

Игнатов тöдмасис лыдпасьяснас да аслыс чорыда шуис – бöрийсьны помöдз.

Öтчид обкомсалөн дöверенной морт, Пётр Марков, Важдiн клубын йöзкöд аддзысьлигөн кыскыштiс Игнатовöс пинжак соскöдыс.

– Лок, вешйылам бокö, – индiс клуб öшиньялань.

– Мыйла? – чуймис Андрей.

– Вешйылам, меным мыйкö гусьөн колö висьтавны.

Игнатов неокотапырысь воськовтiс Марков бöрся, мед лоны йöзсянь ылынджык. Марков нюжмасьтöг панiс сёрни:

– Меным тшöктiсны висьтавны, бöрийсьöмысь кö эновтчан, карысь сетасны кык жырья патера.

– А ог кö?

– Сöветуйта кывзыны, – Марков зумыштчис.

– Да пошёл ты, – Игнатов дöзмöмпырысь рочыштiс да вешйис.

Сы местаын кö вöли мöд морт, гашкö, вöзийöмыскöд и öткывъясис. Вермис-ö сиктса морт пыр жö, карын овтöг да уджавтöг, босьтны кык жырья бур оланiн? Дерт жö, эз. Да-й эз кö заводит бöрийсьны, эськö некод сылы патерасö эз вöзйы. Вöзйысьыс, гашкö, полiс, мый ворссяс? Андрейöс тайö лоöмторйыс скöрмöдiс, чорзьöдiс. «Мый лоö ло, – шуис аслыс. – Помöдз ветлöдла».

Ворссис обкомсаыс да аддзысигөн дугдiс Игнатовкöд чолöмасьны.

Квайтөд глава

1

1991 вося декабр 6 лунө, вой шөрланьыс нин, өткөн олысьяс Иван Кириллов да Толя Мартынов, кодос сиктсаяс нимтисны «пионерон», пукалисны Федя Зиновьев дорын лякось, важон чышкывтом пызан сайын да куритчигмоз пөрөдिसны-юисны «Агдам» сулея. Неуна гажмыштисны, юр вежөрын мутияс кутисны ворсны.

Кылис орча керка дорө матыстчысь уазик шы.

– Депутатыд воис, – Зиновьев кыйкнитлис ывлаө инпөв өшиньса занавес костөд.

– Мөскуваысь, тыдалө. Петыр Вень асывнас карө вөлі мөдөдчө, – нурбыльтис Толя Мартынов. – Жыруйтө, майбыр нуоны-вайоны дон босьтөг. Мөскуваө кор окота лэбалө, и сьом эм, а миянлы пөкмөлитчөм могысь лоө куш сулея чукөртны.

– Асьныд бөрйинныд, – зумыштчис Иван Кириллов да малыштис тасмаа коссыйс пуртөссө.

– Ми эг бөрйөй! – өтпырйө горөдисны Толя да Федя, а Федя казялис Иванлысь пуртөс малыштөмсө, полөмпырысь чөвтлис синсө сы вылө да содтис:

– Сэки клубас весиг эг ветлөй. Буретш Микол Васьлысь нимлунсө пасйим.

– А өні кысь сьомыс сюрас? Тайө өмөй куим мужикыдлы юантор? Сөмын юр шоммис. – Кириллов чуткис кыз чуньнас куш бутылкаө, здук кежлө ланьтлис, быттьө мыйкө уськөдис төд вылас, да шуис: – Ветлам скөтнөй дворө. Сэни талун Гриш Коль скөтникалө. Сылөн аскурыс, төдөмысь, сьөрсыйс.

Регыд мысти куим том пөрнөй мужичөй сюръяяс вылын гежөдик лампочкаясөн югзьөдөм улич кузя сьөрсьөн-бөрсьөн мөдөдчисны скөт картаяслань. Водзын восьлалис Кириллов. Ыджыд, ён тушаа, варгыль кока. Кок лапаяссө шлуп-шляпөн пукталө. Кузьмөс чужөмас кызкө тешкодья сатшысьсөма чангыль нырыс. Кыз льөбйыс вөвлөн моз өшйөма, сук, мегыр сяма синкым улын былъсвидзисны тамышөн видзөдысь синьяс.

Федя Зиновьев вөтчис Иван бөрся. Федя кузь, вөсньыдик. Интеллигент өбичаыс тшөкыда ылөдлс йөзсө, мортыс чайтсис шаньон. Збыльвылас скөрлун серти сйө нинөмөн эз кольчы Кирилловысь, но асьыс збойджыкъясысь полс.

Медбөрын дженьыд кокъяснас тирликтис Толя Мартынов – «пионер». Туша-рожанас Мартынов ёна кольчис кыксьыс, а этшыс вөлі шогмытом. Нинөм абусыйс вермис скөрмыны, пузыны. Та дырйи оз думайт, мый ки улас сюрө, сйөн и вачкө да сутшкө.

Гриш Коль буретш вөлі помалө мөсьяс улысь сит зыртөмсө. Унджык мөскыс куйлис. Кодкө рөмидзтис, а кодкө нюжөдчөма джоджас, юрсө лэдзөмөн узьө.

– Чолөм, Гриш Коль! – пыригмозыс горөдис Кириллов. – Вай пөкмөлитөд!

– Мыйон? – Гриш Коль талун эз окотапырысь локтысьясөс паныдав.

– Аскурнад, төрыт на ошйысин: вийөді пө.

– Этшаник шомыс вөлі, – буркнитис Гриш Коль.

– Мый эм, сйөс и сет, – тшөтш заводитисны дзайгыны Федя да Толя.

Гриш Коль мыйкө көсйис на шуны, но сэсся видзөдлс локтысьяс вылө да өвтыштис кинас:

– Пырөй шойччан жырьяс, помышта да локта.

Гриш Коль мый вынсьыс заводитис кытшовтны куйлысь сюраньяслысь радсө. Помалис, пуктис зыртчансө пельөсө да пырис шойччан жырйө. Матыстчис мыссян доз дорө. Гоз-мөдысь койыштис пөсялөм чужөм вылас ыркыд васө да косөдчис чышкөдөн. Сэсся шкапысь перйис пажун новлан сумкасө. Сумкасысь пыр и тыдовтчис газетысь вөчөм пробкаа литр джынъя сулея. Аскурыс Гриш Кольлөн еджгов рөма, быттьө йөлөн соралөма. Перйис шкапысь куим стөкан да колс пуктис пызан вылө. Шөрыштис ас пөжалөм көрыш да нетшыштис пиньнас бумага пробкасө.

– Ак, – долыда кыскыштис паськыд ныр розяс аскур дуксө. – Крепыд артмис!

Иванлөн голя гарчканыс вөрзыйлис, дульваыс петис, да буркнитис:

– Вай кысыв нин!

Гриш Коль кисьталіс аскурсө стөканъясө. Синсө читкыртөмөн витіс, медым ставлы өтмындаён лои.

– Босьталой, – Гриш Коль лэптис ассъыс стөкансө.

Мужикъяс пыр жө гулькнитисны аскурсө. Сэссия ставныс чепөльтисны нянь көрышсө да заводитисны няклявны, быттё рөмидзтөны.

Кынөмъясын кутис шонойд гуляйтны, юрө кайис. Лои төдчымөн гажаджык. «Агдам» дорад аскур содтөмыд бура инмис. «Пионерлөн» весиг кывйыс кутис крукасьлыны. Варовмисны, Федя Зиновьев друг серөктис, вильыша видзөдліс ёртъяс вылө да шуис:

– Төрыт асыв бригадаса мужикъяс мыйкө пыльсьялөны. Мый, мися, сераланнид? А Ваньё Олексан шуө: рытнас пө сусед пыраліс да серам петкөдліс, кызди Косьта Иван гөтырыслыс портманетсө корөма.

– А, кывлі, нэмөвөйса басни нин, – торкис сійөс Гриш Коль.

– Косьта Иванлөн аслас шог, миян асланым, – серөктис Иван Кириллов. – Гриш Коль, вай син пөвсө кисьтав.

Гриш Коль ыззьөма да эз нин мөвпав, мый удж вылын оз позь аскурасыны. Локтигас аскурсө вайис, медым гусьөн видлыштавны, но өні, шоммыштіс юрыс да, телепит содтыны. Эз виччысь мөдысь корөм, пыр жө стөканъясө чолькнитис.

– Тэныд пуны, – видзөдліс Иван вылө.

– Юам да, тыдовтчас, кодлы пуны, – стөкансө вом дорас матыстігмоз нурбыльтис Кириллов.

Мужикъяс гулькнитисны, чукрасьыштисны да бара чепөльтисны нянь көрышсө. Нөшта гаж-мисны, өтитор казтыштисны, мөдтор.

– Коймөд час, – друг видзөдліс часі вылө Федя Зиновьев. – Разөдчам, аски удж вылө.

– Та-алун нин, – икнитис «пионер».

– Да, талун. Аттьө, Гриш Коль, – Зиновьев кутчысис өдзөс вугйө.

– Аттьөсьыд платтьө он вур, лоанныд долгаөсь, – куш бутылкасө сумкаас дзебигмоз воча-видзис Гриш Коль.

– Сочтөмся, – рочыштис Иван Кириллов.

Мужикъяс петисны картаысь, асмогасисны веськыда туй вылас, жөвъялыштисны. Кирилловлы син улас уси неуна бокин сулалысь сё юр вылө пу карта. Сэтчө чукөртөны став тыра мөссө да сәні вайсьөдөны. Тавой вайсян мөсьяс дорын ноксис том нывбаба, Инна Сажина. Сөмын на верөс сайө петис, олісны гижсьытөг Косьта Володькөд. Инна ён тушаа, позьө шуны, мыгөр серти мужичөйлань муныштө, и кабыръясыс топыдөсь. Нывлөн ставыс ас местаас. Абу сылөн синмө шыбитчана мичлун, но и мисьтөмөн оз позь шуны. Школа бөрын локтис скөтнөй дворө лысьтысьны да сідз, некытчө ветлытөг, и уджалө.

Вой кежлас сійө картаысь став өдзөссө пытшкөссияныс игнавлө, а талун восьтөма турун сарайыслысь, кодөс стрөитлөмаөсь дзик карта бердас. Петөма да ывлаысь сарайө турун пыртлө. Сарай дорас воддза луннас вөла турун додь путкыльтлөмаөсь.

Иван Кириллов, кор паныдасыліс Иннакөд сиктса улич вылын, дульвасө нылыштліс. Окота сылы шамыртлыны том нывбабасө, ой, окота! И өні вина гагъясыс йөткөмөн йөткисны Инна дорө. «Сюри стрөкаыс, да тшапнита», – думыштис ас кежысь. Ылысянь на горөдіс:

– Отсыштам пыртлысьныд!

– Тіянтөг нин кызкө-мыйкө, – кедзовтана вочаасис Инна.

– О, кутшөм сутшкасьысь!

Кириллов матыстчис, шурк сывйыштис нывсө да заводитис тойлавны сарай пытшлань...

Игнатов паляліс өдзөсө лөкысь клонгөм шыысь. Керка сайын, чеп йылын, мый вынсьыс нетшкысис-увтчис понйыс.

Игнатов звирк чеччыштис крөвать вылысь, уськөдчис өдзөслань:

– Мый лои?!

– Пөжар, Андрей Васильевич! Картайд сотчө! – лөкгоршөн горөдіс камөдчысьыс.

Игнатов уськөдчис телепон дорө. Звөнитис пожарникъяслы Важтыбокө, районса юрсиктө.

Корис өдйөджык мөдөдны кусөдчан машинаяс. Ачыс шур-шар пасьтасис да петіс ывлаө.

Синмө пыр жө шыбитчисны карта весьтын лөз тшын кольтаяс. Да абу прөстө тшын, а би сорөн енэжө кайө, весиг бикиньясөн коясьө.

Чукөрмисны йөз. Сиктсаяс, коді мый вермөма да сюрөма, сійөн и уськөдчөмаөсь кусөдчыны. Ведраясөн матысса юкмөсьясысь заводитісны кыскавны ва да коявны карта стенмө. Игнатов пыр жө тшөктіс вайөдны овмөсса кусөдчан машина. Важся нин, но мыйкө мында көть отсөг сөтас пөжарникьяс вотөдз.

Некымын мужичөй уськөдчисны өдзөсьяс дорө, тракийөмөн зілісны восьтыны. Но пытшяньыс игналөма да, эз сетчыны. Сарайөд пырны картаө он вермы. Сэні биыс медьёна ыпьялө. Гаражысь петкөдісны трактор да троскөн нетшыштісны карта өдзөссө. Пытшкас лөз тшын. Кылө сюраньяслөн нора ымзөм шы.

Мужичөйяс пырисны ныр-вомсө кепысьнас тупкөмөн. Öтияс кватитісны өдзөс дорсяньыс матысса посни кукьяссө да моздорас петкөдісны ывлаө, котөртөдісны орчча картаө. Мөдьяс мездісны чепьяссө домысь, кытчө мөсьяссө вөлі пысалөма. Пысыс труба помын и эм. Трубасө мыйөн бергөдан, домасян чепьясыс усьласьөны джоджө. Видлісны вөтлыны ывлаө өдзөдorsa пемөсьяссө. Сөмын кыкөс вермисны нуөдны, а мукөдыс, көть и петалісны, бөр уськөдчисны карта пытшкө.

Кос керьясыд турун сорнад өдйө сотчисны. Сөмын рутшка-ратшкакылө да шиперыс шковгө-луйсьө.

Кор воисны пөжарнөй машинаяс, картаыс дзоньнас нин ыпьяліс-сотчис. Дугдісны кывны мөсьяслөн нора ымөстөмьяс.

– Көні дежуритысь дояркаыс? – Игнатов матыстчис бригадир дорө.

– Инна Сажина некөн оз тыдав. Со бать-мамыс тшөтш корсьөны, – вочавидзис сійө.

– Извергьясыд виисны да өзтісны картасө, – бөрдөмсорөн шуаліс Инналөн мамыс.

– Гашкө, кытчөкө петіс? Гортад эз волю? Гашкө, верөс дорас муніс? – юасис Игнатов.

– Эз мун. Сійө войнас уджаланінсө оз энотлы, дай игнасьөмөн олө. Удж вылас мунігөн пыраліс мянө. Шуис, мый верөсыслы эз тшөкты пывсянсө ломтыны: аски пө ломтам. Виисны, виисны извергьясыд, – сыркьяліс нывлөн мамыс.

Картаыс кушөдз сотчис. Югдөм бөрын воисны туясьысьяс. Погонаяс сувтөдісны стөрөжьясөс, а пөжар кусөдысьяс кисьталісны васө сы мында, мый өткымынлаын сөмын чусалісны сэрапомьяс.

Рытгорувнас нин турун сарай местаысь туясьысьяс аддзисны Инна Сажиналысь сотчөм шойсө. Сөвтісны картон көрөбө да лэччөдісны карө экспертиза вылө.

Ягдорсаяс шөйөвошины. Татшөм ускөттөыс, морт виөмөн да скөт карта сотөмөн, тані лои первойысь. Рытнас сиктсаяс полісны ывлаө петны: пемьд, шуштөм.

Иннаөс дзедбан лунө овмөсса став уджалысьыс колльөдчисны. Нывбабаяс бөрдісны, жалитісны Иннаөс, весиг мужикуловлөн синваыс доршасис.

Шойна вылын унаөн сёрнитісны, корисны корсьны морт виысьсө. Игнатов көсйысис став йөз водзын, мый туясысны. Аддзасны извергсө да чорыда мыждасны.

Шойнаысь петігөн ныр на ныр паныдасис Иван Максимович Сидоровкөд. Сидоров эз шыасьлы, юрсө чатөртөмөн шавксьөдіс гулань, кытчө колины на Инналөн бать-мамыс.

Сидоров ягдорса пөжар йылысь ёна водз кывліс. Сотчө на вөлі скөт картаыс, кор төдса морт звөнитіс.

– Депутатыдлөн картаыс сотчө, – кыліс телепон трубкаын. – Мөсьясыскөд!

Сидоров ас кежас радлыштіс: «Сідз тэныд и колө. Ме дырйи татшөмыс эськө эз ло...» Некыдз эз вермы прөститны Игнатовөс, мый пуксис сы местаө. Райкомас Сидоров ыждаліс, шыблаліс шыөдчөмьяс, но сэки эз чайт, мый кодкө мөд локтас директоравны. Сійө виччысис, мый райкомса секретар ачыс воас копрасьөмөн сы дорө. Корас, медым оз мун удж вылысь: некодлы пө та ыжда овмөссө сетны. Сидоров ыждалыштас, мед төдіс, код вылө каттысьыны, да көсйысяс водзө уджавны. Но эз сы ног ло... Ыкпаш, бордтөм ракаыс, Игнатовыс нырсө сүйис. Эз, эз прөстит сійөс и воддза досьесыс.

Гуасян мөд лунө Игнатов пукаліс кантораса жырйын да ноксис кабалаясөн. Өтилаысь, мөдлаысь воалөмаось, бура уна чукөрмөма. Мычысис секретар да шуис:

- Андрей Васильевич, тіян дорө көсйө пыравны Одъюысь Габов Савелий Кириллович.
- Мыйкө срочной? Менам со мыйта уджыс, – индіс кабалаясөн тырөм пызан вылө.
- Кыдз депутат дорө пө.
- Мед пырас.

Пырис олөма нин дядьө. Шапкасө киас кутөмөн, полігтыр, сувтіс өдзөс дорө.

– Пуксьөй, – индіс улөс вылө Игнатов. – Кутшөм мог суис?
– Андрей Васильевич, менө лесопунктса технорук Пустышев кык төлысь сайын стращайтіс ружьеөн. Весиг көсйис шковгыны-луйны. Плешкө стволнас инмөдліс.

– Мыйла?

– Йөраөс гусьөн вөлі лыйөма. Ме аддзылі да лавкаын висьталі. Сыысь менө көсйис мөдарьюгыдас мөдөдны. Ныр-вомө вачкис да кык пинь чегис. Со воддзаясыс абу, – дядьөйд жеркнитліс, петкөдліс пиньтөм вомсө.

– Милицияө колө шыөдчыны, – вөзйис Игнатов.

– Шыасьлі сэтчө, прокурорлы гижлі, нинөм төлкыс эз ло. Уголовной дело пө панны оз позь. Кора тіянөс отсавны. Медым вельмөм мортсө кывкутөмө кыскасны. Со тіян ним вылө шыөдчөм дасьті.

Игнатов лыддис шыөдчөмсө. Татшөмторнас сы дорө первойысь на локтісны. Шыөдчөмьясыд эськө быдлаысь локтөны, но милиция да прокуратура вылө элясьөм эз на волы.

- Гөгөрвои, гижла прокурорлы. Мед выль пөв тіянлысь шыөдчөм видлаласны.
- Атьө.
- Пока нинөмысь.

Игнатовлөн Россияса депутат серпаса гижөдыд мөрчөма. Панөмаось вөлі уголовной делө. А сэсса Пустышевөс кыскисны кывкутөмө. Районса суд ружьеөн шенасьөмысь да ныр-вомө вачкөмысь сылы сетіс куим во условнөя.

Игнатов сэки думыштны эз куж, мыйөн аслыс бергөдчас прокурорлы гижлөмыс...

2

Воис тулыс. Пөжар места, көть төвнас пелькөдлісны, воссис да петкөдчис сэрапома колясьясөн. Вылысь казтыштіс шог лоөмторсө, парсыштіс бур йөзыслысь ульсалысь на дойсө. А регыд кывсис, мый ошъяс волөмаось скөтөс гуаланінө, перъялөмаось мөс шойяссө.

Игнатов тшөктіс вылысь гуавны, пьидөджык. Кольөм төвся ускөттөбыс ёна дойдіс сылысь сьөлөмсө. Юрас еджыд пратьяс содісны, морөс увсө кутіс чабрөдлыны.

Пөжар бөрти сійө пыр жө шыөдчыліс республикаса прокуратураө, милицияө. Медым кор- сясны мыж вөчысьсө. Виччысис вочакыв. 1992 вося төвшөр 17 лунө прокуратурасянь воис письмө:

«В ночь с 6 на 7 декабря 1991 года на животноводческой ферме совхоза, расположенном в с. Ягдор, возник пожар. Огнём уничтожено здание, оборудование, погибли 73 коровы и 48 телят. На пожарище был обнаружен труп работницы совхоза Инны Сажиной.

По данному факту следователем СРП РОВД 7 декабря 1991 года было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 99 УК РСФСР.

При судебно-медицинском исследовании трупа Сажиной было обнаружено три ножевых ранения в области груди и установлено, что воздействию огня подвергалось уже мёртвое тело. Погибшая была беременной. После производства первоначальных следственных действий стало очевидно, что имели место умышленное убийство Сажиной и поджог с целью сокрытия совершённого преступления. В связи с этим уголовное дело для дальнейшего расследования было передано следователю следственной части прокуратуры Коми АССР.

26 декабря 1991 года по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных

ст.ст. 98 ч. 2 и 103 УК РСФСР был задержан, а впоследствии арестован Иван Кириллов, 1957 года рождения, уроженец села Ягдор.

9 января 1992 года Кириллову предъявлено обвинение по статьям 98 ч. 2, 103 УК РСФСР, в том, что он в ночь с 6 на 7 декабря 1991 года, находясь в состоянии алкогольного опьянения, пришёл на ферму, где на почве ссоры с Сажиной причинил телесные повреждения, от которых она скончалась на месте. С целью сокрытия убийства Кириллов совершил поджог фермы. Расследование по делу продолжается».

Со кодї извергыс вөлөма! Ягдорсаяс шызисны, эз на удитны сёрниясыс лөнныштны, воис выль юөр: Кирилловөс пө бөр вөля вылө лэдзөмаөсь. Туясъсыяс абу вермөмаөсь эскөдны судсө, мый сійө мыжа.

Та бөрын Кирилловөс позьө вөлі аддзыны сельпоса вина вузасян лавка дорысь либө столөвөй-кабак бокасы, көні быд рыт юктасисны вина-водкаөн. «Кысь сьөмыс төкаритнысө? – шензисны йөз. – Мамыслысь, тыдалө, пычкө».

А Косьта Володь инас эз өшйы. Кириллов вылө, кодї лёка смекайтчис да ородіс оломсө муса гөтырыслысь, чужтөм на кагукыслысь, сы пытшкын кыптис кок йылысь уськөдан лөглун, гудрөдліс вежөрсө. А сійө, мый Кириллов лоө злөдейнас, Косьта Володьлөн некутшөм ыдьясьөм эз вөв. Оти рытө гортдорса чипасысь перйис вөсньыдик, киөн чабыртмөн кызд пес чурка. Гозмөдысь лэптыштліс сійөс да бөр пуктіс. Босьтис орчасө, кодлөн чурвидзисны ёсь пома увьяс. Черөн лөсьөдыштис өтар помсө, медым бурджыка позяс кватитны, да артмөм паличсө дзебис куртка пөла улас.

Косьта Володь бөр-водз пыраліс гортас.

– Мам, – шуис сійө ичөт пач дорын пражитчысь мамыслы. – Ме суседьясө петала.

– Эн дыр, регыд ужнайтам, – кыліс өдзөс пөдлалігмоз нин.

Косьта Володь веськөдчис сельпо столөвөйланы. Сійө сайөдчис керка мыш сайө, кытчө сюръяйывса лампочка югөрыс эз инмы, да кутис кыйөдны гежөдик петысь-пырысьясөс. Виччысис, кор Кириллов петас кабакасы. Мый немортыс сәні, Володь төдіс тшукысь. Коли минут дас, гашкө, унджык. Дзуркнитис винаөн юктасян керка өдзөсыс, мыччысис Иван Кириллов. Шатлалігтырйи, гач кизьяссө разигмоз, воськовтіс сайөдіно, веськыда Косьта Володьланы. Чиркнитис истөг тув, здук кежлө югзьөдліс важөн бритчывтөм чужөмсө, өшөдчөм льөбсө, көні чурвидзис чигарка пом.

Өні Косьта Володь эз нин катлась, сы син водзын вөлі неморт, код дорө некутшөм жальлун оз вермы лоны! Колян кө ловйөн, мөдысь нөшта на лектор вермас вөчны. Тайө кын сьөлөма мортсө колө быть сувтөдны! Вачкыны сідз, медым пыр жө чермунас, здукөн пагалас! Мед сөмын пемыдас оз ылав, мед сөмын местаө веськалас!

Косьта Володь кутыштис лов шысө, зэвтчис, и мыйөн сөмын истөг тувйыс кусі, мый вынсьыс вачкис увья паличнас Кирилловлы балябөжас. Немортыс ружөктис, шатовтіс да, быттьө коксө черөн керыштисны, шняпкысис-усис эжа вылө, киргыштис, сэсса ланьтис.

– На тэныд, гадина! – пинь пырыс сөдзөдіс Косьта Володь да воськовтіс гортланыс. Гортас сійө восьтліс пач вомсө да шыбитис паличсө ыпьялысь биө.

Мөд асылө аддзисны Иван Кирилловлысь шойсө. Милицияса участкөвөй, кодөс первойөн чукөстисны, видзөдліс шой вылө да сөмын юрнас докйөдлыштис. Заводитчис туясьөм, но виысьсө, тыдалө, корсисны мода вылас. Косьта Володь дорө некод эз волы.

Сизимөд глава

1

РСФСР-са народнөй депутатъяс чукөртчылісны дасысь. Медводдза аддзысьлігөн кө Ельцин да депутатъяс костын йитөдыс вөлі лючки, то кымын водзө муніс кадыс, сымын торьялөмыс ыдждіс-содіс.

1993 вося сентябр 21 лунö рытнас Ельцин шыödчис телевизор пыр йöз дорö. Сійö шуис, мый кырымаліс 1400 номера Указ, көні шуöма бырöдны Верховной Сöвет да Съезд, сы вöсна мый найö пöртисны ассъыныс медшöр могсö да эз лоны öнiя олöмлы лöсяланаөн.

Сійö жö лунö Верховной Сöвет лыддис президенлысь уджсö Конституциялы лöсявтöмөн. А Конституционнöй суд вöчис кывкöртöд, мый Ельцин торкис медшöр оланпасысь уна статья да тайö сетö позянлун вештыны сійöс удж вылысь.

Пыр жö, Конституционнöй суд шуöм бöрын, Верховной Совет вынсьöдiс президент Б. Ельцинлысь полномочиeяс киритöм йылысь постановление да президентлысь удж вöчысьöн индiс Руцкойöс, кодi вой шöр бöрын нин сетiс присяга.

Ельцин эз и думайт кывзыны Верховной Сöветöс. Сійö тшöктiс автоматъяса йöзлы босьтны кытшö Верховной Сöветлысь керкаяс, көні вöли налөн уна служба. Сувтöдаліс милициялысь постъяс. Кутiсны кыйöдны керкаö пырысь-петысь депутатъяс бöрся. Россияса став депутатысы, кодъяс эз вöвны Ельцин дор, дугöдiсны дон босьттöг да чередтöг телепон пыр сёрни. Дон босьттöг жö эз кутны сетны машина да самолётъясын местаяс.

Талы воча Руцкой тшöктiс разöдны оружие налы, кодъяс локтiсны дорйыны Верховной Сöветöс.

Игнатовлы воис телеграмма: Верховной Сöветса председатель кад воштытöг корö дасöд чрезвычайной съезд вылö, сійö заводитас уджавны сентябр 23 лунö.

– Эн мун, аддзан телевизорсыд, мый вöчсьö, – öлöдiсны гöтырыс и тöдсаяс.

– Кыдзи ог мун? Корöны, сiдзкö, колö мунны!

Сöліс овмöсса узикö да лэччис карö.

– Звönитла, кор эштас. Волан, – торйöдчигас шуис шоперлы.

Аэропортын депутатскöй жыр вöли игана. Игнатовöс сэтчö эз лэдзны. Ковмис кассаысь ньöбны билет да сувтны регистрация вылö.

Москваын та пöрийö некод эз вочаав. Верховной Сöветса керка дорöдз воödчис карса автобусөн. Кремлёвскöй дворечö, көні водзын мунліс съездыс, туйыс вöли пöдса. Ельцин индöд серти сэтчö лэдзисны сöмын сы дор сулалысьясöс, а паныд мунысьяссö пыранiнсянныс косöдлісны.

Верховной Сöвет керка öдзöс дорын сулалісны автомата чеченечьяс. Найö видзöдлісны Игнатовлөн депутатлысь эскöдан пассö да вежавидзöмөн вешйыштiсны, лэдзисны пырны.

Пыр жö воссис заседание. Кызвын депутатыс пукалісны залын. Эз вöвны сöмын Ельцин дор мунысьяс.

Съездсö нуöдiс Р. И. Хасбулатов. Сёрнитiсны унаөн. Сынöдас öвтiс порок дукөн, и тайöс ставөн гөгöрвоисны.

Быд юалöм кузя гөлöсуйтiсны ки лэптöмөн. Электроннöй система эз уджав, би вöли кусöдöма. Керка пытшсö югзьöдiсны торъя генератор отсöгөн. А регыд мысти Ельцин дугöдiс сетны ва.

– Мый вöчны? Тани, Москваын, ставыс петкөдлö, мый Верховной Сöветлөн помыс тыдалö нин. Хасбулатов омöлик юрнуöдысь. Сылы оз тырмы повтöмлун. Да и кадсö лои воштöма. Йöзлы эз ло сетöма выль, Ельцинысь торъялана оланвизь, – шуасис ёртъяс пöвстын Игнатов.

– Колö водзö тышкасьны узурпаторлы паныд! – чорыда крапкис депутат Шахова. – Ме лоа тани помöдз!

А кодсюрö öткывъясисны Игнатовкöд:

– Да, Хасбулатов и ми ськөд тшöтш вермам ворссьыны. Миянөн лöсьöдлöм став панасыс тупкыяс, а кутшöм надея вöли бурмöдны йöзыслысь олöмсö!

Рытнас тöдысь йöз öлöдiсны, мый петасны кө Верховной Сöвет керкаысь, бöрсö татчö оз веськавны. Ельцин кырмалöма индöд: керкаысь петны позьö, а бöрсö пырны оз лэдзны. Та вöсна вой кежлö унаөн кольчисны заседание нуöдан жырйö. Öтлалісны улöсьяс да сэтчö и водалісны. Кодлы тырмис, юисны чай да кофе. Буфетын прамöй сёян-юан эз вöв.

Мöд луннас Игнатов съезд вылö волысь кызвын депутаткöд сöліс автобусö, кодi муніс аэропортö.

Сыктыварын овмöсса узик эз тыдав. Шоперлы, көть и звönитліс, абу и висьталöмаöсь, мый

локто гортө. Ковмис узны төдсаяс ордын. Асывнас выльысь звөнитчис, корис машинасо да вөлисти воөдчис Ягдорө.

Борис Ельцинлөн государственной переворот помасис 1993 вося октябр 4 лунө танкъясысь Россияса парламент кузя лыйломөн. Верховной Совет дорйысьяс пиысь (официальной лыдпасьяс серти) 124 морт пөгибнитисны да 348-өн ранитчисны пуля помысь. Тадзи кык власьт костын вен помасис совет власьт мырдөн бырөдөмөн. Та дырйи мунис вир кисьтана тыш эз сөмын парламент керка дорын, но и москваса уличьяс вылын.

Став чина войтырлы Ельцин тшөктис увтыртны депутатъясөс, кодъяс мунисны сылы паныд, вөтлавны найөс удж выльысь.

Сэки сідз шусяна «демократической пресса» гижис: мунө пө ёсь тыш «демократьяс» да «гөрдов-мугов» рөмаяс костын. Странаса унджык йөзыс «нылалисны» татшөм ылөдлөмсө, эскисны.

А прөстой йөзсө первойя лунсянныс власьт зилис юсьөдны. Том мортөс ичөтсянь велөдисны дарьясьны, и не сөмын вина-водкаөн, но быдсяма сорасьяснас, код бөрти найө кадысь водз эновтлисны таладор югыдсө. Уналы школа пыдди лои вөзйөма кабак да улич выв. Культура пыдди телевизор пыр петкөдлисны йөзөс бөбйөдлан кинояс. Быдмисны челядь, кодъяс эз тырвийө төдны страналысь историясө. Грамотатөм да код юра морт оз кут нырчыны политикаө, а тайө власьт кутысьяслы кивыв.

Төлка политик оз ов төрытья лунөн. Төлка политик оз ов и өнйя лунөн. Ставлы, кодъяс босьтисны йөзсянь морт вылын власьт, быд воськов колө вөлі вөчны пыдысянь мөвпыштөмөн, мый эськө ковмас аски, и мый тайө вөчөмторйыс сетас йөзыслы. Но та пөрийө депутатъяслөн кыз политикъяслөн уджыс артмис пыдысянь думышттөг.

Шулөны тай: кутшөм рок пө пуан, сэтшөмөс и сёян. Йөзөн бөрйөмаяс тайө шусьөгсө асланыс уджын эз кутны төд вылын. Эз эськө лёк олөм вөсна нырчыны, эз. Ставныс, коді лои депутатөн, сетисны кыв, мый кутасны уджавны йөзлысь олөм бурмөдөм ради. А мый артмис? Странаын муртса гражданской война эз пансьы!

Игнатов дыр мөвпаліс лоөмторъяс йылысь.

Сы ногөн медыджыд сорсьөмөн лои власьт бердө Ельцинөс вайөдөм. Унаөн, на лыдын и ачыс, ас кадө эз казавны сылысь сямсө. Төлктөм, лёк морт вөлөма. Босьтис ас киас власьт да веськөдіс сійөс страналысь экономика пазөдөм-жугөдөм вылө, Советской Союз кисьтөм вылө. Та дырйи тшөкыда кодаліс, а гажа юрад веськөдлігөн весиг ичөтик колхоз киссьө-рөзөритчө. А тані сы ыджда страна!

Быд заседание костын йөзөн бөрйөмаяс мунлисны Москваысь чукөртөм йөзлөн кытш пөвстөд. Йөз горзисны, янөдисны, депутатъяс кө гөлөсуйтисны Ельцинлы паныд. Кекөначасисны – сувтисны кө сы дор. Сёрөнджык төдмалисны: чукөртчөм йөзыс горзисны да кекөначасисны эз весьшөрө, а сьөм вылө. А веськөдлісны тайө «спектакльнас» суйөрсайса медалөм войтыр.

Му вежандырйи, 1990-өд воясө, Россияын пуксис рөзбөй сяма, лёк кад. Лыйсисны, виалисны, мырддялисны эмбур. Сэки Ягдорын уна мужичөй помаліс асьыс олөмсө немортнога. Федя Зиновьевлысь юр чашкасө жугөдісны сьөкыд изйөн, виысьсө эз аддзыны. «Пионерөс», вина юан другыслы пуртөн сьөлөмас сутшкөмысь, дас во кезлө нуисны Воркутабердса зона вылө.

Инна Сажиналөн мамыс эновтис таладорсө. Туясысьясянь налы эз волы некутшөм юөр, коді виис Иннаөс. Сөмын батысь дыр на оліс, думнас виччысис, мый мөдарьюгыдас мунтөдз төдмалас извергсө, коді ородіс өтка нылыслысь да чужтөм на кагукыслысь олөмсө.

Косьта Володь некодлы эз висьтавлы, кызди увья паличөн чергөдіс Иван Кирилловөс.

Игнатов эз вермы пөртны олөмө Инналөн бать-мам водзын асьыс көсийсьөмсө. Сійө воштис депутат чинсө, да сылысь норасьөмъяссө прокуратура пыдди эз кут пуктыны. А кор паныдасьліс мукөд овмөсса директоръяскөд либө райисполкомса чинаяскөд, найө зилисны өдйөджык вешйыны Игнатов дорысь, быттьө полисны вуджан висьөм көвьясьөмысь.

А Иван писө, коді помалө вөлі службасө Мурманск карбердса гарнизонын, гашкө, теш ради, гашкө, эз, кутисны нимтыны вөрөг пиөн.

Андрей Игнатов, кор заводитис бөрйысьны, нырччыны депутатö, весиг мөвпыштны эз куж, мый рөкыс шыбитас сійöс олөмлөн вабергачö. Кыдзи РСФСР-са народной депутат, сійö паныдасьлис унакөд, кодъяс сэки странаын вöчисны историясö, но гөгөрвоис налысь тöдчанлунсö сöмын уна во кольöм бöрын.

Көкъямысöд глава

1

Йöзыдлөн муслуныс, вөлөмкө, вежласьö. Талун тэнö дасьöсь ки вылас новлөдлыны, а аски, пон чукöрын омөлик понйöс моз, вермасны пурны. Россияса Верховной Совет лыйлөм бöрын ягдорсаяс видзөдिसны Игнатов вылө кöдзыдпырысь. Унаөн чиктылисны, син сайын шуасисны: «Уськөдисны, сідз тэныд и колö!»

Мортыд эськө казялис ас дорас йöзлысь кöдзалөмсö, весиг кутшөмкө гөгөрвотөм майшасьöм чужис, но чөв олис. Мый лов вылас сиктсаяслөн? Мый думайтöны найö? Важысянь тöдса, мый йöз лолыд оз тыдав. Игнатов эз тöд, мый колö вöчны, медым йöзсö бөр асланыс бергөдны. Да-й, веськыда кө шуны, эз лөксö виччысь насянь, кодъяскөд уна во уджалис совхозын. Сылы чайтсис, мый унджыкыс сы дор на лооны.

И водзынджык эз ёна думыштлы, кор колис ас пыдди Регина Андреевна Швановаöс. Эз чуймы, кор Шванова дзик пыр көсйысис да ньöтчид эз норасьлы кывзысьтöмъяс да вина юысьяс вылө. Игнатовлы эськө сюсьджыка видзөдлыны сылань, но бара эз казяв, кутшөм грöз директорлы вайö виль вежысьыс. А кор вежöрын югнитлис ыдъясьöм, зилис вунөдны, шыбитны юрсьыс.

Шванова сибөдис, кыкис ас дорас директорлысь шоперсö, Петыр Веняöс. Ас борд улас шымыртис бригадиръясöс, профкомса виль председатель Марфа Карповнаöс, асьыс рөднясö. А рөдняыс ыджыд, овмөсын унаөн уджалисны трактористъясөн да шоперъясөн. Пуктис ас водзас мог – пöртны олөмö гуся көсйөмсö: совхоз подув вылын вöчны колхоз да вөтлыны Игнатовöс.

Шванова важөн метитис директор местаö, но водзын займитны сійöс эз вермы, а öнi прöкучитны позянлунсö эз көсйы. Странаын олөмыс дзикöдз гудыртчис, омөльтчис-гöльмис. Йöз ветлөны скөрөсь. Найö асьыныс лөклунсö дасьöсь койыштны көть код вылө, и первойөн, дерт жö, Игнатов вылө. А медым найöс нöшта на скөрмөдны, Шванова паськөдис сиктын директор йылысь лөк сёрни: сійö пö тiянысь сьöмтö гусявлө, асьыс лавкаяс восьталөма. Ньöбалö долларъяс да акцияяс. Дзик та понда совхозсалы удждонсö оз содты.

Ас дор мунысь йöзсö Шванова чукөртлис гусьөн, водзвыв индөм местаын. Директор дор сулалысьясöс эз сибөдлы. Торйөдчигөн быд пöрийö казтыштлис: вомтö пö калич сайын кутöй. Медым кадысь водз Игнатов эз тöдмав налысь көсйөмсö.

Петыр Веня машинаын пукалис чöла. Нинөм эз висьтавлы Игнатовлы, некодöс эз удты. Телепит, но виччысис, асьсö мырдөналис. Öтчид эськө заводитлис, вомсö восьтлис нин, но Игнатов падмөдис. Тшöктис сувтлыны да пырис гаражö. «Не судьба», – рочыштис ас кежас Веня да сэсса эз нин ыршась мыйкө висьтавлны...

Точкисны 1994 во заводитчөм. Вильвося праздникяс колины бөрö.

Вежон шöрас Шванова пырис Игнатов дорö, корис машина карö лэччывыны: эм пö мог минсельхозö да управлениеö воыны. Вося планъяс кузя пö колö мыйсьюрö стöчмөдны.

Игнатов сетис асьыс машинасö да бара нинөм эз казяв. Сійö эз виччысь лөксö и эз тöд, мый мыш саяс вöчсьö.

А Шванова ылөдчис – планын вöли ставыс лючки. Сійö лэччылис видз-му овмөс управление-са начальник Мальцев дорö, аддзысьлис райисполкомса юрнуöдысь Дмитрий Яковлевичкөд. Чина йöзлы Игнатов важөн вöли горшаныс тасасьöма ашшөрлуннас, и найö бласлөвитисны Ягдорса овмөсын вежсьöмъяс.

Төвшөр 16 лунö директор жырйö бара пырис Шванова да порог дорсянь юөртис:

– Аски ми чукөртчам залө. Лоө колхоз котыртөм-лөсьөдөм кузя конференция. Кывзам тшөтш и тэнсьыд отчет.

– Мы-ый?! – чуймис Игнатов.

– Мый кывлінныд. Чукөртчам 11 час лунын, – буркнитіс Шванова да петіс.

Андрей Васильевичлы тайө юөрыс лои дзик виччысьтөмторйөн, весиг шай-паймунлі. Отарө-мөдарө гоз-мөдысь вожмовтіс жырсө. Сэссия чукөстіс секретарөс.

– Тэ төдан вөлі конференция йывсьыс? – юалис Игнатов.

– Талун сөмын төдмалі.

– Сідзкө, гусьөн ноксьоны.

– Да, кор ме пыравла Регина Андреевна жырйө, сы дорын бөръя кадө кодкө да кодкө век пукалө. Аддзасны менө, да став сёрниыс ланьтлө. Кытчөдз ог пет, вом оз восьтылыны. Шванова, мый юала, висьталас, и та вылын пыралөмыс помасьлө.

– Ну, ну, – зумыштчис Игнатов да колльөдіс синнас петысь секретарсө.

Сэссия пыр жө звөнитіс райисполкомө. Ыдждыдыс телепон трубкасө эз босьт: оз пө эшты. Видз-му овмөс управлениеса начальник лэдзчысис төдтөм улө. Игнатов гөгөрвоис, мый районса чинаяс оз уськөдчыны сійөс дорйыны. Важөн төдіс, мый налы сійө горшө тасасьөм лы кодь, кодөс колө перйыны да шыбитны.

Водздзык нин, кор бөръяысь ветліс Москваө, казавліс чинаяслысь сы вылө кодзыд видзөдлассө. Сьөлөмнас кыліс кутшөмкө шог матыстчөм, но некыдз эз гөгөрво, мый майшөдлө. Странанын лөкмөм олөмыс али мыйкө аскөдыс йитчөмаыс. Верховной Сөветөс лыйлөм мысти татшөм майшасьөмыс тшөкыдджыка лов вылас воліс. Од сы бөрын уджалан жыръяс дугдісны триньгыны телепонъяс. Асьсө сійөс эз жө тэрмасьны йитны мукөдкөд. Төдса телепонистка гусьөн шөпнитіс: воис пө та кузя торъя индөд. А өні со мый көсйөны ськөд вөчны. Отчет корөны, гашкө, вөтлыны көсйөны да?

Урчитөм кадө совхоз кантораө чукөртчисны йөз. Воисны минсельхозысь кадръяс кузя начальник да районса видз-му овмөс кузя управлениеөн веськөдлысь Мальцев. Локтысьяс пырисны Шванова дорө. Ськөд сёрни бөрын сөмын петкөдчылісны Игнатовлы. Та серти тыдовтчис, чина йөз бергөдчисны сылы мышкөн.

Конференция восьтіс Шванова. Лыддьөдліс, кымын делегат локтіс, да водзө сёрнисө нуөдны корис парткомса вөвлөм секретар Геннадий Королөвөс. Игнатов өні сөмын гөгөрвоис, мый парткомса вөвлөм секретар, кодөс сійө коркө райком отсөгөн тойыштліс сельсөветса предө, тшөтш жө пырө «переворотчикъяс» котырө, налөн веськөдлан штабө.

Королөв сетіс кыв Швановалы. Шванова сёрнитіс минут дас. Сысянь Игнатов ас йывсьыс кыліс сэтшөмторъяс, мый тайө здукөдз весиг думыштлыны эз куж.

– Игнатов быд мыжысь грөзитчө вөтлыны, йөзысь гусьөн заводитіс озырмөдчыны. Öнiя олөмлы оз лөсявны татшөм веськөдлысьяс. Кор унджык совхоз подулын котырталісны ашшөр овмөсьяс – колхозъяс, Игнатов сувтө талы паныд. Оланпасыс та кузя во нин куйлө сы пызан йөрын. А сувтө паныд, мед эськө асьсыс местасө эз вошты. – Регина Григорьевна шеныштіс кинас Игнатовлань да скөрысь помаліс: – Талун колө чорыда юавны сылысь, кыдзи уджаліс, да вөчны кывкөртөд!

Залын пукалысьяслөн скөр чужөмъяс серти Андрей Васильевич гөгөрвоис: талун тайө йөзыс видзөдөны сы вылө, кыдзи бокөвөй, налы паныд мунысь морт вылө. А регыд на тайө жө йөзыс лебезитісны сы водзын, леститчисны, первойөн зілісны чолөмасьны, дасьсь вөлі шапкасө пөрччөмөн копыртчывны, но тайө вөлі сэк, кор сы кыин вөлі власьт. Öнi найө, кодъяс сылы чесьтө уськөдчылісны, дасьсь первөйөн сутшкыны пуртсө сьөлөмө. Лөглун да вежалөм – Швановаөн пестөмтор – шымыртіс налысь морөс пытшсө, тупкис синъяссө сыысь, мыйла Игнатов мыйөнкө торъялө наысь, татчө чукөртчөмаясысь. Öнi найө прөстө на бугжылясьоны сы вылө синкым увсяньыс, а өна кө скөрмасны, вермасны уськөдчыны да нөйтны, косявлыны сійөс, кыдзи овлө пон чукөрын, кор веськалө сэтчө төдтөм пон. Игнатов кыліс асьсө буретш тадзи, и кор сетісны кыв, сувтіс зумыштчөмөн.

– Ті коранныд, медым ме висьтаси аслам удж йылысь. Ме нинөм эг дзөб, ставыс тыдалө.

Тіянлы оз кажитчы, мый ме стрөг, чорыда юася лёк уджысь, удж вылын кодаломысь. Ме кө вөлі некытчө туйтөм веськөдлысьсөн, – сёрнитіс Игнатов, – овмөсыд эськө быд во эз босыт уна сикас награда. Эз эськө козынавны мянөс премиясьсөн да выль автобусьясьсөн. Ті он төдөй, кыдзи мукөд овмөсын олоны сьөмтөг. Ті ас кадө босытанныд удждон. А став тайө зыксө кыпөдоны Шванова, парткомысь вөвлөм секретар да найө, кодъясьсө коркө дойдсьылөма. Öні зільоны водзөс босытны. Ме тіян водзын ог кут мөдзасыны. Кадыс петкөдлас, мый ті ошыбайтчанныд.

Игнатов пуксис.

Сы бөрын кутісны суртавны өти бөрся мөд да кабала вылысь лыддыны, кутшөм мыж лои вөчөма директорөн. Сідз, полеводства бригадир Кызьюрова висьталіс:

– Ме ог шу, мый директор оз төд асьыс уджсө, оз пессы овмөс понда. Но сійө восьтөма асьыс лавка да вузасьө. А мыйла сөмын некымын специалисткөд лавкасө восьтіс? А эз совхозсянь? Көсйө лоны олигархөн?! Тайө өмөй абу мыж?!

– А машинасьө? Выхь машина ньөбис, – чечыштіс места вывсьыс главнөй инженер Чеусов. – А важсө вузаліс бокө. Гашкө, кодкө ас йөз эськө босытисны. Нөшта менө көсйис удж вылысь вөтлыны.

– А тэнө төдан мыйысь көсйисны вөтлыны? – места вывсьяныс юаліс главнөй бухгалтер Пименова. – Во джын эн вермы лөсьөдны шнек, медым вагонысь өтруб ректыны. Орчча овмөсьясын важөн сэтшөмнас вөдитчөны. Этша рөскөдөн вагонысь комбикормсө ректөны. А мян дас да унджык морт лэччөны карө. Ваннаясьсөн, рушку выланыс комбикормсө кыскалөны, сөвтөны машина кузолас. Да и мукөдторсө вөчны тэ он уськөдчы, плешкыд оз пот. Пуксьөмыд аслад жырьө да ныр розьтө лукьян. Абу инженер коды!

– Дорйысьсө тшөтш вөтлыны! – горөдіс Сандрө Коль. – А то кор вола сьөм удждыны, пыр жө өдзөс вылө индө: төкаритан пө! Юа кө, ог тэнад зептысь, тэнсьыд этша босытан! Вөтлыны, öні мян власытыс!

– Тэ, Сандро Коль, ланьт, – сувтіс да, кыдзи и пыр, гөлөс лэптывтөг заводитіс сёрнитны прораб Мартюшев Иван. – Мый ті уськөдчинныд директор вылө? Ме медся унаысь удж кузя ськөд паныдасыла. Мыйта стрөйба кыпөдім, сійө весиг өти ур аслас зептө эз пукты. Бруссьыс, мый пывсян вылас муніс, дзоньнас мынтысис. И уджалө бура.

Прораблөн, коді лоө воча вокөн Шванова верөслы, Игнатовөс дорйөм падмөдіс чукөртчөм йөзөс. Залын кыптис гөгөрвотөм шум, шөпкөдчөм.

Швановалөн чужөмыс пыр жө ыпнитіс.

– Иван! – горөдіс сійө места вывсьяныс. – Тэ абу конференцияса делегат, сідзкө, эн мешайтчы, гортын сёрнитам!

– Ёртъяс, – сувтіс вөвлөм секретар Королёв. – Игнатов кыдз овмөс кутысь бур, вензыны он вермы. А донъявны кө кыдз мортөс, кутшөм сійө? Аслыс стрөитіс кирпичысь керка, сэсса приватизируйтис, а главнөй инженерлы приватизируйтны лои суд пыр.

– Геннадий Прокопьевич, – эз терпит Игнатов. – Эн баламутит йөзсө. Ме керкасө кыпөді бөрьяөн, кор чередыс помасис, и приватизируйті эг өтнам. Чеусовысь өтдор ставныс ас ки улө босытисны, а сылы эськө и öні эг сет. Оз сулав сы дон. Тэ менө дивитан, а ачыд пенсия вылө петны лөсьөдчөмыд, а мый олом чөжыд вөчин? Гач ситантө парткомын да сельсоветын зыртін. Сельсоветса воддза веськөдлысьыс мыйта стрөитөдіс. Школаса интернат, мастерскөй сылөн зільөмөн кыпалісны, а тэ помысь ни өти стрөйба эз мыччысь. Час, колхозө вуджанныд да, кымын выль керка лоө! Ме думысь, өтиыс оз артмы. А эсйө, – индіс Шванова вылө, – бузасө кыпөдіс сы понда, медым аслыс пуксьыны юравны да асьыс зепсө тыртны, завидь сылы!

– Сөрөм, тайө поклөп, мыжтөг мыжалөм! – ёся горөдіс Шванова. – Ме предавнысө көсья сөмын заводитігас! Уджавны кутам да мөдөс бөрьям. Тэнө, тшукысь, овмөсө ог босытөй, а босытам кө, сөмын ывласа быд сикас удж вөчны, зырьөн да черөн!

– Пасибө и та вылын! – Игнатов чеччыліс нин, көсйис петны залсьыс, но кыліс бөрья радсянныс чилөстөм да пуксис.

Чилзысьыс, пөлөс вома Петыр Наста, оліс нель жырья дас кык патераа пу керкаын.

– Аслыс кирпичысь керка кыпөдіс, а меным? – Наста гөгөртис синнас залсө. – Ме көсья жө

торйөн кирпича керкаын овны. Мый нө көть өні ог уджав? Мужикöй ки пөвсö совхозын лыс шыригөн воштис.

– Код юрөн, – кыліс зал помсянь.

– Но и мый, коді оз ю? Висьтав! – Наста скöрысь видзöдліс бөрвылө. – Чипан оз кудзась, и то юö! Пуксьöмьд да пиньтö жерйöдлан! Ме көсья, мед вöлі колхоз, а преднас бөръя Регина Андреевнаöс!

Петыр Наста бара гөгöртис синнас пукалысьясöс. Казяліс, кызди Шванова чуньнас индіс ка- бала вылө, да довкнитис юрнас.

– А-а, час лыддя, – перйис водзвыв лөсьöдöм гижöдсö да сорласиг кутис лыддьöдлыны Игнатовлысь чукöрмöм мыжъяссö.

Игнатов эз кут кывзыны, öвтыштис кинас да петис залсьыс. Пырис аслас жырйö, мөдіс виччысьны конференция помсö. Сійö гөгöрвоис: Швановаöн бөрйöм йöз гөлөсуйтасны колхоз котыртöм вöсна, а преднас быть лоö Шванова. Эз прöстö шулы бухгалтерыс: лавка востьöмас пö тшöтш коліс кыскыны Регина Андреевнасö. Завидьтысь баба, да и рöдняыс сиктын уна. Пель пырыс нуис тайö öлөдöмсö, өні гөгöрвоис, мый весьшөрö.

Миян сиктса олысьяс нэмсö вöліны завидьтысьясөн. Оз терпитны, кодкө кө наысь торъялө, олө бурджыка, көть и оланпас серти.

Игнатов эз кут тайöс тöд вылын, эз кывзы бухгалтерсö, кор востыс ашшөр вузасын. Көть лавкаыс абу ас вылас, но йöзыс, а медсясö Шванова, öдйö тай чуткисны сійöс. Вунөдіс, кызди ёна водздзык, тадзи жö, кызди өні сійöс вöтлөны, сиктсöветсаяс заводитлісны кулачитны пöльсö да пöчсö. Сöмын пöчыслөн збойлуныс да лада-сяма сёрнитöмыс мездис найöс каторгаысь. Игнатов гөгöрвоис нин – эз сяммы сійö йöз сьölөмөдз ас кывйөн воöдчыны. Сыысь йöз öвтыштчисны. Öні сиктсаяс эскöны Регина Швановалы, коді странаын да овмöсын падмөгъяссö пыр жö бергөдіс аслыс барыш вылө.

Дыр, тыдалö, Швановаыд лөсьöдчöма Игнатовöс путкыльтны. Чукöртöма быдсяма няйтсö, мый вермас лоны. Игнатов бура помнитö: кор эштис пывсян стрöитöмыс да медводдзаысь ломтис сійöс, а сэсся гозья лэччисны пывсьыны, ичөтик пывсян öшиньын кодкө вуджöртис.

– Видзöдлы öшиняс, – повзьöмөн тувкнитис гөтырыс.

Збыльысь, серöдöм стеклöын тыдаліс кодлөнкө чужöм мыгöрыс. Эз ясыда, но тыдыштис. Игнатов пырысь-пыр көшөн гумовтис пöртйысь пöсь ва да гусьöникөн петис ывлаö. Ывлаыс рöмьд нин, да эз тöд мышкөн копыртчöм мужичöйöс. Игнатов дыр эз думайт, койыштис пöсь васö кыйöдчысьлы пельпом вылас. Кыйöдчысь ойöстис да öдйö весасис-пышйис. А мөд луннас кывсис, мый Ласей Öнтип Микулай ветлөма бурдöдчанінö: голя вылас пö пöсь чайник путкыльтчöма. Артмö, мый и тані Швановалөн кок туйыс тöдчö. Сэки нин сійö заводитöма чукöртны Игнатов вылө няйтсö. Öд Микулайыс сылы матысса рöдня жö...

Игнатовлысь шог думъяссö торкис клопайтöм шы. Кыліс, кызди Шванова аттьöаліс предö бөрйöмысь. Регыд коридорын кутисны ызгыны.

Директор жырйö пырисны минсельхозса да управлениеса чинаяс.

– Лөсьöдчöмаöсь, – пыригмоз шыасис минсельхозсаыс. – Öти бөрся мөд сёрнитöны. И ка- бала вылө гижалöмаöсь. Пименоваöс шуисны вöтлыны: мыйла пö öтвылысь директоркөд сёрнитö. А кызд сёрнитны? Шөр бухгалтерлы да директорлы öтсöгласөн и колö уджавны. Ерöмаканы! И прорабыс правильнö шуаліс!

– Мый кутам вöчны? – Мальцев видзöдліс Игнатов вылө.

– Сдайта овмөссö. Ме ог шашаритчы тайö улöсас, – индіс, мый вылын пукаліс. – Кабалаяссö дасьтöй, да кырмала. Шванова овмөссö тöдö, кытшлавны оз ков. Эг эськө и заводит кытшлавны, көть и эз тöд. Сылы телепит татчö пуксьыны. Та понда татшöм бузасö кыпөдіс-дасьтис.

– Но вот, Андрей Васильевич, Ельцин депутатысь чөвтис, а талун удж вылысь вöтлісны. – Мальцев наяна нямдіс, виччысис, мый шуасны минсельхозсаыс да ачыс Игнатов, но найö чөв олісны.

Игнатов чеччис улöс вылысь да босьтчис пасьтасыны.

– Кор лоöны дасьöсь кабалаясыд, юөртанныд, – петігас нин бергөдчыліс Мальцевлань.

Ывлаыс заводитома рөмдыны. Та кадө Игнатов кытшовтлө мөс картаяс. Буретш лысьты-сьысьяс воалөны. Öнi сийө сэтчө оз мун. Нинөмла, чөвтисны уджысь, чөвтисны! Игнатовлы тайө лои виччысьтөмторйөн. Гашкө, ачыс мыжа да? Ачыс асьыс юасис, но мыжсө эз аддзы. Сийө, кызди чайтис, олис мывкыда. Сылы аслас уджысь некод водзын абу яндзим, а мый кодсюрөс тодмышкавлис овмөсысь, тайө збыль. Но та дырйи йөз водзын найөс эз янөдлы. Кодъяскө мунлисны ас окота серти, мөд оланін аддзисны. Зоотехник пө мунис. Да, мунис, но мунис эз директор понда, а пышйис юысь мужик дорысь. И нинөмла ставсө өтилаө суклявны-гудравны.

Виччысьтөм лоөмторйыс Игнатовөс шемөсмөдiс. Сийө восьлалис зумыштчөмөн. Сувталис кок улө видзөдтөг, ас гөгөрсьыс немтор казявтөг, ни сийөс, кыздз чизыр төлыс чеплялис-сотис чужөмсө да ийджис пальто пөла улө, ни сийөс, кызди гыөр сора өшиньясө, кутшөм керкаяс дортi сийө мунис, лякисны быдтор төдны көсйысьяс, ни сийөс, кызди шөйтысь поньяс сямунлисны сы дорысь бокө да бергөдчылөмөн дышиника увтышталисны бөрсяньыс.

Рытнас Игнатовлы звөнитлисны карсянь. Төдсаяс кывлөмаөсь Ягдорын власьт вежөм йылысь да тшөктөны прокурор дорө шыасьны. Мый шыасьөмыс сетас-ваяс? Думайтис, думайтис да и пуксис гижны, корис туясьны, кутшөм мыж эм сылөн, кутшөм оланпас торкис. Тшөтш корис видлавны, эз-ө дзугны оланпассө колхоз котыртiгөн. Бөрьясө сiдз нин пасйис. Ачыс гөгөрвоис: бөрө бергөдчыны некод оз лэдз. Юрсиктын да карын бласлөвитисны колхоз котыртөмсө. Та понда и збоялө Швановаыс. А парткомса вөвлөм секретарыс, Королёвыс кутшөм?! Водзөс босьтис! Оз пө здоровайтчы. Кутшөм здоровайтчөм? Гусьөн, шпанаяс моз вөчисны ставсө да...

Парткомса коркөя секретар Королёв конференция бөрын газетө письмө мөдөдөма. Корреспондентыс асьыс пасйөд вөчөма «Лов вылын быттө пөжар бөрын» да тайө ним улын сетөма гижөдсө. Нөшта содтөма, мый Игнатов шыөдчөма прокуратураө.

Газетыс Ягдорө воис да, өткымынъяс, кодъяс конференция вылын медся гораа горзисны да дивитчисны, Игнатовкөд паныдасигөн первойөн здоровайтчисны. Гашкө, чайтисны, мый бөр ставыс важас бергөдчас? «Гуга-банаяс!» – зывөка вашмунли Игнатов.

Прокурор дорө шыөдчөм нинөм эз вай. Вочакывйын гижөмаөсь, мый Игнатов уджалигас некутшөм оланпас эз торк, а колхозсө котыртисны оланпас вылө мыджсьөмөн.

Овмөссө Шванова киө сетөм бөрын, мөд луннас жө, Ягдорө локтис Сидоров Иван Максимович.

– Молодеч, – кантораө пыригмоз мыччис кисө Регина Андреевналы. – Сяммин вөтлыны. Правильнө, а то ме местаө нырсө суйис, пуксис дась овмөсө. Ме тайө овмөссө лөсьөдi!

– Öнi ме танi көзйякаыс!

– Тэ мөд делө. Ме локтi велөдыштны, мыйсянь заводитны, кутшөмсюрө сөвет сета, а то регыд көсья энөвтчыны уджсьыс, пенсия вылө пета.

– Пөрччысь либө, чайник Машалы тшөкта пуктыны. Румка на верма кисьтны.

– Давай, – Сидоров пөрччис вывьыс пасьсө да шыбитис өдзөсдорса улөс вылө.

2

Игнатов котыртис крестьянскөй ашөр овмөс. Сиктсьянь неылысь суд пыр босьтис гектар му, сэтчө тулыснас лөсьөдчис пуктыны картупель. Көйдыснас могмөдисны закарсиктсаяс. Найө жө сетисны куйөд. Сэки Игнатовлөн аслас «Нива» автомашина кындзи некутшөм техника эз вөв.

Кад воис мусө гөрны. Кодi гөрас? Шванова стрөга өлөдiс механизаторьясөс:

– Кодкө кө лысьтас Игнатовлы гөрны му, овмөсысь пыр жө вөтла!

Вөвлөм директорөс дзескөдөмын отсасисны рөдняыс да бригадирьяс, кодъяс Швановаөс вайөдисны власьт бердө. Игнатовлысь быд воськов найө кыйөдисны, удтылисны предлы. Весиг звөниталисны гортас, телепон пыр гөлөссө вежөмөн, грөзитчисны Игнатовлы пакөсьт вөчны, керкасө сотны.

– Звөнитчөй, звөнитчөй. Мед повзяс да усйысьяс Ягдорсьыс. Синмөс менсьым вежө, видзөдны

ог вермы, – гусьон велөдіс Шванова ассьыс рөдвужсө. – А то кодсюрө сыон дзумйөдлөны: Игнатов пө тайө уджсө бурджыка эськө котыртис.

Андрей татшөм звөнитчөмъяс бөрад шогө усылі. «Ставныс нин ягдорсаяс меным паныд мунөны. Медся лёк мортнас лои. Көть ывлаас эн пет. Тулыс ныр улын, а мусө некод кө оз гөр, кушөн вермас гожыны. Сэсса бөр мырддясны, шуасны: оз пө сяммы ашшөр овмөс нуөдны». Татшөм думъяс сійөс сөйөмөн сөйисны.

Оз узьсы. Пуксис өшинь дорө, вештыштис занавессө, кымөра ывлаыс сап пемыд. Видзөдө пемыдас, юрын быдсяма думъяс бергалөны. Пукаліс, ышлоаліс, чеччис, видзөдліс узьыс гөтыр вылас да небыдика пөдлаліс узьлан жырйысь өдзөссө. Водіс ыджыд жырса диван вылө.

Сійө сьөлөмнас кыліс, мый чукөрыс, кытчө пырөны бригадиръяс да Швановалөн рөдняыс, абу став сиктыс. Но тайө чукөрыс, мыйөн киас сюри власьт, ыршасис сы вылө нинөмысь яндысьтөг, өтсөгласөн, личлэдзлытөг. Та под улын артмис кылөм, быттьө став Ягдорыс сувтіс Игнатовлы паныд. И сійө кыліс асьсө сиктсьыс торъялөмөн да та вөсна мучитчис.

Асывнас тьуп-ляп сөйыштис да петіс улич вылө. Көсйис паныдавын трактористъясөс, кодъяс мунісны гаражө удж вылө. Аддзө, ыджыда восьлалө Прокө Толя. Юаліс сылысь:

– Гөрыштан он? Рытнас кө гөран, Швановаыд оз и төдлы, мынтыся өд.

– Чөв, кыйөдчөны тэ бөрся да. Кая кө му вылас, пыр и удтасны да вөтласны колхозсьыс. Төлун на Швановаыс грөзитчис, – өвтчыштис кинас Толя.

Код дорө матыстчыны, кодлысь юавны? Игнатов эз төд, сюрас-ө смел мортыс. Закарсикт-саясөс корлыны али мый? Думайтис, думайтис да шыөдчис школаын труд велөдысь Василий Сидорович дорө. Школаын вөлі трактор и гөр. Игнатов ачыс на школаас уджалігөн лөсьөдліс. Сидорович эз повзьи, пыр жө көсйысис. Кайисны кыкөн му вылө. Муртса заводитисны гөрны, уазикөн локтіс Шванова. Вирскөбтіс кабинасьыс, сувтіс трактор водзө да горөдіс:

– Тэ мыйла сылы мусө гөран?!

Василий Сидорович петіс кабинасьыс да лабутнөя вочавидзис:

– Корис, и гөра. Муыс өд сылөн.

– Ме шулі, мед некод Игнатовлы эз лысьт гөрны! Тэ өд сиктын олан, он кө менсьым кывзы, кутан тшөкыда бөрвылад гоньявны!

– Тэ меным кутшөм тшөктысь? Мун да колхозад ыршась, локтөма да грөзитчө! – дөзмис мөдыс.

Матыстчис Игнатов, киас зыр кутө, дөзмөмөн видзөдліс Шванова вылө да бергөдчис трудо-виклань:

– Эн кывзы талысь, гөр.

– Ог лэдз! – Шванова сувтіс трактор водзө да шевкнитис кияссө.

– Вешы, а то гөрбад сета! Ог видзөд, мый нывбаба! – скөрмис Игнатов.

– О-о-ог!

– Вешы, мися, курва! – Игнатов лэптис зырсө, быттьө ырыштчис вачкыны.

Шванова аддзис зырнас өвтыштөмсө да уйкнитис колхозса уазиклань.

– Курвасьыд өвтитан! – чилөстіс сійө.

– Будьте прокляты тэ и тэнад «путчистьясыд»! Ыджыдсянныс медся ичөтөдзис! Енмыс кө эм, мед накажитас! Абу ылөдз мунөмыд Петыр Павелсьыд. Сійө предалігас вөтлысьсөма жө йөз бөрся. Весиг картопель керигөн вөлөм оз лэдз печенча пөжавны. Аслас сьөд уж вылын локтө вөлөм да печенчаа бипурсө вөвнас таялө. Тэ сыысь абу ылын. Менө скөрөн коркө шулін, а вот тэ, баба улысь, лёк көин кодь! – Игнатов карснитөмөн сьөвзис.

Предлөн грөзитчөмысь Василий Сидорович эз повзьи. Сійө шур-шар пуксис трактор кабинаө да водзө гөрис.

А Игнатов сэтшөма дөзмис Шванова вылө, мый этшысь петмөн лои, да медем лөньөдчыны, сійө дыр лөсаліс-вачкыліс зырнас му пластъяссө, кодъясөс гөрйыс коли путкыльттөг да пазөдтөг.

Мөд луннас Ларисакөд вөлі лөсьөдчөны пуктысьны. Дзуркнитис-воссис өдзөс. Иван пиыс армияысь воис. Кутчысьлігкостіныс Лариса зэв өдйө пызан лөсьөдіс. Сөрниө воисны, да сэки

и висьталіс батыс Ягдорын лоомторъяс йылысь. Иван зумыштчис. Сылон чим съод синкымыс шензьодана вөрзыліс, быттьо мортыс мый вылө кө дивуйтчө. Синмас югнитліс мыйкө сэтшөмтор, кодос водзын батыс эз казавлы. Та дырйи бандзиб отар-модарас мычысьлісны мамыслон кодь жө ичөтик чутъяс. Том зонлон мича чужом вылын петкодчис дөзмөм.

– Да-а, – нюзодіс сійө да чорыда шуис: – Эн шогсы, бать, ставыс лючки лоо!

Иван босьтіс водка тыра стопкасө да отпырйө пөрөдіс вомас. Игнатов чуймомон видзөдліс пи вылас, но нинөм эз шу. Сөмын пызан сайысь чеччигон нурбыльтіс:

– Аски көсьям картофель пуктыны.

– Пуктам. Мед кө быдсяма Швановаясыс юртөм петукъяс моз чеччалоны. Пуктам и урожай босьтам! Йортны көсйоны, оз артмы! – стопкасө выльысь тыртігмоз Иван такөдіс батысө.

Асывнас куимон модісны му вылө. Нель лун пуктысисны ки помысь. Му джынъяс көйдысыс эз тырмы, да кодзисны зөр, мед кушон оз гожи. Игнатовлы төд вылас уси важся небөгьсь серпас. Школаын велөдчигон на аддзыліс. Нинкөма крестьянин волысалөма көйдыс тыра доздук да гөрөм му кузя ветлөдлө, шенасьө-көдзө.

Игнатов сьыліас жө пысаліс көв йылө ведра да кояліс зөрсө гөрөм му пасьтала. А сэсса «Нива» бөжө көрталіс кык агас, на бөрся кыз потш да кытшлаліс отарө-модарө. И муыс лои шыльдысьыс-шыльыд.

Зэрыштіс да, зөрийд сяркнитіс-петіс: мичаа, визьон-визьон.

Шванова аддзөма да, вөлөмкө, туясьө, трактористъясөс топөдөма:

– Коді Игнатовыслы мусө кодзис?! Төдмала, да премиятөг коля!

Шванова дөбильки ёна вөтлысис Игнатов бөрся. Мед эськө колхозникъясыс эз отсавны сылы, но бур йөзыд век сюрлісны. Мөдөд онас сылы весиг Швановалон верөсыс мусө гөрис, эз видзөд гөтыр вылас...

А арнас сійө жө воө картофель му вылө локтіс вөвлөм профкомса председатель Марфа Карповна да яндысьөмпырысь, синсө дзөбөмон вөзйис асыяныс отсөг.

– Андрей Васильевич, – шыасис сійө. – Мыжа ме. Эг пыр жө гөгөрво Швановасө, прөстит.

Игнатов сылы эз вочавидз, чөла пырис копалкаа трактор кабинаө. Оні сылон вөлі нин аслас трактор да картофель шердъян.

Вежон чөж тырмис уджавны му вылын. И быд лун асывсяныс Марфа Карповна копрасис му вылын да өктіс картофель, но Игнатов ськөд эз и шыасьлы. Отчид весиг Лариса гарыштіс:

– Карповна аслас уджон вештіс нин мыжсө, сылон отсөгьс миянлы зэв на лөсяліс, прөститны колө.

Андрей Васильевич мыйкөдыра чөв оліс, сэсса вочавидзис:

– Ог вермы ме сійөс прөститны. Йөзыс сэки сы вылө видзөдісны. Эз кө сійө сувт Шванова дор, бөртасыс эськө мөд ног вөлі.

Шванова первой онас жө Воркутаө мөдөдіс кык вагон картофель. Бөрсяныс ачыс муніс. Локтіс дона анча пасьон. Мөд онас челядыслы нөбис карын патера. Паськаліс сёрни: мөд вылө пө ырыштчөма. Вөчис аслыс колана кабалаяс, медым сетісны медаль да республикаса заслуженной уджалысь ним. И сетісны өд! Помся люзикасис карө. Шоперыс кыскаліс эз сөмын сійөс, но и челядысө да матысса рөдвужсө.

Тулыснас колхозникъяс гөрисны Швановалысь өшинювсө, арнас өктісны картофель да мукөд град выв пуктас, пыртлісны сылы гөбөчас. Регина Андреевна быд пөрийө йөз водзын көсйысьліс налы мынтысьны, но пыр вунөдліс.

Но кыдзи лои юралысьнас, Шванова эз вунөд. Сійө пөшти ставныслы, кодъяс отсасисны сылы лоны предон, дасьтіс колана кабалаяс, медым сетісны нимйөза пас. Но воддза уджалігас паныд пукалысь уджөртислы эз лөсьөд колана кабалаяссө. Отдортіс и главной инженер Чеусовөс, сы вьйөдз, мый мөдыслы ковмис мунны юрсиктө уджавны: коркө пө кыкнанныс лөкнога шуасьөмаөсь председатель йылысь.

«Велөда, төдны кутасны. И мукөдсө, коді оз меным нылыд мун, велөда овны!» – лөгпырысь мөвпаліс Шванова.

Председательон лои да, сійө регыд мысти нин эновтчис кутны уна патераа керкаяссө, вуджөдіс найөс сиктсөветлы. А сэсса ородіс керкаясө шоныд сетан трубаяссө да тупкис кодзыд ва локтанлысь крансө. Бөрсяныыс тупкысис өтувья пывсян-песласянин. Сы арталом серти, колхозлы татшөм могмөссө сетны выгөдаыс абу.

Пөлөс вома Петыр Наста, коді зэв яра сёрнитіс конференция дырйи, медым бөрйыны Швановаөс, өні ветлөдліс дусыд чужөма. Сійө өдва удитіс патера джоджө пуктавыны тазьяс да ведраяа войтва улө. Потласьөм шипера керка вевт вияліс быд зэрыштөм бөрын, да уна сикас ва мольяс тэпкисны патера йирк пыр.

Ягдорса овмөс Шванова веськөдлөм улын надзөникөн заводитіс киссьыны. Складьясыс, көні Игнатов дырйи заптөма вөлі быдсяма көлуй да запчасьт, кушмисны. Сэні заводитіс шутьлявны төв. Сельхозмашина да мукөд пөлөс техника жугласис, и найөс сдایتісны көрт лөм босьтысьяслы.

Колхозникьяс, кодьяс первойсө радлісны вежсьөмьяслы, өні ропкөдчисны. Унаөн петісны овмөсысь да муналісны войвылө – најөвитны сьөм вахтаөн ветлігөн.

Медым төдны, мый вөчсьө сиктын, Шванова сибөдліс ас бердас удтысьысьясөс. Юасис, мый йөзыс сы йылысь сёрнитөны. Медым ёнджыка матыстны отсасьысьяссө ас дорас, медводдза восяныыс кантораын вөчлывліс гаж. Винаөн да донтөм водкаөн юктасис, Игнатовөс лөкөдіс. Кантораса коридорө, дзык пыранінас, өшөдіс портрета пөв: Ягдорса овмөслөн медбур веськөдлысьяс – И. А. Сидоров, Р. А. Шванова.

Ассьыс гөгрөс паса чужан лунсө гожөм шөрнас лөсьыда пасйис кантораса залын. Кораліс ас коддьөмсө, юисны, гажөдчисны.

– Бара нин төкаритөны, – сиктсаяс индылісны кантора өшиньө. Шуасисны, но водзө эз явитны. Төдісны, гижан кө, аслыд лөк лоө. Узвьысысны предыслөн «поньясыс», да он мын, тшелльө лэптасны.

– Мед гажөдчасны, абу кө яндзимыс, – броткисны вомгорулас бабаяс.

Регина броткөмсө эз кыв. Талун сійө мичаа вөччөма, пукаліс пызан сайын дзык шөрас. Отармөдарас зіль отсасьысьяс: Петыр Веня да Митрей Шурик. Региналы юрдибас сөмын юртас оз тырмы. Ачыс сідз и югьялө, сідз и югьялө! Ньөти эз шогав, мый верөсыс бурдөдчанінын куйлө. Ыджыдтор тай, пөрысь верөсыд!

Гоз-мөд вежон сайын Регина локтіс гуляйтанінысь, а керкаас пырны эз вермы. Верөсыс игнасьөма да, оз восьт.

– Восьт! Бурывд кө колө, восьт! – горзө да чужьялө өдзөсө Регина.

Весьшөрө горзіс, өдзөс эз восьы. Регина скөрмис, лэччис кильчө вылысь. Босьтіс сарайысь чер да мый вынсьыс сөтыштіс өдзөсө. Каличладорас вачкылө и вачкылө. Скөрйивсьыс выныс содіс, да чер нырыс бура пыдөдз өдзөс плакаас пыралө. Кераліс сы выйөдз, мый каличдорса плакаыс торпыриг лои, и каличыс чеччыштіс, воссис өдзөсыс. Сюри кө тайө здукас игнасьысьыс, эськө балябөжас чер тышнас и школөбтіс, но дзык пырсө эз аддзы. Верөсыс, вөлөмкө, гөбөчас дзебсьылөма...

... Чужан лун празднуйтігөн Регина Шванова стопка бөрся стопка коньяксө вомас гулькнитіс нин. И мужикьясөс тшөктө юны, а найө дөбильки кодөсь, ыджыд залын сөмын ызгөм кылө. Некод өта-мөдсө помөдз оз кывзы. Быдөн ассьыс зільө висьтавыны-дольны.

Регина горөдіс сывыны.

Сыланкывсө кантораса бабаяс пыр жө кватитісны да мудера өта-мөд вылас видзөдлөмөн нуөдісны водзө. Петыр Веня пөрөдіс вомас нөшта өти стопка да мыйкө шөпнитіс Региналы пеляс. Сэсса чеччис да дзибрөса воськолөн петіс жырйысь. Минут дас мысти сы бөрся вөтчис Регина Шванова.

Өшинь улын сулаліс выль пөлөс, суйөрсайса кодь узик. Регина тэрыба матыстчис да сөліс воддза пуклөсө.

Узик вөрзьөдчис, журкнитіс асфальт кузя Дане грездлань. Верст кык мысти кежис ю дорө мунысь векныдык лыа туй вылө. Узик надзмөдіс өдсө, а сэсса сувтіс джуджыд пожом улө.

Төдлытөг поводдяыс вежсис, повзьөдчана кымөръясыс паськалісны, өшөдчисны дзик весьтаныс. Заводитіс востымасыны, а сэсся гымыштігмоз чардбиыс лөсыштіс веськыда джуджыд пожөм пуө...

Швановаөс да Петыр Веняөс дзебөм бөрын, нелямын лунсяөдзыс на, воис выль юөр. Муртса мөдаръягыдас абу мунөма нөшта өти морт, коді Игнатовөс удж вылысь вештөмө пуктіс жө ассыс пай... Код төдас, кывъясыс Игнатовлөн инісны, али сідз нин артмис, но Енмыс мыждіс и районса видз-му овмөс управлениеысь начальник Мальцевөс. Горт дорас, дзик мир туй бокин, би провод улас вөлөм картопель гу выльмөдө. И колө жө сідз лоны! Код юра шопер тайө здукө машинанас орчча би сюръясө люкалас, да проводыс орө. И усьө веськыда Мальцевлы мыш вылө. Мортыд сэтчө и чермунө. Оз өд кув, доръясны, кольө ловйөн. Но лоө кывтөм пемөс кодь да сөмын вольпасыын куйлыны вермө.

Өкмысөд глава

1

Дыр мысти Сидоров ассыс этшсө Валентина гөтыр водзас раммөдіс сы вийөдз, мый мөдыслы кутшөмакө казтыштіс томдырсясө, институтса олөмсө, кор найө төдмасисны да кутісны жөникасыны. Валентиналөн лолыс кыптыштіс, синмыс югзис, эз сэсся верөс вылө скөрав.

Отпускө Иван Максимович петліс өти кадө, гожөм помасигөн. Мичаа пасьтасыліс, чукөртліс вежсян көлуйсө ичөтик чемоданө, чукөстліс уджвывса шоперсө да төвзыліс аэропортө, ыджыд самолөтөн лэбліс лунвылө. Төлысь мысти воліс гортас, тювгыліс чемодансө пельөсө, вежліс гуляйтан паськөмсө да пыр жө петліс удж вылө. А то локтігчөжыс майшасис: «Эз-ө дзугсыны метөг делөясыс Карбердса овмөсын?»

Сійө кытшлаліс уджалан местаясті, ёсь, быдтор казялысь синнас зіліс эрдөдны став нелючкисө, и дась вөлі, ковмас кө, пыр жө сетны стрөг вөйпөг мыжмөм мортлы.

А сэккості Валентина уськөдчыліс пөрччөм паськөмсө пелькөдны-мыськавны.

Но кор Иван Максимовичөс вөтлісны Карбердса овмөсысь да милиция паніс делө, нывбабаяс пиысь дзик өти дорйысьнас лои Валентина, коді шуаліс ышөдана кывьяс да сьөлөм сетіс, мый ставыс молясяс, успаньывыв пуксяс и сійөс погона йөзыс дугдасны кыскавны.

Весиг вөвлөм вежысыс, сьөд читкыль юрсиа мужикыс, кодкөд сійө заводитліс лөсявны и кодөс Игнатов аддзыліс вына көрым коригөн, Сидоровкөд паныдасигөн зіліс синсө дзебны. Кивыль эз варт, медым кызкө дорйыны сійөс.

Закарсиктса овмөсө Сидоров локтіс радпырысь. Өти-кө, овмөсыс төдса, мөд-кө, сэтчө локтөмөн чайтіс орөдны став йитөдсө, став лөксө карбердса олөмкөд. Лөк вөтөс моз көсйис вунөдны.

Эз дыр уджав. Йөзыс вежсьөмаөсь али мый, но та пөрийө татчөс войтырыс эз воны сьөлөм вылас, да-й уджыс эз кыскы, эз ышөд. Нөшта олөмыс странаас дзикөдз гудыртчис, лөк думьяс чужисны.

Иван Максимович думыштіс эновтчыны уджысь, кызд сөмын тырө гөгрөс, квайтымын арөса пасыс, но кор кывліс, мый Андрей Васильевич Игнатов аслыс вылө кыпөдөма кирпичысь керка, кутіс катласны. Воліс Ягдорө видзөдлыны Игнатовлысь керка, да синмыс пыр жө өзйис, завидь босьтіс. Рытнас гөтырыслы ошйысис:

– Ме ог на удж вывсьыд мун. Игнатов кодь керка аслым стрөита да вөлись. А гашкө, ыджыдджыкөс на, нель жыръяөс!

Мөд луннас локтіс кантораө, пырис прораблөн жырийө. Прорабыс пукаліс пызан сайын да паськыда очсаліс. Сидоров пыригмозыс сы вылө уськөдчис:

– Со кутшөм уджалысыс, кодзөм кань кодь! Көть чипан кольк ыджда шер усяс – кивыль оз

варт! Очсалигад мед черлыыд оз жö бертөвтчы! Пасьтась, мунам сиктöдыс кытшовтам!

Прораблөн чужом ыпнитис, но воча немтор эз шу. Чеччис, чöла пасьтасис да петис. Кыкнанныс, Сидоров водзын, прораб бөрвылас шавксьöдисны моски кузя. Сидоров мунö да гоньялö, думсьыс бурджык кушин корсьö, кытчö позяс кыпöдны керка. Öтарö-мöдарö кытшовтисны Закарсиктсö.

– Со татчö стрöитам, – медбöрын кыз чуньнас индис прораблы кантора мышсьыс местасö да содтис: – Кирпичысь, кутшöм Игнатовлөн, сöмын ыджыдджыкöс. Тэ аддзылин сылысь?

Мöдыс сöмын кызöктыштис, немтор эз шу, а Сидоров бергöдчис да пырис кантораö.

Сийö жö лунö прорабыд дöзмöмвывсьыс, мый Сидоров сийöс кодзöм каньон нимтис, сёрни паськөдис: директорыд пö овмöсса сьом вылö аслыс вылö кирпичысь керка кöсийö стрöитны, а уджалысьяс удждон пыдди грöшьяс босьтöны.

Тайö юöрыс Закарсиктсö öдйö и кытшовтис, йöз кутисны ропкöдчыны. Воис сёрниыс Сидоров пельöдз, да дöзмис сийö. Вежон чöж лэчид синьясыс öтарö бугжылясисны прораб вылö и кантораса вылö, быд нинöм абусьыс ош моз равзис. Сидоров ёна скöрмис, мыйла сы мыш сайын сийöс суклялöны-видöны. Медбöрын шеныштис кинас.

«Чужанинö, Ване грездö керкасö кыпöда. Керйысь, аслам сьом вылö. Медым сэсса ни öти порсь эз лысьт ме вылö рукöстны! Некод, дзик некод эз лысьт чуткыны синмö, мый совхоз сьом видзи. А танi, чесьт тöдтöм йöз дорын, öти здук лишнöй ог уджав. Квайтымыныс точкас, и муна!» – думыштис сийö да тöв заводитчигас медалис нель мужикöс керка вылö вөр вайны. Бура мынтысис, да мужикьяс зiля и лэптисны керкасö, котшкөдисны-лöсьöдисны пытшкөссö да весиг кык пач тэчисны.

Та бöрын Сидоров налы жö тшöктис кыпöдны пывсян да ыджыд гид, медым сэтчö мöс и вöv тöрисны.

«Ас овмöс лöсьöда», – ас кежас мөвпалис сийö. Та могысь водзвыв аддзысьлис овмöсөн веськөдлыськөд, код улын вöлины чужан грездса муясыс, да сёрнитчис босьтны Эжава ю бокысь дас гектара видз. А явö быд чукöртчöминын, закарсиктсаяс водзын али районса чина войтыр пövстын, чужом донöдмөн горзис:

– Ме кулакьясöс кута йывтны?! Ог, нöшта шуа ог! Медым вылысянныс кö тшöктöны му сетапны да отсавны ашöр овмöс кутны окотитысьяслы. Медым! Оз ло на ног! Миян пöльяс кулакьяссö, йöзлысь вир юысьяссö бырöдлисны, а ме кута найöс бөр йывтны?! Ог!!!

И кодсюрö матыстчылисны кö сы дорö татшöм шыödчöмьясөн, пыр и вомавлис:

– Му кö да трактор-машина да содтöд мöс да кук кö кутам сетапны, мый лоö? Овмöс разöдам, и совхозыс тупкысяс.

Мукöд корысьыс заводитлас вöли вензыны, ыстысьны оланпас вылö, но тайö Сидоровöс сöмын ёнджыка дöзмöдлис. Заводитлис этш петмөн горзыны, да мöдыс пыр жö видзчысьöмөн усйысьлис.

А ачыс кыськö бокысь корсьöма вöла косилка, вöла куртан машина да вайöдис тайö эмбурсö Ваньö грездö. Гусьоник, пай пыдди, босьтис закарсиктса овмöсысь бура лысьтысь мöскöс, ён вöлöс да колис öтувья картаö. Шуис, мый овмöсысь мунигөн найöс аскöдыс лэччодас Ваньö грездö.

И со гöгрöс пасыс дзик нин ныр улын лоис.

Иван Максимович водзпөр на кытшовтис минсельхозса да райисполкомса чина йöзöс, корис найöс ас дорас ыджыд нимлун пасйыны. Воисны гöсьтьяс козиньясөн. Минсельхозсянь вайисны ыджыдсьыс-ыджыд кизьөр измара телевизор. Райисполкомсянь картон ящикын машинасянь пыртисны Сидоров патераö зэв уна мичасьыс-мича тасьтi-пань да блюд-чашка чукөр. Гажöдчисны бура, дыр лывкйöдлисны-сьылисны да казьтылисны Иван Максимовичöс бур кывйөн, корисны водзö уджавны. Сидоров вашьялис, сöгласа довкйöдлис юрнас, а вежон мысти нин мездысис уджысь да сдайтис делöяссö выль веськөдлысьлы.

Сидоров лосьодіс ас крестьянин овмөс да, кызди тшөктө вөлі оланпас, пасйис вот чукөртанинын. Минсельхозбердса фермерьяс котырлөн фонд чуктөдіс сылы сьөма отсөг паськөдчөм вылө. Тайө сьөм вылө мортыд ньөбис мөскыслы вына көрым, вөвлы – зөр. А орча грездысь кык парта вина да сюрс шайт вылө босьтис вөла важиник гөр. Суседыс көсийс сетны чөскыд картопель көйдыс. Сэтшөмөс, кутшөмөс радейтөны карсаяс.

Тулыснас бура ыджыда гөрис өшинувсө. Пуктысис, весиг мыйтакө зөр сора анькытш көдзыштис: мөслы да вөвлы пө номсасыны.

Петыр лун водзвылын, кор пуксисны мича луньяс, водз асывнас доддясис да мөдіс сетөм видз вылө ытшкыны. Гөтырыс пажун сумкаөн да коса-гөрбушөн вөтчис бөрсяньыс. Сійө бадь костьяс гөгөр гурйис-ытшкис. Тадзи ветлісны некымын лун.

Иван Максимович косьмөм турунсө куртис вөла куртан машинаөн лёддзө, сэсса куртаннас жө чукөртліс, а Валентина вөчаліс юрьяс. Та бөрын сідз жө, кызди челядьдырйиыс, Сидоров сюртліс найөс да вөвнас матысталіс зорөд дорө. Сөмын вөв вылө эз кавшасьлы, дом поведөдыс новлөдліс. И чөвтис.

Тшөкыда пуксьыліс шойччыны, зырыштлис висьысь сойсө. Сэки дум вылас усьлі пиыс, и пыр жө чужөмыс сылөн дусыдмыліс: прамөй морт кө пиыс вөлі, эськө локтис да отсыштис батьмамлы. Но кысь, непрямөйыд весиг телепон пыр оз шыасьлы.

Мукөддырйи Сидоровлөн юрас югнитліс мөвп аддзөдчывны пиыскөд, лючки сёрнитны и, гашкө, ладмөдчыны, но дум вылас воліс пиыслөн сылы морөс улас зупкыштөмыс, да ладмөдчөм мөвпсьыс пыр жө зілис пыркнитчыны. Гордөй, эз вермы воча воськовтны, эз вермы венны асьсө. И мөдыс, буракө, сэтшөм жө.

Иван Максимовичлөн өтка пиыс, Володя нима, вөлі аслыспөлөс. Пырджык чөв олө, зуньгыртчөма да кутшөмкө небөг лыддьө, либө петас ывлаө да өтнас шөйтө-гуляйтө. Төвбыд вөлі ветлө кокньыдик паськөмөн. Корсюрө лэччыліс ю вылө, матыстчыліс юкмөс дорө, кытчө совхозса конюк вайөдліс вөвьяссө юктөдны, пөрччысьліс трустикөдз да чуймөм сиктсаяс син водзын дзурс пыравліс ва пытшкө. Гоз-мөдысь дзумгысьліс голяөдзыс, петас вөлі да пасьтасьөм водзвылас косөдчыштас чышкөдөн да некодкөд шыасьлытөг мунас гортас.

Детинаыс чужөм-пертас вылас зэв ёна муніс батьыс вылө. Быттө ачыс Сидоровыс томдырсыяс. А этшыс гөгөрвотөм. Абу варов, пыр зильө йөзсьыс торйөдчыны, бокө вешйыны. Школаас велөдчигөн некодкөд эз другасьлы. Урокьяс дырйи пукавліс чөла, эз вильшасьлы. Эз куритчыв, ньөтчыд курыдтор – вина-водкатө эз видлыв. Сөмын кор школа помалөм йылысь аттестатьяссө сеталісны, зон чукөр кызкө ызьөдісны, да ылаліс, дзөнь стөкан гөрд вина юис. Локтис гортас сёрөн. Батьыс заводитис видчыны, а мөдыс воча ёрччыштис. Таысь Сидоров пиыслы пель дінас ки пыдөснас шлопнитис. Эз эськө ёна, но тайө вачкөмыс дөзмөдіс Володяөс, да сійө воча кабырнас морөс улас батьыслы сідз суйыштис, мый мөдыс пыр и кусыньтчис. Та бөрын Володя шлапкис ас вылас кокньыдик курткасө да кутчысис өдзөс вугйө.

– Он лысьт гортө локны! – бөрсяньыс өдзөс восьтігөн кыліс батьыслөн горөдөм.

Мөд лун асылө, кор батьыс муніс удж вылө, Володя локтис гортас, чукөртис паськөмсө ыджыд сумкаө. Корис мамыслысь сьөм да лэччис карө. Тайө кадсянь коли дас во. Ньөтчыд батьмам дорө эз воы. Гежөдика звөнитліс телепонөн мамыслы. Батьыскөд эз шыасьлы и сы йылысь мамыслысь эз юасьлы.

Төвнас Сидоров инас оз өшйы. Некидз луныс оз коль. Мөссө идралөм бөрти пуксьылас самөвар сайө и регыд мысти бөр нин чеччө. Кымыныськө гидас петавлас вөлі: то мөслы юантор петкөдө, то чөскыд дука турунөн сөөдчө, то сітсө мөс кок увсьыс весалө. Кватитчан да, вөвсө нин сыналө. Оз прөстасө овсьы.

Тадзи коли куим во. Вот чукөртанинсянь письмөөн корисны ас овмөслысь куим вося отчөт. Сидоров, мый вөчліс, ставсө амбарной небөгө пасьявліс, торйөн чукөртис ньөбасьөм кузя

кабалаяс. Ставсө тайос вайис вот чукөртисьяслы. Төлысь мысти сийос выльысь корисны да весьөпөртисны юорнас: пө ми штрапуйтам тэнө важ ногнас дас миллион шайт вылө.

Сидоров уркнитчис, дөвьялыштис вот чукөртан керка коридорөд да пырис начальник до-рас. Төдса мортыд кывзис Иван Максимовичос да нуөдіс ывлаө: петалам пө куритчыны. Петисны да, сэні начальникид гусьон тшөктис дзик пыр мунны сберкассаө, счөт вывсьыс босьтны сьөмсө да овмөссө тупкыны. Пока пө штрап кузя кабалаыс сы дорын куйлыштас, тайос колө вөчны. Тупкан пө, да штрапсө некодлысь лоө перйыны.

Сидоров сідз и вөчис. Коркө, төлысь кык мысти, вот перьянинсянь воліс кабала штрапсө мынтөм кузя. Иван Максимович сюйыштис кабаласө пызандөра улө да вунөдіс, а выльысь эз нин дөсадитны.

Та бөрын регыд Валентина висьмис. Төлысь куйліс юркарса бурдөдчанинын, но эз бурд, и кыз лачатөм висьысьос лэдзисны гортас. Кувтөдзыс сийө корис верөссө бурасьны пиыскөд. Мөдыс шытөг бөрддзис да көсйысис. И быттөкө бурасисны батя-пия, но ортсысяньыс тайө эз тыдав. Мамсө дзедөм бөрын Володя нурбыльтис батыслы гоз-мөд кыв и муніс карө.

Сидоров коли өтнас. Сийө вузаліс мөссө и вөвсө. Невдждид донысь сетіс суседыслы гөрсө, ытшкан да куртан машинасө. Гөтыр гу вылас вөчис өграда, ыджыдөс, мөдысь медым аслас гуыс төрис. Дыр мольөдіс гөтырыслысь гу выв мыльксө, думсьыс прөщайтчигмоз сёрнитис ськөд. Уна нывбаба вөлі Иван Максимович олөмын, но медся веськыдөн да сьөлөм сетысьон вөлі сөмын Валентина.

Мөд луннас Сидоров тувьяліс керка өшиньяссө пөвьясөн да лэччис Карбердө, көні вөлі сылы сетлөм патера да өнөдз тыртөмөн оліс.

Дасөд глава

1

Одью сиктса госпромхозын уджыс муніс дзуртөмөн. Сиктас олөмыс быттө сулаліс өти местаын, а овмөсыс надзөникөн киссис. Тшөкыда вежласысь директорьяс пөлөстчөм скөт картаяс вылө видзөдісны чуньяс костөд – сулалөны и ладнө. Унджык сьөмыс овмөслы локтис кыйдөс-вотөсысь. А йөлысь да яйысь чуктөс эз вөв.

Картаясын уджалісны зіль да шань нывбабаяс. Водз асывнас найө сөөдлісны сюраньясөс турунөн, сэсся медся сюсь доярка личкыштлис лысьтысян агрегатлысь кнопкасө, и карта тырліс аслыспөлөс жвинькан шыөн. Тайө агрегатыс вөлі дзик өтиторйөн, мый казтыштлө техникалөн водзө сөвмөм йылысь. Нывбабаяс лысьтысисны ведраясө, тырөм мысти пыртлісны сысьсянянінө да кисьталісны йөвсө флягаясө.

Карта помө му уджалан бригадаысь бабаяс быд лун вөла доддьөн вайлісны силос. Сийөс до-яркаяс сөвтлісны ыджыд цинкөвөй тазйө, босьтлісны воропөдыс да ружтөмөн нулісны мөс ныр улө. Карта пасьтала разавліс аслыспөлөс шома-юмов дук. Удж помланьыс гортсьыс воліс ныв-баба – скөт дөзьөритысь, кодлөн могыс – видзөдны мөсьяс бөрся, кок увсьыс сит зыртны да ваннаөн петкөдны чукөртөм куйөдсө ывлаө, матө дас-дас вит воськов ылнаө. Татшөм сьөкыд удж вылө окотитысьыс эз вөв, и нывбабаыс кө висьмыліс либө петаліс шойччыны, сы пыдди ковмыліс мөдөдны мыжа йөзөс, медсясө вина юысьясөс. Колө шуны, сэтшөмьясыс овмөсын вөлі тырмө.

Видз-му вөдитөмыд тані эз вөв медшөр мөгөн. Сиктсаяс өнджыка вөрын уялісны-шөйтисны. Коді кыйсис, а коді вотөс да тшак чукөртис. Кыйдөссө да вотөссө сдایتлісны госпромхозө.

Кор заводитчис горбачёвскөй перестройка, ыджыд начальство тшөктөм серти госпромхоз подув вылын лөсьөдісны совхоз. Йөз неокотапырысь паныдалісны вежсьөмсө. Од вөр-ваыс өні быттө бокө коли...

Кыксөысь унджык морт лыддыссис ичөтик овмөсын. Вердны-юктавны ставнысө татшөм

овмөсад өдвакө позис, да кадыс петкөдліс, эз и артмы. Вєськөдлысьыс заводитліс зільны-котравны, сэссия аддзис, мый вєсьшөрө педзө. Сьөкыда висьмис да энөвтис овмөссө.

Кутісны корсьны выль директорөс. Сиктсьыс, буракө, некод эз сюр да, шыасисны Игнатов дорө. Сійө өти во асшөр овмөс кутіс, инас эз өшйы. Абу сы серти тайө уджыс, да нөшта кор олан йөз пөвстын, кодъяс бугжылясьөны тэ вылө. Ягдорын Шванова бөрти овмөсөн кутіс вєськөдлыны Митрей Шурик. Сійө эз котрав Игнатов бөрся, эз кыйөдчы, но видзөдіс сы вылө көдзыда жө.

Игнатов корөмөн тшөтш эз уськөдчы бөкөвөй сиктө. Өти-кө, төдө вөлі сэтысь овмөссө, а мөд-кө, уляліс на морөсас дойыс, ягдорсаяслөн парсалөминыс. Эз көсийы мөдысь сэтшөм жө рыө вєськавны.

Андрей Васильевич чөла сулаліс Одью овмөсса зоотехник Артём Панюков водзын, коді кольччөма директор пыдди. Том морт помалөма сельхозтехникум, ветлөма армияө да мөдөд во уджалө овмөсын. Өні со директоравны лои. Сійө видзөдіс Игнатов вылө кыдзи пөгибө воөмысь мездысь вылө да виччысис вочакыв. Андрей Васильевич казяліс, мый чөв олөмыс нюжаліс, нөшта өтчид донъялігмоз видзөдліс зоотехниклы вєськыда синмас да чорыда шуис:

– Кытчөдз тіян йөзид кырымпаса кабалаөн оз корны, некытчө ог вөрзьи! Корасны кө, вөлись кытшовта овмөстө. Сөмын сэки, йөзыс кө оз лоны паныд, босьтча уджө.

Кырымпаса кабалатө вежон мысти нин вайисны. Сёрнитчисны матысса выльлунө кытшовтны овмөссө.

Индөм кадө Игнатов керка дорө матыстчис важиник кузола узик, руль саяс пукаліс Артём Панюков.

Воисны скөт карта дорө. Өдзөсөд пырөны-петөны йөз: коді мешөкөн, коді нопйөн.

– Мый найө кыскалөны? – Андрей Васильевич чуймөмөн видзөдліс Артём вылө.

– Начкысисны да, удждон пыдди яй сеталөны.

– Яйөн мынтысьөны?

– Да.

– А сьөмнас кор?

Панюков сьөкыда ышловзис да шуис:

– Көкъямыс төлысь сьөмсө эз нин аддзывны. Унаөн няньсө гортас өтруб сора пызьиь пөжалөны.

Дусыдмис чужөмыс Игнатовлөн. «Кытчө юрөс сирала? Этша на сюри? Эз өмөй мөрччы воддза овмөсыс? – ас кежас мөвпыштіс сійө. – А мөдарө кө, гортад шняпвидзөмыд бур али мый? Инад он өшйы».

Кытшовтісны картаясөд, сёрнитісны лысьтысьысьяскөд. Сэссия лэччылісны гаражө, пилорама вылө. Уджалысьяс юасисны, кыдзи Игнатов, локтас кө уджавны, вермас вөрзьөдны овмөссө, бурланьө йөткыштны. Найө өна нин дөзмөмаөсь өмөлик, туйтөм олөм, сьөм абутөм вылө. Аддзас-ө Игнатов петан туйсө?

– Аддзам, өтвылысь кутам та вылын уджавны, – Игнатов кывкөрталіс сёрнисө механизаторъяс водзын. А медсясө аслыс чорыд кывсө шуис.

Кывсө лои шуөма, а шуис кө – вөчас. Татшөм шусьөгсө сійө помнитіс сэксянь, кор заводитіс уджавны Сидоровкөд, коді тайөс тшөкыда радейтіс казътивны.

Игнатов первойя лунъяссянь Артём Панюковөс сибөдіс ас бердас. Кутіс сійөс велөдны, кыдзи коркө асьсө Сидоров велөдіс. Висьтавліс, мый колө вөчны, медем босьтны бур урожай либө унджык лысьтыны йөв.

Өтчид корис сійөс аслас уджалан жырийө.

– Велөдчы юрнуөдны овмөсөн, згөдитчас, – заводитіс Игнатов. – Олөмад быдсямаыс вермас лоны. Пример вылө, рытнас ме муна Ягдорө, а татчө некод оз коль, коді вермас вөчны колана кывкөртөд. А сэссия өд быдөн абу нэмтөм, колө морт, коді вермис эськө сійөс вежны.

Артём весиг пыркнитчис тайөс кылөм бөрти:

– Кутшөм вежысь, тэ өд абу пөрысь!

– Но и мый, быдсямаыс вермас лоны.

– Ме сёрнита мужикъяскөд, татчө стрöитам тэныд керка, и он кут öтарö-мöдарö ветлыны! – чорыда шуис Панюков.

Игнатов нюмдiс, эз мöд венласьны, вежис сёрнисö:

– Аски ме ог ло, колян ыджыд туйö.

Мöд луннас нин Игнатов лэччис Сыктывкарö, видз-му овмöс министр дорö.

Заводитчис быдлунъя тöжда удж. Первой колiс корсьны кöть мыйтакö сьöм да заводитны вештыны чукöрмöм удждон. Лэччис райисполкомö, сёрнитiс финотделса заведующöйкöд, районса юрнуöдыськöд. Буретш ськöд, кодi «отсалiс» Швановалы вöтлыны Игнатовöс Ягдорысь. Паныдалiс районса юрнуöдысь сiдз, быттö на костын ставыс бур. Сöмын синсö öтарö зiлис дзэбны. Кöсийсис эськö отсасьны, но сьöм кузя нинöм эз вочавидз.

«Миритчис менам Одъюса овмöсö локтöмөн сöмын сы понда, мый мöд морт татчö юрсö эз сирав, кöть и ёна корсисны, – жырсьыс петiгөн думыштiс Игнатов. – Со, весиг синмад оз видзöдлы. А сийö кодлөн лов вылас омöльтор, бур кывтö оз висътав. Татшöм йöзсяныс быдсямасö позьö виччысьны, медсясö сэк, кор найö ыджыд чинаöсь».

Сöвет кадас на партияса райком Одъюö мöдöдлiс уджавны «штрафникъясöс», быдөнöс кык во кежлö. Игнатов коркö серавлiс Важтыбокса леспромхозысь парткомса вöвлöм секретар вылын. Кутшöмкö делöысь сийöс райком кöсьяс мыждыны кыз партияö пырысьöс. Но друг ковмас юрнуöдысь Одъюса госпромхозö, и морттö кык во кежлö тойыштасны сэтчö директоравны. Мортыд вежон Одъюын олiс, а шойччан лун кежлö лэччö вöлi гöтыр дорас Важтыбокö. Лыддис, кымын тöлысь коли тадзи люзикасьны. Игнатов, кор паныдасьлис, пыр и юавлiс:

– Ссылкаыд оз на помась?

Мöдыс шöйöвошлiс татшöм юалöмысь да гöрдöдлiс.

А öнi ачыс быттö ыстöм морт, быть лои мунны сьöд вөр шөрö. Сиктö, кодi дзэбсьöма чурк сайö. Мир туйыс сиктсьыс водзö некытчö эз нуöд. Гöгөр помтöм-дортöм парма шувгис, ыджыд и ичöt керасьясөн, кушинъясөн, вöралысьяслөн чöс туйясөн, вөр керкаясөн да чукльöдлысь-мукльöдлысь дзоля юөн.

Сьöм корсигмоз Андрей Васильевич паныдасьлис районөн веськöдлысьöс медводдза вежыськöд. Раиса Павловна кывзiс да тшöктiс аслас отсасьысьяслы сетны сёян-юан кредит. Сэки сьöм абутöм вöсна вöлины и татшöм кокньöдъяс.

Регыд мысти Игнатов кутiс нин виччысьны вагон тыр пызь. А сэккостi шуис восьтыны пекарня. Важтыбокса ОРС отсалiс судзöдны пöжасян эмбур.

Гараж бокö коркö лэптылöмаöсь сруб. Сизим метра пасьтаыс и кузьтаыс. Чукöстiс стрöитчан бригадаысь нель мужичöйöс. Тшöктiс налы вевттьыны да жырйыслысь пытшкöссö пелькöдны-лöсьöдны. Ачыс лэччылис карö кирпичла. Одъюысь сюри и пач тэчысьыс. Муртса сылис лым, перйисны сёй, трактор көшөн гудйыштiсны. Пач тэчысь босьтчис уджö. Вежон мысти жырйын сулалiс кык пöжасян пач. Быд лун найöс ичötика заводитiсны ломтыштавны, медым вöляысь косьмасны. Пач, позьö шуны, лои дась, а пызь вагон век абу. Игнатов бара лэччис горувлань. Пыравлiс юрсиктса веськöдлысьöс вежысь дорö. Тöдмалiс вагон кузя: кабалаяснас пö падмög лолöма, сы вöсна сёрмис вагон мöдöдöмыс. Игнатовлы сийö тшöктiс, медым ас дöзьөр улö босьтас пызь вайöмсö.

Коркö сэссия, вежон мысти кымын, звөнитчöны: Сыктывкар станцияö пö воис пызь вагон, колö ректыны.

Игнатов тшöктiс пырысь-пыр стройбригадаса бригадирлы чукöртны йöзöс карö лэччöм могысь и асьсö сэтчö наладитiс. Карö мöдöдчис став машинаыс, кодi вöлi кок йылын. Весиг чаг новлöдлан кузь прицепа ыджыд «КамАЗ» корисны лесопунктысь. Пызь лои ас кадö вайöма да меститöма складö.

Андрей Васильевич сетiс индöд: пызьнас медводз могмöдны уджалысьясöс, кодъяс окотитасны босьтны сийöс удждон пыдди. Мöдысь шуöм эз ковмы, пара лунөн комын тоннаыс инасис.

Вагон ректöм бöрын мöд луннас нин выль пекарняысь петiс ас нянь. Йöз окотапырысь босьталiсны пöсь тупöсьяс. Тайөн выльпыртöмыс эз помась. Совхоз кантораса öти жырйö восьтiсны вузасянiн. Ньöбасьны позис сьöм вылö. Кодсюрö заводитлисны пинясьны:

– Мыйла сёян-юансё удждон пыдди он сетёй?

Игнатов та вылө зэв лабутнёя вочавидзис:

– Сідз кө вөчны, лавкаыс талун жө тыртөммас, а сэсса тупкыяс. Сьөмыс вьльторсё вайны кысь лоө? Гырысьторсё, кодөс мешөкъясөн вермам судзөдны, кутам сетавны удждон пыдди. А воас кад, и бырөдам татшөм мынтысьөм. Сьөмөн мөдам вештысьны.

– Воас-ө сэтшөм кадыс?! – эскытөма шулісны кодсюрө.

– Воас, – чорыда эскөдліс Игнатов. – А медым өдйөджык матыстны тайө кадсө, тиянсянь виччыся бур удж.

Йөз довкйөдлісны юрнаныс. Эз ёна эскыны, но ланьтісны.

Төвнас пөрөдісны бура уна вөр. Вөрсө позис пилорама пыр лэдзны да бокө вузавны, содтөд сьөм овмөсө вайны.

Заводитісны тшупны сё юр вылө вьль карта. Важыс гөгөр нин пыклөма. Тулыснас панісны сё тонна вылө картопель видзанін. Воддза воясө картопельсө овмөсын эз вөдитны.

Игнатов корсис медбур мусө. Первой колө вөлі дискуйтөмөн орөдны эжа вутшсө, а бөрас гөрны. Гөрөм водзвылын петкөдісны тырмымөн куйөд да разөдісны му пасьтала.

Гөрысьыд му вывсьыд регыд и воис гаражө.

– Эштис, – збоя юөртис сійө.

Игнатов муніс видлыны. Аддзө: гөрөма да сөмын эжа пластсө вөсньыдика путкыльтөма. Мукөдлаас пластыс сулалө.

– Ерөмакань, тадз өмөй позьө уджавны?! – ропкыштис ас кежын.

Воис гаражө да морттө вьль пөв гөрны ыстис.

– Мед бөрөздаыслөн судтаыс 25 сантиметрысь этшаджык эз вөв! – велөдіс гөрысьөс. – А бөрас нөшта кыкысь дискуйтан. Сэки муыс гөн кодь небыд лоас!

Та пөрйө Игнатов му вылысь некытчө эз вешйыв. Видзөдіс, кызди трактористыс уджсө вөчас. Аддзас кө вөлі телезна, пыр жө тшөктас бырөдны. А кор мусө дискуйтисны, сійө некымынлаті видлаліс да кывкөрталіс:

– Бур, өні позяс визьйөдлыны, радъяс вөчавны.

Картопель көйдыссө сійө ньөбис пилитөм плака вузалөмысь сьөм вылө. Тайө көйдыснас позис пуктыны вит гектар. Унджыкыс вылө Игнатов эз лысьт ырыштчыны, да и сьөмыс кутіс.

Овмөсын торья агроном эз вөв, но та вылө видзөдтөг пуктысисны лючки. Андрей Васильевич ачыс пуктысян агрегатсө ладитіс-лөсьөдіс. Медым картопель көйдысыс усыласис радъясас буретш 20–25 сантиметр костөн да колана пыднаөдз и небыд мунас тупкысис. Вежон мысти радъяссө агсалісны. Тадзи небзьөдісны мусө да бырөдісны чепөсйөм ёг турунсө. Кадколастөн нөшта өтчыд прөйдитчисны агасөн, а кор картопель корйыс кузьмис, мудйисны.

Гожөмыс коли көрым заптан да картаяс дзоньталан төждьясөн. Коліс тырмымөн чукөртны турун, суйны гуө силос. Такөд тшөтш син улын кутны картопель видзанін кыпөдөм.

Турун пуктөм Одьюын мунө дзик мөд ногөн, ёна торьялө ягдорсаясысь. Ягдорын көрым заптысьяс быттьө заводын уджалісны. Окмыс час асылын заводитлісны, вит час рытын лэдзасьөны нин. Ытшкысьяс сөмын каднас эз лыддьысьны. Налөн вөвдөм мед пыр вөлі. А чөвтысьяс да куртысьяс вила-курантө вит бөрад эз нин босьтлыны. Весиг прессуйтчысьяс лишнөй кад уджалөмөн плешсө эз жугөдны. Шойччан луно совхоз видзьяс вылын некод эз тыдав. Көрым заптөмыс артмыліс унджык трактор-машинаөн да мукөд техникаөн вөдитчөм отсөгөн.

Одьюын пуктысисны семьяясөн. Ичөт ю пөлөн бура ылөдз видзьясыс нюжалөмаөсь. Унджык видз вылө тракторөн он веськав, кайө пода туй. Нөшта ю кузя верман катны. Мукөд семьяыс кайліс пуктысьны мөскөн да посни видзанторйөн гожөмбыд кезлө. Кутшөмсюрө видзьяс вылын позис кывны чипанъяслысь котсөм да петукъяслысь чуксасьөм. Пуктысьөм бөрын ставөн бергөдчылісны гортас.

Игнатов тулыснас на чукөртліс сиктсаясөс, кодьяс пуктысьлісны. Сёрнитчис: заптасны аслыныс турунсө сөмын колана мында, мед позис төвйөдны ассыныс мөс да мукөд видзантор, но медым тырмымөн лои и совхозлы. Од видзьясыс совхозлөн, и лоө тешкодь, оз кө өтув овмөсса сюраньяслы заптыны көрымсө төвйөмөн мында. Кольөм төвнас, кор сійө локтіс

уджавны Одьюо, совхозлөн туруныс эз тырмы. Пуктысьысыя бокö вузавлөмаось. Лудö петтөдз, тулыснас, Игнатовлы турунсö ковмис ньöбны, корысявны. Весиг Ягдорысь ассыс пуктöмасö Одьюо катöдiс кык трактор телега тыр.

Турун пуктöмсö Игнатов тшöктiс Артём Панюковлы босьтны ас дöзьöр улö.

– Видзöд, мед бур турун пуктiсны, медым төвнас сюраньяслы эз ковмы бакшасьöмсö сёйны, – велöдiс сiйö зоотехникöс.

Аръявылыс лöсьöдiс куим морта комиссия Артём Панюков юрнуöдöм улын да став сувтöдöм зорöдсö кытшовтöдiс. Пуктысьысыя асьныс индалiсны совхозлы вылö лöсьöдöмсö. Туруныс чукöрмис тырмымөн.

А матiгöгöрса муяс вылысь уна вося быдмөгъяс силосуйтiсны. Та вылö овмöсын бур техника эз вöв. Силосуйтчисны важ КИР-1,5 ытшкан машинаөн. Сiйö тшöкыда жугласис. Та понда мукöд луннас «киргисны» сöмын кык-куим телега. Тайö вывтi этша, силос гуын ытшкөм туруныс воштiс пötöслунсö.

Игнатов тшöкыда волiс силосуйтчысыя дорö, тэрмөдлiс. Кöсйысис ыджыдджык дон пуктыны. Механизаторъяс кызвыннас гөгöрвоисны сiйöс да зiлисны кадсö не воштавны, но, овывлiс, руль сайö öткымынөн пуксьылiсны код юрөн. Игнатов казавлiс да сэтшөм трактористъяссö тодмышкавлiс пальöдчыны.

Турун пуктöм бöрын стройбригадаса йöз тшöкыда жö кодавлiсны, вина-водкатö, аскуртö ок ёна радейтiсны.

Игнатов кутiс найöс öтикөн-öтикөн корлыны кантораö. Пуксьöдлiс ас водзас да лабутнöя юасис, кызди олö, мыйла юö. Унджыкыс кывзiсны да шпыньялiсны. Юöмысь дзикöд эновтчыны эз кöсйысьны. Шуалiсны, мый кутасны аскурасыны сöмын празникъяс дырйи.

Андрей Васильевич торйöдчигас öлөдлiс:

– Ас вылад эсся скöрав, юöмысь кö тодмышкалам овмöсысь. Тэкöд ми лючки сёрнитiм. Сiдз абу?

– Сiдз, – нурбыльтлiсны мужичöйяс да мунлiсны дöзмөмпырысь.

Öтчид локтiс пилорама вылö. Пилитчысыяслөн шойччан будка стенысь ылысянь на аддзис вылысь пилитöм паськыд пöв. Тувъялөмаось да шомөн гырысь шыпасөн рочөн гижöмаось:

– Пьянству бой!

Тыдалö, серам ради лякисны гижöдсö.

Лабутнöй сёрнияс эз отсавны. Кодi төкаритлiс-юис, сiдз и водзö олiс, мукöд уджалысьсö падмöдiс, ас бöрсяис кыскис.

– Кутам татшөмъясыскöд янсöдчыны! – чорыда шуис Игнатов быдлунъя планёрка вылын. – Унаөн удж вылын юöны, а бригадиръяс табельö пукталöны тыр лунъяс, да төлысь помас сьöм на таысь мынтам. Тадзи овны водзö оз позь. Кыксё сайö уджалысь мяян овмöслы уна. Колö кодсюрöысь мездысьны.

Та бöрын регыдөн удж вылын юөм-кодалöмысь вötлiс öтпырйö куим мортöс, медся наянъяссö. Вежон коли, да содтöд витöс тодмышкалiс. Эз статья серти, а мыччылiс кабала да корис гижны ас вöля мунöм йылысь шыöдчөм. Вötлöмыс артмис небыдик, но аскур радейтысыя пöвстын заводитiсны ропкöдчыны. Игнатов эз видзöд броткөм вылö. Кольлiс уджавны сöмын найöс, кодъяс кöть ышмылiсны да төлысьнас кык-куим лун кодалiсны, но пальöдчөм бöрас мусö и васö бергöдiсны, сьöлөмсянь уджалiсны. Найöс Андрей Васильевич эз вөрöд, сöмын нурбыльтлiс:

– Водзö эн ышмы.

2

Игнатов пажнайтлiс гаражбердса совхознöй котлопунктын. Нуръясьöм бöрын уазикөн волiс кантораö, пуксьылiс пызан сайö да уджалiс колана кабалаясөн.

Öтчид öбед кадö, кор кантораын сы кындзи некод эз вöв, пырис лесопунктса технорук Пустышев.

Пустышев сатш пуксис улӧс вылӧ да зумыштчис. Игнатов весиг кучикнас кыліс, кызди писькӧдіс сійӧс кельыдруд синъяслӧн повзӧдчана видзӧдлас. Локтысь мортлӧн сӧ чукура чужӧмыс скӧрысла векыштчӧма, а тшӧка вывсӧ вомӧналіс вӧсныдик визь. Тупкӧма вомсӧ да, мортислӧн быттӧ льӧбйыс эз вӧв. Пустышевсянь ӧвтӧс кӧдзыд руӧн, тӧдчис: сьӧлӧмтӧм, жаль тӧдтӧм морт сы дорӧ пырис.

– Чолӧм, – гартчана кывйӧн шыасис сійӧ.

– Бур лун, мый могӧн? – Андрей Васильевич видзӧдліс гажа юра техноруклы веськыда синмас. Мӧдыс здук кежлӧ дзебліс синсӧ. Мурч курчис пиньсӧ, нӧшта топӧдліс льӧбсӧ да кыскыштіс нырнас. Дыр нин шырлытӧм рудов юрсиас ӧшйӧмаӧсь турун сіяс.

– Чӧвтӧн али мый? – юалис Андрей Васильевич кызд позьӧ шаньджыка. – Со турун сіяс ӧшйӧма юрад.

Пустышев быттӧ эз кыв, дзалснитліс синнас паньд пукалысь вылӧ да скӧрпырысь юалис:

– Тэ мыйла йӧзсӧ вӧтлалан?!

– Ме тодмышкала сӧмын уджалан кадӧ аскурасьӧмысь.

– Смотри, эн чотась! Ягдорсаясыд кӧ прӧстӧ вӧтлісны, тані ловтӧ вермасны босьтны!

– Абу полысь рӧдысь.

– Ме ӧлӧді, – Пустышев чеччис да шатовтіс. Жырйысь петігӧн водз чунынас ӧтарӧ-мӧдарӧ вӧчис, быттӧ чырыштіс директорӧс.

Игнатовлы сьӧлӧм вылас эз ло лӧсьыд. Пуктіс ручкасӧ, чукӧртис кабалаяссӧ да суйис папкаӧ. Сувтіс ӧшинь дорӧ. Улич кузя вуджрасисны гежӧдик ветлысь-мунысьяс. Веськодъпырысь колльӧдіс найӧс синнас. Юрас бергалӧ Пустышевлӧн волӧмыс. Мыйла пыраліс? Чайта, эз алкашъяс вӧсна. Сідзкӧ, мыйла грӧзитчӧ, ӧлӧдӧ?

Одъясаяс нэмсӧ вӧліны аслыспӧлӧсӧсь. Локтысь морттӧ кӧ оз примитны, быть лоӧ бӧр мунны сиктсьыс. Андрей Васильевич тайӧс тӧдіс. Сійӧс корисны уджавны кабалаӧн да кырымпасьясӧн, но пырас вӧлі гаражӧ либӧ стройбригадаса уджалысьяс дорӧ, и найӧ пыр жӧ ланьтӧны. Сӧрни сы дырйи эз нуӧдны. Сӧмын тӧлысь вит мысти кымын заводитісны явӧ варовитны. Думайтис, мый сійӧс ас мортӧн нин лыддьӧны йӧзыс, но, вӧлӧмкӧ, водз радліс. Со Пустышевыс кызди грӧзитчис: ловтӧ пӧ вермасны босьтны. Сідзкӧ, эмӧсь йӧз, кодъяслы сійӧ горшӧ тасасьӧм сир пинь кодъ.

Регыд и тыдовтчис, мый Пустышевыд эз весьшӧрӧ грӧзитчы. Игнатов овмӧсса уазикӧн ачыс ветлӧдліс. Шоперӧс босьтліс сӧмын карӧ лӧччывны. Ӑтчыд пилорама дорсянь машинаӧн петіс шӧр туй вылӧ, сиктсьянь неуна бокӧ. Муртса муныштіс, бӧрвылас петкӧдчис КУНГ – тупкыса вына машина, кодӧн вӧр пӧрӧдысьясӧс вылыс складӧдз новлӧдлӧны. КУНГ вӧтчис бӧрсяныс да «ворсӧдчис» бинас, корис сувтны. Игнатов бӧръя зеркалӧ пыр аддзис кабинаысь куим мужичӧйӧс. Шӧрас пукаліс Пустышев да ӧвтчис кинас. Став серти тыдаліс, мый вӧтӧдысьяс код юраӧсь.

Игнатов содтіс машиналысь ӧдсӧ. Бӧрсаяс ӧддзӧдісны жӧ. «Мый вӧчны? – югнитис Игнатов вежӧрын. – Сувтны оз позь, вермасны ӧкмыльтны, да шойтӧ весиг оз аддзыны».

Крута бергӧдіс рульсӧ, веськӧдчис скӧт картаяслань. КУНГ бӧрыньчыштіс да тшӧтш жӧ кӧсйис кежны, но, кор вӧтчысьяс аддзисны Игнатовлысь карта ӧдзӧс дорӧ матыстчӧмсӧ да сэтчӧ пырӧмсӧ, сувтісны. Кыйӧдісны, петас оз картасьыс. Минут дас мысти КУНГ косіс, ас вӧляысь тюрис сиктлань. Тыдалӧ, повзисны йӧзасьӧмысь да эновтчисны...

Гожӧмнад уна пӧлӧс удж вӧчигӧн, да нӧшта кор оз сідз, кызд колӧ, артмы, КУНГлӧн вӧтчылӧмыс вочасӧн вуні, талялісны быдлунья тӧждъяс. Дай КУНГыд мӧдысь эз мычысьлы.

А сӧсся воис картофель керан кад. Первойя луныс жӧ петкӧдліс: урожай ок ыджыд. Витсӧ ветымын центнерӧн ӧти гектарсьыс артмӧ. Та мындаыс весиг Ягдорын эз овлы. Картофель идралӧм муніс надзӧн. Йӧз тані абу велалӧмаӧсь копрасьны копалка бӧрся совхоз му вылын. Помысь сувтӧмаӧсь шойчыны, коссӧ зыралоны да бипур дорӧ жмитчӧны. Быдса вежон чӧжӧн сӧмын гектар вылысь картофельсӧ ӧктисны да йӧртӧдӧ меститисны.

Игнатов быд лун некымынысь му вылӧ воліс, но удж эз ӧддзы. Мӧдарӧ, йӧз заводитісны пышъявны. Асывнас мыччысьласны, а час мысти лыда морт нин кольӧма. Кайӧны вӧрӧ вотӧсла да тшакла. А вӧралысь мужикъяс весиг эз юасьны. Кайисны вӧр керкаясӧ, асланыс чӧс туйӧ.

– Пуктөдiс кö, мед ачыс и керö картупельсö, – воис Игнатов пельöдз овмössаяслөн сёрни-
ыс, кор сийö заводитiс туясыны.

Воис нин октябр тöлысь, шляча петiс, кöдздöдiс, а дзонь гектар на кертöм шильквидзö.

Игнатов чукöртiс канторасаясöс, сиктсаясöс, корис отсыштны школаса челядьöс. Ачыс
накöд тшöтш кымыньöн кыскасис му кузя. Куим лунöн и помалiсны. Бөрья луннас ва гöпьясыс
йизьöмаöсь нин вöли. Ковмис шоныда пасьтасыны. Картупель муыс вывтасiнын да, чизыр тöлыс
йиджис купайка пыр. Игнатов эз мун, кытчöдз медбөрья мешöксö эз нуны картупель видзанiнö.

Ёна дöзмылiс, ас кежас видчис: «Оз гöгөрвоны! Ыджыд урожайыс вайö содтöд сьöм. Тöвнас
позяс вузавны, а поснисö сюраньяслы вердны. Содас йöв, унджык маслозаводö ваясны. Бара
содтöд нажöтка. Тадзи, сöмын тадзи позьö гöль олöмысь мынтöдчыны. А йöзлы нинöм оз ков.
Мöд во сюсьджык лоа».

3

Мöд вонас Игнатов водзвыв сёрнитчис мужичöйяскöд. Сетiс уркöвöй: картупель керöм
бöрын ставнысö лэдзас отпускö. Ветлöй, кыйсьöй, вотчöй. Öткывьясыны лои кокныдджык и сы
понда, мый Игнатовлы удайтчис таöдз вештыны овмössаяслы став уджйöзсö да быд тöлысь на
джынсö мынтыны сьöмөн. Дерт, удждон вöли ичöтик на, но сийöс йöз кутiсны босьтны ас кадö.

Та бöрын Игнатовс сиктсаяс пондiсны пыдди пуктыны, бурөн казтьылiсны. И ачыс чайтiс,
мый тырвыйö ас мортөн лои. Весиг кызкö быттьö вунi нин Пустышевлөн грöзитчöмыс. И лесо-
пунктса технорукыс сэсся эз матыстчыв сы дорö.

Öти рытö Андрей Васильевич сёрмыштiс. Пукалiс кантораын, видлалiс чукöрмöм кабала-
яс. Удж помалiгас нин звöнитiс сельхозуправлениеысь начальникыс. Стрöга сёрнитiс, корис
аски жö бөр вайны уазиксö, кодöс Одьюса овмöс кöртымалiс управлениеысь. Овмöслөн сьöм
вьель машина ньöбöм вьлö эз вöв. Первой восö уджалiгөн на Игнатов районса юралысь пыр ко-
рис управлениеысь тайö машинасö. Налөн сийö сiдз гаражын сулалiс, сыысь öтдор вöли «Волга».
Асфальт кузя шлывьалiсны буретш сы вылын. Та пöрийö начальникыс пинячис: öти во кежлö
пö сöмын сетiм, грöзитчис ёрд пыр мырддьыны машинасö. Телепон трубкасö пуктöм бöрын
Игнатов бура дыр пукалiс вöрзьöдчйтöг. Думайтiс, машинатöг кольччыны сылы оз позь. Кöсийс
сёрнитлыны районса юралыськöд. Та вылын позис эськö лөньöдчыны, но мыйлакö кылiс лов
пытшкас кутшöмкö гудрасьöм, весиг чужис полöм. Эз машина мырддьöм вöсна, эз. Мыйыськö
мöдторйысь, гöгөрвотöмысь сьöлöм вылас лои деливö.

Рöмдiгас нин петiс кильчö помын сулалысь уазик дорö. Арыс таво вöли мича, дыр нин зэр
тусь эз усьлы. А öни со тövзъысьöма, енэжöд кывтiсны сьöд-лöз кымөрьяс. «Зэрмас, – чатöртлiс
юрсö Игнатов. – Водзджык колö вöли петны. Абу нимкодь зэригөн да нöшта пемыднас Ягдорöдз
воöдчыны».

Кытшовтiс машина гöгөр, чужийс бөрья колесаö да пуксис кабинаö. Уджöдыштiс моторсö,
медым шоналас, вöрзьöдчис. Уазик öдийö тюрис туй кузя. Бөрö колины сиктпомса керкаяс,
мöс картаяс да силос гу. Туй öтар-мöдарас быдмысь козьяс шенасисны лапьяснас, копрасиг
кольöдiсны Игнатовс. Тöлыс нетшкис кызд пуяслысь вижöдöм корьяссö да шыблалiс öтарö-
мöдарö. Туй вьлö, козьяс улö, весиг машина мышкö лякис.

Игнатов содтiс öдсö. Сийö тэрмасис, кöсийс пышйыны зэрсыйс, но тöлыс пыр ёнджы-
ка öддзис, пöльтiс бöрсянныс да вайöдiс сьöд кымөрьяс. Ывлаыс нöшта на пемдiс. Андрей
Васильевич видзöдлiс спидометр вьлö, верст дас лои мунöма. Туйсö вомöналiс кытшолөн кыв-
тысь ичöтик вöрса ю. Туй мудöдыс сэтi кайис вьлö. Сыв нель, а гашкö, вит лоö. Буретш пос до-
рас машина рульыс другөн нетшыштчис Игнатов кийсь. Уазикöс шыбитiс бокö, да öдвывсьыс
сийö бурскысис туйбокса кырöдö.

Андрей Васильевич удитiс сöмын чорыдджыка кутчысыны рульö, личкыштны тормоз вьлö,
но вöли сёр нин. Уазик патурликасьöмөн тiмбыльтчис пос улöдз...

Здук мысти пос дорö матыстчис ыджыд КУНГ машина. Кабинаысь петiс мужичöй. Пос

шөрсянь видзёдліс бок вылын куйлысь узик вылө, скөрысь вашмуніс. Съөвзис да бөр пуксис шоперкөд орччөн. Машина бөрынтьчыштіс, бергөдчис да мөдіс Одъяулань.

Игнатов паляліс Важтыбокса бурдөдчанінын. Первойсө эз гөгөрво, көн-мый. Эз путьмы висьтасьны еджыд паськөма мужичөйлы, коді копыртчөма вөлі сы весьтө. Висис юрыс, кийс да став тушаыс. Бытьтө нөшкөн вачкалөмаось. Сійө ымөстіс, кунис синсө. И бара бытьтө дзумгысис-пырис пемыдінө. Син водзас петкөдчис вежаньыс.

– Тэ жө кулін! – чуймис Андрей Васильевич. – Ме ачым гуасигас вөлі.

– Гуалінныд вир-яйөс, а лолөй менам Ен дорө кайис. Енэжсянь тэ бөрся видзөда.

– Вылысяньыс, сідзкө, тэныд ставыс тыдалө. Он төд, мыйла дойми?

– Лөк морт пакөсьтсө вөчис. Тэ сійөс ачид төдан.

– Сійө и эм, ог төд коді. Пакөститчысьыс, гашкө, мөдарьюгыдас көсйис мөдөдны?

– Бурдан, тэнө тані оз на виччысьны, видз асьтө.

– А коді мыжаыс, коді? – Андрей Васильевич юасис и юасис, но вочакывсө эз кыв. Вежаньыс кызди мыччысьліс, сідз жө другөн воши.

Кор выльысь воис ас садяс, дінас пукалісны Иван пиыс да погона морт.

– Андрей Васильевич, ті менө кыланныд? – казяліс палялөмсө милиционерыс.

– Да.

– Одъюысь петөм водзвылын узикысь кутшөмкө нелючки казялінныд?

– Эг.

– А водз көлеса крепитан гайкаяссө эн разьлы? Гашкө, вежлін көлесасө? – юасис погона морт.

– Эг, сійө пөльтөма вөлі.

– Машинаыслөн водз көлесаыс сюри бокысь, – висьталіс милиционер. – Гайкаясыс разьсьөмаось, көлесаыс мынөма да водзө тюрөма. Сы вөсна и туйбокса кырөдас тэнө шыбитіс. А сэсса узикыс тімбыльтчис пос улөдз, дойдаліс тэнө. Ме чайті, мый ті асьныд көлесасө перйылінныд да вунөдінныд гайкаяссө бура злөдны. Эн кө, сідзкө, кодкө личөдіс нарошнө. Одъюас тіян эмось лөгалысьяс?

– Ог төд.

– Ак, сідз, – друг торкис сёрнисө Иван. – Ме ачым туяся! Сөтана пызь, лоө кось! Менам батылы грөзитчөны, көсйөны вины либө инвалидөдз вайөдны! Та дырйи ме кута пукавны полысь көч моз?! Мый, ме неморт? Кута виччысьны милициялысь милөсьт? Ог, ачым тшапнита злөдейсө!

– Но вот, пыр жө төді ассьым пиөс, – дой пырыс нюмдіс Игнатов. – Бара тяпнитін?

– Муртса, чуньлыс мында.

Игнатов ышловзис. Сылы эз вөв лөсьыд, мый пиыс бара на юыштөма. Некидз оз вермы шыбитны, эновтчыны курыдторсьыс. Колө эськө кодируйтчыны, но сійө нинөм оз көсйы кывзыны.

Погона морт чуймөмөн видзөдліс батя-пия вылө да чеччис.

– Ладнө, бурдөдчы, – шуис сійө.

– А татчө коді вайис? – Игнатов чөвтліс синсө милиционерлань.

– «Ниваён» вотчанінысь вөлөм локтө Пименов Василий Васильевич, карса олысь. Сійө аддзөма да вайөдөма тіянөс бурдөдчанінө. Ме ськөд аддзысьлі нин. Бурдан да верман аттьөавны тайө бур мортсө. Со сылөн телепоныс, – жырйысь петтөдз мыччис кабалатор.

Регыд мысти муніс и пиыс. Игнатов кутіс думайтны. Збыльысь өд, коді гайкаяссө личөдіс да көні? Дойман луннас эз уналаө воы: гаражө, скөт картаө да бөр-водз пилорама вылө. Картаын сөмын мөс лысьтысьяс да кук видзысьяс вөліны. Найө машина дорө эз петавны. Да и уджалөны нывбабаяс. На пиысь некод техникаөн оз вөдитчы. Кольө пилорама да гараж. Сэні шопер-трактористыд тырмө. Но коді на пиысь сы вылө лөгалө? Да сідз, медым мөдарьюгыдө мөдөдны либө инвалидөн вөчны, некодөс веськыда шуны оз вермы. Кодкө кө аддзыліс пакөсьт вөчигас, позис тшапнитны. Позис, аддзыліс кө да висьталіс. Вермис и чөв ланьтны. Одъюын векджык тадзи и овлө. Көть йөзасясны, сиктысь бокө сёрни оз петлы.

Коркө тулыснас, совет власьт дырйи на, мотора пыжөн лесопунктса кык уджалысь да касир лэчасны банкө сьөмла. Удждон сеталан лун воөма да. Сэкса кадө лесопунктса мырсьысь-зыльысьяс бура нажөвитісны. Бөрсө локтігөн пыжыс бытьтөкө путкыльтчас, сьөмыс да кас-

сирыс вöясны. Тадзи висътасысны кык мужичöйыс, кодъяс кольöмаöсь ловйöн. Найöс ваку-
льыс абу кыскöма. Дыр корсисны кассиртö да сьöмсö, но нинöм эз сюр. Милиция заводитлис
кыскавны кыкнан мужичöйсö. Сэсса лэдзчысисны, кывсьылис: найö пö абу мыжаöсь, а гоз-
мöд во кольöм бöрын кыкнанныс öти бöрся мöд лёкнога куліны. Енмыс мыждіс али кодлысь
рöднясö бöрддзöдісны, найö отсалісны мунны мöдаръягудас, тайöс некод эз тöд. Татшöмсяма
лоöмторъясыс Одъяуын овлісны и бöрынджык нин...

Игнатов некодлы эз висътавлы нöшта öти лоöмтор йылысь. Вежонöн водзджык, узикöн пос
улö лэбтöдз, машинанас сійö лэччыліс ю бокö. Сэтчö тшöкыда лун сьöмöснас вöлі ветлывлö.
Пырджык öти кадö: берегас пукуштны, вөр-ванас любуйтчыштны. Тайö здукъясö сійö думнас
эновтчыліс быдлунъя тöждъясысь.

Ю дорас неуна эз во, сувтіс кыддза рас дорö. Радиаторас ваыс вывті ёна кутіс шонавны.
Муртса петіс кабинасыс да восьтіс капотсö, кыліс лыйöм шы. Дзик машина дорын быдмысь
нейджыд кыз пулысь россö пуляыс орöдіс, быттьö ёсь черөн сöтыштісны. Игнатов повзис, эз
кут кöйявны. Пöдлаліс капотсö, сöліс машинаö да ыджыд öдөн бөр төвзис сиктлань. Коді лыйис,
сідз и коли гусяторйöн, тöдмавны эз вермы.

И öні öдвакö гайка личöдысьыд сюрас. Андрей заводитлис выльысь думнас корны вежаньсö.
Мед сылөн бур лолыс отсалас, индас пакöсьт вöчысьсö.

Кор Ягдорысь ненога вöтлісны, корліс жö вежаньсö вöтөн уськöдчывны, велöдны сійöс.
И уськöдчыліс öд, асьядорыс нин петкöдчис.

– Енмыс ставсö тöдö и аддзö, мыжаяссö накажитас. Тэ эн шогсьы, уджыд сюрас. Йöзыс ась-
ныс кораласны.

Шуис тайöс и вошис син водзысь. Андрей сэки паляліс да дыр куйліс восьса синмөн,
думайтіс. Думъяссö торкис гöтырыс.

– Тэ век на вольпасьын? Талун карö вöлі кöсьян лэччывны.

– Да, да, – Андрей звирк чеччис да кутіс зіля пасьтасыны. Талун нюжмасыны вольпасьын оз
позь. Колö туйö лöсьöдчыны.

Лэччылöм бöрын унаысь на тöд вылас усьліны вежаныслөн кывъясыс. Кöсйис гөгөрвоны,
мый зілис висътавны сійö. Коді коралас удж вылö? Кутшöм кывкутöм лоö сійö жö Швановалы?

Сэки майшасис, öні, дерт, гөгөрвоана. Сійöс öбöдитысьясöс Енмыс накажитіс. А удж вылö
збыльысь йöзыс корисны. Мыйла либö корисны? Медым йöткыштіс-вөрзьöдіс овмөссö
бурланьö да ассьыс юрсö воштіс?

Бурдöдчанінö воысь милиционерыд кытшовтіс Одъяусö. Сёрнитіс йöзкөд, но пакöсьт
вöчысьöс эз аддзы.

Путкыльтчылöм бöрын Игнатов дугдіс öтнас ветлыны, узик вылö пуксьöдіс торъя шоперöс.
Медым машинаыс дөзьөр улын оліс. Кодкө кö лөгалö, шопер дырйиыд пакöсьтсö вöчны лоö
сьöкыдджык. Оз кö кыйöдны да пищальысь тöдлытөг лыйны. Татшöмторйыс вермас жö лоны.
Öні странаын тадзи став олöмыс мунö. Бандит чукөръяс ыджыдалöны, виалöны, нöйтöны,
мырдöналöны.

Öти пöрийö Игнатов заводитіс катласьны: «Гашкö, эновтчыны уджсьыс, мунны Одъяуысь? Мед
оласны, кыз кужöны».

4

Быттьö тöдöмаöсь сылысь майшасьöмсö, регыд минсельхозсянь воис телеграмма. Министр
корис ас дорас аски жö дас час лунö. Игнатов лöсьöдчис лэччыны карö. Костюмасис, весиг галс-
тук голяас пысаліс, рөмпöштан водзын шыльöдчис. Думыштіс на: парикмахерскöйö колö пы-
равны юрсисö шырыны.

– Гашкö, министрыд ас дорас босьтас? – кор нин Игнатов кышаліс вылыс паськөмсö, шыа-
сис гöтырыс.

– Шуан жö, – Андрей нюмдiс. – Тайö оз вермы лоны.

– А мый? Он шогмы али мый? Тöндзи вöли вöзийöны министрö вежысьö, да кинад и кокнад пыксин. Йöйталiн, жаль лои эновтны Ягдорсö. Мунiн кö эськö, татшöм «путчыс» эз ло. Öни, гашкö, ачyd нин министралiн?

– Ладнö, тыдовтчас, мыйла корö, – öдзöс вугйö кутчысигмоз вочавидзис Андрей.

Кык час мысти сийö пырис министрлөн приёмнойö. Олöма нин секретарша пыр и дзугыльмöдiс:

– Павел Дмитриевичöс корисны Правительствоö.

– Дыр кежлö? – юалис Игнатов.

– Эз висьтав, тыдалö, ачыс оз тöд.

– Сiдзкö, кытшовта отделясьöд. Локтас кö министрyд, чукöстанныд.

– Бур.

Игнатов сёрнитiс минсельхозса специалистъяскöд. Пажнайтiс, а министр век на абу. Виччысигад кадыд дыр кыссьö. Пырис кадръясөн юрнуöдысь дорö.

– Зэв бур, мый пырин, – воча сувтiс сийö. – Муртса на звöнитiс министр: Правительствоын налөн уджыс рытöдз пö кыссяс, тшöктiс меным тэкöд сёрнитны.

– Мый кузя? Ме со лунтыр танi довьяла.

– Министр вöзийö тэныд веськöдлыны Карбердса порсь видзан овмöсөн, – кадръясөн юрнуöдысь казялис сылысь дöзмöмсö да юöртiс кызд поэьö лабутнöя. Здук кежлö ланьтлiс да юалис: – Мый шуан?

– Виччысьтöм вöзийöм. Öдвакö кутчыся.

– Ме думысь, оз ков пыр жö ордны. Дерт, сьöкыд овмöс, уджыс сэнi дзугсьöма. Öния веськöдлысь эз сяммы уджсö котыртны, тшöкыда аддзылöны код юраөн.

– Тi мый? Вöзъянныд меным локны татчö да семьяысь торйөн общагаын овны? – дöзмöмпырысь юалис Игнатов.

– Патератö сетасны. Думышт, сэсся звöнитлан министрлы либö меным.

Игнатов дусyд чужöмөн петiс минсельхоз керкаысь. Пуксис узикö шоперкöд орччөн да кутiс мöвпавны. Лов вылас, кызд шулöны, каньяс парсасьöны. Телеграммасö лыддьöм бöрын чайтiс, мый министр вöзъяс сылы бурджык, ыджыдджык чина удж. Шуам, корас аслас вежысьö. Водзын, гоз-мöд во сайын, сылы тайöс вöзийылисны нин. Со гöтырыс карö мöдöдчигас на казтыштiс. Сэки Игнатов збыльысь пыксис, эз окотит эновтны Ягдорса овмöс, а, вöлöмкö, весьшөрö. Тöдiс кö, мый сыкöд ягдорсаяс вöчасны, дерт жö, мунiс. Öни ачыс виччысис, но со мöд вöзийöм. Бара сэтшöм удж, кöни узьöм ни олöм. Бурджык нин Одыюö кольчыны. Овмöсыс ичöt, сiдзкö, и тöждсö Карбердсакöд он öткодяв. Сöмын пакöсьт вöчысь либö вöчысьяс эмось. Гашкö, удайтчас найöс тшапнитны? А оз кö? А Карбердас олöмыс лөньджык? Öдвакö, Карбердад унджык на шпанаыс.

Ягдорö воём бöрын Игнатов ужнайтiс да вöлись нин ошйысис выль удж вöзийöмнас. Гöтырыс, Лариса, Карбердö мунöм йылысь весиг кывзыны эз кут.

– Ме сэтчö ог мун! – чорыда шуис сийö.

– Тэнö öд некод сэтчö оз мöдöд. Менö коралöны уджавны, – тöдчöдiс Андрей.

– Юр пудъялöм коды!

– Ог тöд, меным абу жö окота кöсийысьны.

– Сiдзкö, звöнит да öткажитчы. Ме эськö киён и кокөн пыкси, аддзöмаось йöйöс! – дöзмöмпырысь тшöктiс Лариса.

Министр дорö Игнатов эз шыась, вежавидзис. Звöнитiс кадръяс юкөнөн веськöдлысьлы, öткажитчис мунöмысь. Трубкасö пуктiс, да морöс пыткас личмунi. «Öти майшасьöм быри», – мöвпыштiс ас кежысь.

Мöд лун асылö лов вылас шукöб*.

– Бара вöталi лёк вöt, – шыасис гöтыр дорас. – Асьявылыс нин гöри сьöд вöлөн да картупель сюялi.

---

* Шукöб (диал.) – деливö.

– Сьöлышт, эн думайт. Абу став вöтыс ина, – такöдiс Лариса.

– Ог эськö кöсийы думайтны, но лёкыс ачыс юрö воö, сьöлöмöй абу местаын. Мед эськö Иванкöд да Тасьякöд ставыс лючки, нинöм эз ло.

– Ен отсöгөн, эн асьтö думъяснас пöдты. Пуксьы сёйышт, Одъяуд каян кад матыстчö. – Лариса вайис пызан вылö асья сёян.

Но тайö асылö Одъюö кайöм эз ло. Муртса удитiс нуръясьыштны, звöнитiсны Важтыбоксянь. Мамыс, Анфиса Ивановна, чорыда висьмöма.

Чуланын, кöни коркö эновтiс таладор югыдсö батыс, öни куйлiс мамыс. Сьöкыд висьöмыс топöдöма нывбабаöс сiдз, мый öдва поиктö*.

Полiгтырйи, лов шысö дзебиг, ыджыд сьöлöм дойөн Андрей матыстчис крöвать дорö. Небыдика кутыштлiс мамыслыс кисö да весиг дрöгнитiс: кöдзыд, чайтiс, кулöма нин, но Анфиса Ивановна восьтiс синсö.

– Пиук, – шыасис сiйö. – Воин, ме виччыси, ёна виччыси. Прöстит ставсьыс, гашкö, коркö öбöдитлi. Олöй чой-вокыдкöд öтсöгласөн. Тöд, сöмын ас рöдвуж, ас семьяын выныс, видзöй сiйöс. Тэ менам мам пи, та понда и бөръя кывсö тэныд висьтала. Тэ вылö лача кута.

– Эн тадз сёрнит, – торкис мамсö Андрей. – Тэ бурдан, чеччан вольпассьыд, внукъястö водзö кутан лелькуйтны.

Андрей шуалiс ышöдана кывъяс, кодъяслы весиг ачыс эз эскы. Мамыс бөръя аддзысьлöмсянь страсьт ёна омöльтчöма. Чужöмыс сьöд пöв сямá лоöма. Син дорыс вöйöма, сэрапом кодь. И лолалö сьöкыда, киргöмөн лолалö.

Андрей аслас удж вöсна пыр вöли оз эшты. Сылы некор, век мыйкö падмöдлiс. Уджыс эз и помасьлы, эз эштыв, а мамыс со куланвийын. Гежöда волевлiс видлыны. Тайöс вöлись öни гөгөрвоис, кор мамыс эз нин вермы вөрзьöдчыны, öстатки эбöсыс бырöма да.

Андрей чужöм вылын тöдчис ыджыд шогалöм, ёна шогсьöм! Сiйö выльысь кутыштiс мамыслыс кисö, пидзöсчаняси да сыркъялöмөн бөрддзис. Зуньгысис, дзебис чужöмсö мамыс эшкынö. Синваыс шорөн визувтiс, кötöдiс еджыд вевттьöдсö. Синсö эз лэптыв, сылы чайтсис, мый лэптас кö юрсö, паныдалас мамыслыс дивитана видзöдлассö. Сiйö кылiс мамыс водзын асьыс мыжсö. Мыйла эновтiс, эз кад вылö воы. И таысь асьсö öни лыддис мыжаөн.

– Öнюш, мый тэкöд? – кылiс мамыслөн небыдик шöпкöм. – Лöньöдчы, Ен тэкöд. Видзöдлы ме вылö.

Андрей лэптiс юрсö. Мам синмын эз тыдав весиг войт мында кöритöм.

Анфиса Ивановна сьöкыда нюмдiс. Бөръя лов шыöдз сiйö зiлис сетны пиыслы лача. Мед сöмын сылөн ставыс лои лючки. А аслас? Аслас син водзас ставыс нин бергалiс. Йиркыс, шпалера стенмыс, крöвать дорын сулалысь шкапыс...

Со вылыс югдiс, воссис. Анфиса Ивановна восьсаинас и кыпöдчис быттьö, лэбзис мича лöz енэжлань. Аддзис веж коръя пуяс, дзользысь лэбачьясöс. Воськалiс ас Закарсиктö. Паныдасис читкыль сьöд юрсиа зонкöд. Зонмыс мыччис кисö.

– Василей, – шöпкö Анфиса. – Тэ тани?

– Ме важөн тани, виччыся тэнö.

– Локта, локта, – Анфиса воча нюжöдiс кисö.

Зильö матыстчыны верöс дорас, но кодкö быттьö кутö сiйöс, оз лэдз. Видзöдö: платтьö бöждорас кутчысьöма коркöя пöрысь чиганкаыс.

– Эн матыстчы сы дорö. Вунöдiн, кыдзи ськöд олин? Суетнöя, лöжнöя, сьöкыда олин! Мыйта челядь йывтiнныд, аслыд личöдыс здук эз вöv.

– Челядьыс и радлуныс лои. Эн менö кут, – Анфиса зильö мездысьны чиганкаысь, нетшыштчö. – Ме сiйöс радейтлi...

Анфиса Ивановна зiлис апыштны сынöдсö, но лолыс эз шед. Öтчыд, мöдысь, сэсся нюжöдчис да лөнис. Лөнис пыр кежлö.

* Поиктыны (диал.) – сьöкыда лолавны.

Кыпыд чужомон куйлис Анфиса Ивановна. Быттьо став тождыс бырома, быттьо став уджсо лои вочома.

Андрей сулалис поконча динин, кылис асьсо сиротаон, мамтог кольомон, да выльысь борддзис. Чужом кузя тюрисны синва войтъяс, исковтисны бан бокод, но тайос сийо эз казав.

5

Коли вежон, Игнатов удж кузя могон лэччис каро. Пырис минсельхозо да коридорын паныдасис министркод.

– Пырав ме доро, – кисо мыччылис модыс.

Игнатов вотчис министр борся. Пуксис индом улос выло да кутис виччысьны. А министр мыйкодыра чов олис. Гашко, мовпалис, мыйсянь сернисо панны. Андрей Васильевич гогорвоис нин тайос, но ачыс сернинас эз водзмостчы.

– Тэ збыльысь пыксян Карбердо мунюмысь? – юалис министр.

– Да.

– Мезды мено оти шогысь. Сэтчос овмосас уджыс некытчо туйтом. Воськодлысьос вежысь абу. Тэ сэни верман асьто петкодлыны, Одьюад тэтотг оласны.

Министр неуна ланьтыштлис. Думсьыс, тыдало, виччысис, кутшом ногон Игнатов паныдалас сылысь кывъяссо.

– Патерато сетам, – содтис сийо.

– Кытысь? Ме Карбердо овны ог мун.

– Сыктывкарысь, куим жыръяос, – министр регыдик чов олис. Сэсса веськыда видзодлис синмас Игнатовлы: – Но мый, босьтчам?

Андрей Васильевич ыджыда ышловзис. Окота эсько министрлы нылыд мунны. Сылы они абу жо кокни. Со ставыс киссьо. А модаро ко, Игнатов асьсо рыо тойлало. Оз кыскы сийос Карбердса овмос. Оз, но коло кодароко сетчыны, чорыд кыв шуны. Воча пукалысьыс виччысьо. Откажитчыны чорыда нин али косийсьны? Думайтис, весиг पोшь кымосас чепосийс. Быттьо дыр нюжалис костыс. Сидз сылы чайтсис, но коли сомын некымын здук, гашко, этшаджык на. Медборын век жо пычиктис ас пытшсьыс:

– Да.

Косийсьомыс артмис сьокыда, асьсо мырдоналомон. Эз пыр и казав министрлысь чургодом кисо. Асьыс воча мыччылис да майшасигтырйи и петис жырсьыс.

«Мый ме вочи? Ас окота серти сы ыжда сийос голяо пысали. Ой, лека вочи, карса патера выло ышти. Лека вочи! – Андрей Васильевич каитчигмоз осьлалис минсельхозса коридород.

Лариса веросыслысь Карбердо мунны косийсьомсо эз ошкы.

– Ме ог лэччы! – ородис сийо. – Тондзи нин шули. Ачыл ланьтлин мунюмысь, а министр дорын сылин, нылыд сетчин. Мед кодоско модос корсяс! Йойто аддзомаось, безотказнойос!

– Косийси да, ковмас мунны. Бор кывйос босьтны абу лосьыд. Сэсса бара жо, патерасо мод ног он босьт.

– Тани олам.

– Тани ме овны ог косийы. Ме од абу на пенсионер, дыр на коло уджавны.

– Сидзко мун да отнад уджав и ов!

– Ола! – воча дозмис Андрей. – Ковмас ко, выльысь готрася!

– Видлы! Эсько бугыльто лукйышта!

Одьюын эз жо ошкыны Игнатовлысь каро лэччыны косийсьомсо. Откон и чукорон матыстчылисны директор доро да корисны кольчыны.

Арте́м Панюков отнас коли Игнатовкод да шуис сернитны веськыда.

– Тэ мый, модан патера восна али ми тэныд ог кажитчой? Тэно жо йозыс пыдди пуктоны, ас мортон лоин, а тайо зэв гежда овло локтысь директорьяскод, – висьталис сийо, но сэсса гогорвоис, мый кывъясыс оз морччыны, да чорыда помалис: – Ог лэдзой! Некод ко овмоссо оз примит, кызди мунан?

Андрей Васильевич йөзөс гөгөрвоис. Сы дырйи найө пондiсны бурджыка овны. Кутшөмкө лача кутiсны аскиа лун вылө. Полiсны, мый сы мунөм бөрын овмөсыс бөр киссяс.

– Вajas оз бергөдчы, – такөдiс сiйө полысьясөс. – Тi асьныд нин он лэдзчысьөй, водзө кутанныд нырччыны.

– А кодi татчө директоравны локтас?

– Татчө өдвакө кодкө боковыс сюрас. Зоотехникыдлы, Артём Панюковлы, ковмас кутчысьны. Тi сылы отсаланныд.

Андрей Васильевич пөкөритчис нин ловнас, мый Карбердө мунас. Эз ёнасө майшась, весиг нюмтор йөзкөд сёрнитигөн петавлис.

Но öти паныдасьлөм бара на йирыштiс морөс пытшсө. Рытладорыс петiс кантораысь. Мөдөдчис гортас, Ягдорө. Шоперыс пукалiс нин ас местаас. Друг машина сайысь петiс технорук Пустышев. Игнатовлы нырас паркнитiс вина дук.

– Чолөм, – пинь пырыс сөдзтөдiс Пустышев.

– Но? – Игнатов юалана видзөдлiс технорук вылө.

– Муна-ан? – Пустышевөс сутшиктөдiс. – Правильнө, танi кө дырджык уджалан, олөмтө ворссян.

– Мыйла ворсся?

– Вунөдiн прокурор дорө шыөдчылөмтө, кор тай депутаталiн. Тэ вөсна ме срок нажөвитi. Көть условнө, но лои мыждөм мортөн. Көсйи сиктсөветө юравны кутчысьны, сөмын өдзөсө петкөдлiсны: судимөй пө. Тэ вөсна, дзик тэ вөсна менам туйыс тупкысис! – скөрысь шуалiс Пустышев.

– Гашкө, тэ и машина көлесаыслысь гайкаяссө разин? Падла, ме төлысь бурдөдчи! А кыддза рас дорад лыйсьөмыс тэнад жө удж?! – воча дөзмис Игнатов.

– Тайө этша на, лыйөмыс вөли өлөдөм, повзьөдөм ради. Көсйи кө, сэтчө и тiмбыльтi, кыдз рас дорас эськө чергөдчин.

– Ме милициялы висьтала. А мый судитөма лоин, ачyd мыжа. Эн ыршась ружьеөн бур йөз вылө.

– Ха, ха, ха. Висьтав, он докажит! Так что, пока ловья, уматывайтчы өдйөджык! Ачым мыжа... тэ, тэ мыжа! – Пустышев здук кежлө мурч курччис парсө да водзө нуөдiс: – Да, нөшта öтитор. Мейсь өтдор на эм тэнө мөдарьюгыдас мөдөдысьыс.

– Кодi?

– Ог висьтав, ачyd төдан, кодлысь гач зепсө дукөсьтiн!

Пустышев зумыштчис, сулалiс Игнатовлы паныд да эз и думайт вешйыны. Сiйө, кыдз көсйысьлис Сидоровлы, эз кут явитны, паськөдны ськөд сёрнисө. Сэки Сидоровыд, кор паныдасисны карса уличын, ёна норасис: «Ме Игнатовсө удж вылө босьтлi. Весиг медаль сетлi, а сiйө пасибө пыдди кляуза ме вылө чукөртiс, быдса досье. Сэссия менам местаө директоравны пуксис. Эг кө көсйысь, эськө менө некод эз вешты удж вылысь. Сы вөсна ковмис мунны Карбердө, да муртса сутуга сайө эг веськав. Уджалi кө Ягдорын, эськө Карбердын моз милицияыд эз кыскав. Сiйө, сiйө мыжа! Менсьым олөмөс урсалiс! Но нинөм, менам сылы дасьтөма нин кык быгзян дзоридз!» – Сидоровлөн Игнатов дорө лөглуныс дась вөли няйт шорөн ыльөбтыны ортсьө.

Сидоров сэки копытчыштлiс Пустышевлы дзик пель дорас да шөпнитiс:

– Төдлытөгыс сьылiдзирсө бергөд. Одьюад олiгөн кокниа позьө тайөс вөчны.

Пустышев Сидоровкөд важөн төдса. Некемынысь ветлiсны өтлаын йөра кыйны. Пустышев радпырысь көсйысис и эз дыр нюзөдчы. Регыд мысти и матыстчылис машина дорас. Чайтiс, мый Игнатов узик улас и чермунас. И збыльысь сьылiдзирйыс песовтчас. Сидоровлөн кык дзоридзыс эськө згөдитчис.

– Сука! Весась туй вывьыс! – Игнатов чабыртлiс кабырсө, ырыштчылис лөсыштны техноруклы бан бокас, но кутчысис. Пустышев сы дорысь төдчымөн ыджыд да ён вөли. И вина юан другьясыс матынөсь.

Игнатов чорыда ёрччыштiс, а Пустышев бара букыштчис да веськөдчис неылын сулалысь КУНГ дорө. Вөр пөрөдысьясөс новлөдлан ыджыд машина виччысис мир туй бокин.

Овмөс сдайтан лунө кантора вөлі уна йөза. Министрөс вежысьлы, коді воис Одъюө асывсь-ныс, бура дыр ковмис сёрнитны, корны, медым лэдзисны Игнатовөс выль удж вылө. Висьталіс, мый виччысьö сійөс ыджыд овмөс.

Андрей Васильевичлы весиг кызкө эз ло лөсьыд, мый йөзыс оз лэдзны. Да, одъюасяслы сійө лои ас мортөн.

Сійө сувтіс да тшөтш подулаліс мунөмлысь коланлунсө, аттьөаліс йөзөс. Шуис, мый Артём Панюков, коді примитас овмөссө, вермас көть кутшөм кадө шыасьны сы дорө отсөгла. Сөмын та бөрын йөз лөньыштисны да разөдчисны.

Дас өтиөд глава

1

Игнатовөс овмөдісны СПТУ-са общагалөн ичөтик жырйө.

– Рөгыд кежлө, – такөдіс минсельхозын кадръяс юкөнса веськөдлысь. – Корсям патера, да вуджан сэтчө.

Сэки Сыктывгарын уна патераа керкаяс кыпөдісны гежөда. Сьөмөн дзескыда олісны пөшти ставөн: ас вылө уджалысьяс, керка кыпөдысьяс и прөстөй йөз, но Игнатов кутіс лача, мый сьөм сюрас. Эскис чина йөзлы да сьөлөмсянь босьтчис уджө.

Овмөсыс, көні Игнатов заводитіс уджавны, сэтшөма нин эндөма, кытчө он кутчысь, сэті и орө-резьдө. Став техникаыс, машина-тракторыс важось, бөръяысьсө этшаник ньөблөмаөсь Сидоров дырйи на. А тайө 1985 воясө, дас кык во сайын.

Важ машинаяс видзтісны уна ломтас-мавтас, тшөкыда жугласисны. Налы помся лои корсь-ны запчасьт. Та дырйи бурджык шопер-трактористыс пышйисны мөд удж вылө, көні быд төлысь мынтысисны сьөмөн. Унаөн вуджисны Эжва районө, ЛПК-са овмөсө. Төлка специалистъяслөн мөдлаө пышйөм лои медся ыджыд воштөмөн. Көть кутшөм бур техника эз вөв, көть кутшөм бур сёян-юан польөяслы эн лөсьөд, абу кө ыджыд мывкыда да кывкутысь уджалысь, омөля чеччалан, водзлань воськов оз ло.

Медся ыджыд могыс Игнатовлөн лои – корсьны төлкаджык уджалысьөс да быд лун вердны польөясөс. Пемөсыс эз нин уна вөв. Комиын нянь эз быдтыны, а вына көрымсө судзөдөм вылө сьөм эз тырмы. Та вөсна водзджык нин юр лыдсө чинтылөмаөсь. Уджалысьясыс казътывлісны: овлө пө вөлі, мый кык лунөдз оз вердчыны. Көрымыс абу, да карта өдзөссө оз восьтылыны, мед порсьясыс оз шызьыны. Тайө сёрниясыс Андрей Васильевичлысь сьөлөмсө зэв ёна дойдлісны. Сійө эз аддзы татшөм олөмысь петан туйсө, и чуйдысьыс эз вөв. Одъюын кө ставыс вөлі гөгөрвоана, ставыс ас саяд, кызди уджалан, сідз и олан, тані дзик мөд пөлөс серпас. Медвойдөр коліс бура вердны порсьясөс, медым босьтны яй, кодөс позис вузавны да нажөвитны сьөм. Та дырйи дзоньтавны техника, оборудование да скөт картаяс. А мый вылө вына көрымсө ньөбан? Эн кө быдты польөсө. Мый вылө?

Минсельхоз бюджетө урчитөм сьөмсө, сідз шусяна дотациясө, сетліс сөмын яй вузалөм бөрын. Овмөслөн бергалан сьөм эз вөв. Банкъяс кредит сетөм кузя весиг эз сёрнитны. Вына көрым эз шед. Коліс водзвыв сетны сьөмсө, а сэссия нин юавны, кызди тшөгисны пемөсьяс. Тайөс Игнатов зілис вайөдны минсельхозын пукалысь чинаяс пельөдз, но сылөн сёрниыс некытчө эз имит.

Эз вөв бурджык серпасыс и мөс картаын. Сө гөгөр юр видзисны, медым посни польөясөс юктавны йөлөн. Сюраньяс вөліны омөля вердасаөсь, йөвсө сетісны этша. Скөтбердса уджалысьяс – лысьтысьысьяс, скөтникъяс, слесаръяс тшөкыда вежласисны, унаөн юисны-кодалісны.

Жөжөмнас чукөртлісны турун пуктан бригада. Унджык виддзыс вөлі ю сайын. Вуджөдчыны нинөмөн, овмөсса катер жугалөма. Та вөсна Игнатов шыөдчис районөн юрнуөдысь дорө. Корис сетны таладорсьыс видзсө, кодөс водзті пуктыліс Эжваса чипан фабрика. Сэки фабрикаыс туп-

кыса нин вөлі. Игнатовлысь корөмсө могмөдісны, и карбердсаяс заводитісны лөсьөдчыны петны видз вылө.

Отчид котөрөн локтіс агроном Татьяна Павлова, аштөма.

– Андрей Васильевич, сетөм видзтө ытшкө карса овмөс. Директор Агапов тшөктөма гоз-мөд лунөн ытшкыны, куртны да уль турунсө вайны аслыныс скөт карта дорө, – висьталіс сійө.

– Збыль? – эскытөма видзөдліс агроном вылө Игнатов.

– Ог жө пөрийөдлы. Агаповыс сідз и шуөма механизаторьясыслы.

– Ветлам видз вылас.

Овмөсса «Волгаён» мунісны ытшкысьяс дорө. Вильмөдөм видзьяс юклөма нель, вит гектара торьяс вылө. Некемын юкөн ытшкөма нин. Видз кузя ветлөдлісны косаа трактор да куртан машина.

– Со өд мый вөчөны! – агроном дөзмөмпырысь шавксьөдіс ытшкысь трактор дорө, өвтыштіс кинас. – Сувт! Сувт!

Тракторист, томиник зон, сувтөдіс көрт вөвсө. Татьяна Павлова пыр жө заводитіс пинявны морттө:

– Ті мыйла гусяянный?! Тайө видзьяссө районса администрация сетіс миянлы. Тіянөс кабалаён водзвыв вөлі өлөдөма.

– Водзын ми ытшкылім.

– Водзын ті ытшкинныд сеттөгыс, ас наукөн.

– Мый ті менө виданныд? Миянөс директор мөдөдіс, со бригадирыс, – индіс тракторист куртан машина дорын сулалысь мужичөй вылө. – Сыкөд сёрнит.

Павлова тэрыба матыстчис бригадир дорө. Кинас шенасьөмөн заводитіс пинявны, тшөктіс эновтчыны ытшкөмысь. Мөдыс кутіс нурдысьны: ытшкөмсө пө көть нуам, но Павлова сійөс эз кывзы. Эз повзьөд бригадирлөн аслас веськөдлысьлы звөнитөм. Павлова чорыда кывкөрталіс:

– Ме милицияө заявление сета!

Игнатов дөзмис жө Агаповлөн вывтіасьөмысь. «Асьсө вылө пуктө. Көнкө, оз лыдды коланаён мекөд сёрнитны. Кутас начальствоы триньгыны, – ас кежысь думыштіс сійө. – Агроном молодец, эз повзьи».

Видз дорсянь локтігөн Андрей Васильевич пукаліс машиналөн воддза пуклөс вылас. Карбердө пыригөн лэдзис өшинь стеклөсө. Нырас паркмуни аслыспөлөс чөскыдтөм дук.

– Бара нин порсь картасянь төлыс пөльтө, – сійө бергөдчыліс агрономлань.

– Слесарьяс, тыдалө, куйөд васө ортсө лэдзөны, – Павлова көрліс нырсө.

– А мый вөчан? – ышловзис Игнатов. – Картасө стрөитөмаөсь увтас местаө, сөй гуранө. Нөшта куйөд воргаяссө кодйөмаөсь куим метр джуджда. Куйөд пыдди унджыкыс чукөрмө веркөса ваыс. Водзын, кор бура олісны, тырмымөн вөлі машина, удитісны васө петкөдны муяс вылө. А өні киссьөм машинаснад этша мый вөчан. Со гусьөн и качнитөны ортсө. Он кө, чошөясыс кутасны больөдчыны көдзыд няйт ва пытшкас, висьмасны да куласны. Колө эськө вильмөдны картаяссө, кыпөдны, медым васьыс мездысьны. Виль технология пыртны, но кыдзи? Минсельхозса чинаяс сөмын кисө паськөдлөны: сьөмыс пө абу.

– Не кө порсь картасянь да ЛПК-сянь лөк дукуыс тані, Карбердас, позьө вөчны шойччан местаяс. Сиктыс пуксьөма джуджыд кыр йылө, Эжва пөлөн. Кыр йывсяныыс со Эжваыслөн отыс шыльквидзө-ворсөдчө югыд шонді улын. Мөдар берегас веж корьясөн кышакылөны кызьяс, пельсыяс. Со и тані туй бокас пельсь пуяс быдмөны, гөрд розьяс өшалөны, ловтө кыпөдөны. И быд керка дорын веж пуяс, весиг уна патераа керкаяс дорө садитлөмаөсь. А сиктыс ачыс кызди пуксьөма! Вывтас да увтас, вывтас да увтас. Төвнас лыжиөн гөра горувсө позьө шутөвтны. Сөмын кутчысь, мед ю шөрөдз, осьса инөдз он исковт. Кыті тай ЛПК-ыслөн шонид ваыс визувтө, – сёрнитігас Павлова чужөмын тыдовтчыліс мөвпьясө вөйтчана нюм.

– Татьяна, – Игнатов нюмсорөн видзөдліс агроном вылө. – Тэ он-ө кывбурась?

– Шуан жө.

– А мый? И нывбабаяс унаөн гижөны.

– Ог, ог гиж, – Павлова бергөдіс юрсө өшиньлань. Төдчөдіс, мый та йылысь оз көйы водзө сёрнитны.

Овмөсса кантора дорөдз воисны чөла.

Веськөдлысьлөн жырйө пырөмөн тшөтш помся кутис триньгыны телепон. Первой звөнитис Агапов. Грөзитчис, медбөрын этшыс раммыштис, да джын видзсө корис аслыс пуктыны. Кор Игнатов өткажитис, пондिसны звөнитны управлениесянь, министерствосянь, но и та пөрийө Игнатов налы нбылыд эз мун. Сийө, кыз шуоны, көртвом курчис. Татшөмыс сьлөн, көть и гежөда, но овлывлө.

– Эз кө гусьөн, шыш моз пыр видз вылас, позис сёрнитчыны, но өни сёрниыс оз ло. Агроном милицияө нин шыөдчис, – вочавидзис чинаяслы.

Агапов кыкысь на шыасьлис, грөзитчис ыджыд чина йөзөн. Скөрысь и помалис сёрнисө.

Пинясьөмөн босьтөм видз Павлова өдийө ытшкөдис, куртөдис да прессуйтөдис. Чукөртисны тукьяссө некымынлаө да тэчисны. Мед арся зэръяс эз бакшөдны тук вывсө, сигөртисны турунөн. Тайө гожөмын көрымсө сюраньяслы лои заптөма бура төвиймөн.

Коркө сэссия Агапов паныдасис минсельхозын. Зэв скөрысь чөвтлис синсө Игнатов вылө, эз шыасьлы. Лөгьыс петө, милицияад корлөмаөсь да.

Карбердса порсь видзан овмөс сьөкыд, воыстөм ноп моз өшалис. Нуны он вермы, гөйгид вөрзяс, и шыбитны жаль. Муртса заводитас вывлань кыпөдчыштны, привесьяс содыштасны, бара нин мыйкө сконйыштас: то вына көрымыс ас кадө оз ло, то висьөм көвьясьө. Нөшта кантора уджалысьясыс аслыспөлөсөсь. Медвойдөр зилисны могмөдны асьыныс олан төжд-могсө. Но вөчисны тайөс ас ногыс.

Игнатовлөн овмөсө локтөмянь асывсаяныс өдзөс дорын черед сулалө. Ставныс сылысь сьөм пычкөны: коркө пө нажөвитлим да, эз сетлыны. Овмөссө кө примитин, мынтысь. А воддза веськөдлысьыс йөзсө нарошнө ыстө, дэльөдө:

– Мунөй, камөдчөмөн корөй сьөмтө. Тян эм та вылө инөд!

И локтисны, камөдчисны. Игнатов зилис асьсө кутны, эз лёксы. Көть эськө тайө зэв сьөкыда сетчис. Мукөддырйи окота вөли наян мужиксө шошукөдыс жырйысь петкөдны, корны милицияөс, но татшөм мөвпсө пыр жө шыбитлис юрсьыс.

Мунис министр дорө. Сөмын сы вылө вермис кутны кутшөмкө надея. И збыльысь, волөмыс эз ло весьшөрө. Министр тшөктис гижны шыөдчөм, мый кузя колана сьөм овмөслы позис сетны дотация весьтө водзвыв. Быд кило яй вузалөмысь оланпас серти овмөс босьтлис сьөмөн неыджыд дотация. Тайө сьөмсө и сетисны. Сы отсөгөн и вештис уджйөзсө.

– Мыни чередьясысь, – ошйысис Игнатов министерствоын.

Вөлөмкө, водз на асьсө такөдис. Друг кутисны воавны орчча обласьтса мужичөйяс. Öвтчөны накладнөйясөн: ми пө ваявлим татчө комбикорм, шобди тусь, но воддза веськөдлысь эз мынтысьлы. Овмөс коли уджйөза, вештысь!

Игнатов кутис туясьны, кытысь сы мында уджйөзыс. Прөстөй накладнөйяс серти. Некутшөм гижөда сёрнитчөм өд абу. Пырис бухгалтерияө, но сэтысь нинөм эз сюр. Ставөн ыстысисны вөвлөм веськөдлысь вылө. Петис, өдзөссө сиптөм бөрын кодкө гусьөн чукөстис:

– Андрей Васильевич, матыстчылөй татчө.

Неылын сулалис бухгалтерияын уджалысь Тамара Павловна, олөма коми нывбаба.

– Лөг петө жуликьяс вылө, – шөпкөдис сийө. – Ме пенсия вылын нин. Менө тані нинөм оз кут. Позьө талун энөвтны уджсө, но ог вермы терпитны ылөдчысьяссө. Главбухыс да главнөй экономистыс өти гуө кудзалөны, өтув муклюйтөны. Төдөны, выль морттө кокныд бөбийөдлыны. Накладнөя мужикьясыс первой пыралөны главнөй экономист Патракеева дорө, а сэссия вөлись нин тэ дорө локтөны. Пөрийөг накладнөйсө кырымалө вөвлөм директорыс, а сэссия тэсянь заводитөны сьөм пычкыны. Главнөй бухгалтер Инна Николаевна тэнө эскөдө: вайлис пө көрымсө. Бөрас ас костаныс сьөмнас юксьөны.

– Аттьө, мый висьталин, – шуис Игнатов да дусыдмис.

Мый вөчны татшөм жуликьясыскөд? Эз, эз казавлы, мый главбух гуга-бана. Сийө быд асыв висьтавлө, уна-ө сьөм лунтырөн чукөрмис. Юасьө, кытчө веськөдны сьөмсө. Экономист Патракеева зэв аслыспөлөс морт, куш киөн он босьт. Чуньтө вомас эн суй, латшкөбтас, да чуньтөг колян. Казавлис өд, казавлис, кызди төдтөм мужикьяс пыравлөны Патракеева кабинетө,

но думыштны эз куж, мый шөр специалист, кодлөн могыс – сөвмөдны овмөссө, вермас нөшта на содтыны уджйөзсө.

Игнатов думайтис, сы пытшкын мунис ыджыд вен. Ачыс дөжнасис, мый эз казаяв главбухлысь да шөр экономистлысь муклюйтөмсө, некор эз терпитлы наян йөзсө, вывтiasьсыяссө. И со мый сы ныр улын, вөлөмкө, вөчсьө! Тайөс өмөй позьө кольны сідз?! Оз! Игнатов думнас корсис петан туй. Главбухөс өні оз вөрзьөд, а Патракеевакөд колө мыйкө вөчны.

Лун-мөд мысти корис сійөс ас дорас да мыччис кабала.

– Тайө мый? – чуймис мөдыс.

– Тайө тэнад менам ним вылө удж вылысь мунөм кузя шыөдчөм.

– Ме некытчө ог мун! – чорыда вочавидзис Патракеева.

– Мөвпыштлы, бурджык мунны, и тэ төдан, мыйла, – лабутнөя, нывбабалы синмас видзөдөмөн шуис Игнатов.

– Ме тані уджала овмөс котыртөмсянь. Менам тэ дорысь ыджыдджык правоыс кольчыны. Он кө төр, ачыл мун!

– Тэ көсьян, медым ме шыөдчи милицияө? – стрөга юалис Игнатов.

Патракеева пыркнитчис, кыв шутөг чеччис улөс вылысь, круп-крап петис жырйысь. «Нөшта өти враг лои», – шогпырысь мөвпыштіс Игнатов.

Мөд луннас экономист вайис удж вылысь мунөм йылысь шыөдчөм.

Игнатов юкис министркөд аслас төждьясөн. Мөдыс дыр эз думайт.

–>Addзөма мыйысь шогсьыны. Баба – доддысь, көбылалы кокныдджык.

– Сідз эськө, но менам аслам отсасьсыяс абуось. Ме Карбердө локті өтнам. Бурджык специалистыс мунөма. Коді вермө, сійө и пышйө. Мунис кө да инасис мөд удж вылө, бөрсө оз нин лок. А төлка специалистсө кысь корсян? Мыйөн бокиса том мортсө ышөдан локны резьдөм овмөсө? Сьом абу, патера сетны он вермы, мыйөн? – майшасьөмөн висьталіс Игнатов да водзө нуөдіс сёрнисө: – Колины сөмын найө, кодьяс муклюйтөмөн зильөны өстаткисө овмөсысь не-тшыштны. Либө найө, кодьяс сяммөны сөмын дзайгыны: вай сьом. Та дырйи асьныс кивыль оз вартны, медым мыйкө вөчны, бурмөдны асьыныс уджсө. Та понда тшөтш и видз-му овмөсыс киссьөмөн киссьө.

Игнатов корсьысис, юасис томъясөс и олөмаджык йөзөс, кодьяс эськө вермисны на уджыштны. Весиг локтіс Сидоров дорө, коді пенсия вылө петөм бөрын мыйкөдыра оліс аслас чужанінын, Ване грездын, выльысь тшупөм керкаын. Гөтыр кулөм бөрын энөвтчис ашөр овмөсысь, вузаліс пемөсьяссө да локтіс овны Карбердө.

Паныдаліс Сидоров көдзыда.

– Мый могөн? – зумыша юалис сійө да сувтіс патераө пыранінас, эз лэдз водзө воськовтны.

Игнатов вылө сук дзормөм синкым увсянь видзөдіс крепыд тушаа олөма мужичөй. Гөрба нырыс нөшта на лэччыштөма увлань да быттьө кызыштөма. «Эм на вын-порокыс», – думыштіс Андрей Васильевич.

– Көсья отсөг корны. Тэ татчөс овмөсын уджавлін. Төдан йөзсө и ладсө. Гашкө, волан уджыштны мыйкөдыра кежлө?

– Йөз пельпом вылын көсьян гөгыльтчыны? Али ыджыдджык чинө метитан? – лөгпырысь вашмунис Сидоров, сэсся чорыда содтіс: – Ачыл уджав! Ме кута пессьыны-котравны, а тэныд славаыс?! Министрыд кө кораліс, сылысь и кор отсөгсө!

– Йөз сьылі вылө ме ог кай и славаөсө йөз киөн да юрөн ог көсйы шедөдны. Прөстө чайті, тэныд татчөс овмөсыс абу дзик бокөвөй. Сы понда и пыри тэ дорө, но, буракө, ылавсьөма, – шуис Игнатов да прөщайтчытөг петис.

Сидоров скөрысь бугжыльтчис петысьлы мышкас. И сэк жө пеляс бара, коркөя моз, кодкө быттьө шөпнитіс: «Тайө мортыс тэныд пөгуба вылө воліс». Иван Максимович дрөгмунис весиг, сылөн вешкыртчис чужөмыс, и синмас өзйис кок йылысь уськөдан лөглун. «Пөгуба вылө?! Оз ло сідз! Менө куш киөн он на босьт, асьсө пөгубита!» – скөрысь мөвпыштіс сійө, восьтліс пыран өдзөссө, куимысь сьөлыштіс да пөдлаліс пытшса вешняк вылө.

Игнатов бергөдчывтөг петис керкаысь. Сылөн синмас тшөтш югнитіс лөглун и пыр жө кусіс.

«Мыйла и волі? – думнас видіс асьсё Игнатов. – Тоді од, мый Сидоров меным ньылыд оз мун, но локті, медся мустом морт дорё пыри! Пёгубитчи, некодсянь прамой отсөг эз ло, да сы вёсна и локті. Кыдзи вабергачё веськалом морт быд лөпсё кватитё, сідз жё и ме уськөдчи отсөгла Сидоров дорё. Но весьшөрё, ачымөс сөмын син водзас уськөді!»

Игнатов эз төд, мый муртса сы водзвылын татчө воліс Патракеева. Норасис да ёна зілис вөйпны Игнатовөс. Сидоров тшөктіс вөвлөм экономистлы гижны норасяна шыөдчөм газетө министр ним вылө.

– Кырымөд унджык йөзөс, мед мөрччана вөлі! – велөдіс сійө Патракееваөс.

Водзын, важ министр дырйи на, кор Игнатов уджаліс Одьюын, Сидоров гижліс норасяна письмө. Сукляліс сәні сійөс, мөд нимөн кырымаліс да ыстыліс министрыслы. «Водзөс босьта, – мөвпаліс ас кежысь. – Досьесьыс водзөс!» Весьшөрё лои, регыд мысти министр вежсис, да некод сы письмө кузя туясьны эз кут.

Но Сидоров эз көйсы сьөлөмнас бурмыны. Патракеевалөн волөмыс важ чусалысь лөглунсө выльысь ыпнитөдіс-өзтіс. «Ягдорын паныд муніс, менам местаө пуксис. Карбердө ме бөрся локтіс. Эз пыр жө, костөн, но локтіс! – лөкөдіс асьсө. – Мед төдлас и Карбердса овмөс! Ягдорысь тодмышкалісны, тані сідзи жө лоө! Ачым отсала, ачым!»

Сидоров, дерт жө, гөгөрвоис, мый Игнатов абу мыжа Ягдорса, а сэссия Карбердса овмөсөн веськөдлысьөн лоөмын. И дзик прөстө мыжалө Игнатовөс аслас удача воштөмын, но тайө гөгөрвоөмыс сөмын ёнджыка сійөс скөрмөдіс.

2

Өти асылө матыстчис овмөсса прораб Матвеев.

– Андрей Васильевич, милицияса курсантъяс разьёны посни кукъяслы пеноблокысь кыпөдөм карта. Вевтсө коли сөмын вөчны. Пөвйыс эз тырмы, да энөвтчылім, – повзьөм гөлөсөн висьталіс сійө да юаліс: – Ветлам?

Локтісны и аддзёны: картаыслысь унджык пайсө разьёмаөсь нин. Куим том зон заводитөмаөсь сөвтны пеноблокъяссө кузола машинаө.

Игнатов шурк-шарк матыстчис сөвтчысьяс дорё.

– Коді тиянлы картасө тшөктіс разьны?! – скөрысь юаліс сійө.

– Начальство, – вочавидзис өти том морт, тыдалө, ыджыдыс.

– Кутшөм начальство? Картаыс тайө миян овмөслөн.

– Асланым, картасө вузалісны милицейскөй училищелы. Ми сэтысь курсантъяс.

– Ми эг вузалөй, өні жө весасьөй татысь! Онө кө, прокурор дорё шыөдчам! – чорыда шуис Игнатов.

Зонъяс лэптыштісны пельпомсө, чөла сөлісны орччөн сулалысь автобусө да мунісны. Бөрсяньыс вөтчис кузола машинаыс.

Игнатов кыпөдіс бухгалтерияын колана кабалаяс. Збыльысь: баланс вылын сулаліс эштөдтөм кук карта, видзөма сы вылө сьөм. Некутшөм сёрнитчөм милиция училищекөд эз сюр.

– Коді сёрнитчис? – заводитіс юасьны Игнатов, но вочакывйыс эз вөв. Кодлысь оз юав, сійө и мымляйтө.

Игнатов корис ас дорас прорабөс да чорыда тшөктіс:

– Гиж шыөдчөм милицияө, оз кө отсавны, мунам прокурор дорө!

Мөд луннас, пажун гөгөр, Игнатов дорё пырис шопер, Аркадий. Том морт, регыд на армияысь воөма. Муртса вөлі заводитөма новлөдлыны воддза директорсө. Өні ветлісны бухгалтеркөд юрсиктө.

– Андрей Васильевич, татчө локтігөн гаишникъяс «Волгалысь» номерсө перйисны, – мыжа морт моз висьтасис сійө.

– Мыйла?

– Моторыслөн номерыс пө оз лосяв, мый машина паспортас пасйөма.

– Оз лөсяв?

– Да, важөн нин вежлөмаось моторсө.

– А водзын гаишникъяс нинөм эз шулыны?

– Эз. Öнi машина пастөгыс ветлыны оз позь. Мырддясны да нöшта на штрапуйтасны. Ог тöд, мыйöн гортад мунанныд?

–>Addзам. А кызди сувтöдiсны?

– Сера бедьсö лэптыштлисны, и сувтi. Пыр жö капот пытшкö пырисны.

– Сидзкö, тöдiсны, мый моторыс абу аслас.

– Да, кодкö, буракö, удтiс.

Игнатов пыр жö гөгөрвоис, мый машиналысь пассö босьтiсны эз прöстö. Удтыны гаишникъяслы вермис воддза директорыс. Эз бура торйöдчыны. Дерт жö, сийö и кук картасö вузалiс. «Алкашyd» вина доз вылö вермис сетны. Сёрнитчöмсö кабала вылö эз гижöд. А öнi Игнатов шызьöдiс, вöтлiс курсантъястö. Воддза директорыслы абу кивыв зык-шумсö паськöдны, вермасны öд и мыждыны. А ньöбысьыс, погонаыс бокö кольö? «Оз, чорыда думыштiс Игнатов. – Республикаса МВД-ö муна!»

Машинатөг сийö уджавны эз вермы. Звөнитiс ГАИ-са да РОВД-са веськöдлысьяслы, но телепон пыр öткывъясьöм эз артмы. Сöмын майор-гаишник кöштi-пöвтi шуис, мый воис индöд: колö пö аддзысьлыны РОВД-са веськöдлыськöд.

Игнатов ас кежас шумитыштiс на. Лёк кывъясөн казьтылiс кузь киа погона йöзöс, овмöсса воддза веськöдлысьсö. Кöсийс мунны веськыда МВД-са министр дорö, но мöд луннас этшыс лөнiс нин. Сöлис «Волгаö» да мöдiс РОВД-ö. Туйвежын гаишникъяс пыр жö сувтöдiсны.

– Мыйла торкаланныд туйвывса оланпас?! – стрöга юалис гаишник, томиник лейтенант.

– Мунам РОВД-са веськöдлысь дорö, – вочаасис Игнатов.

– Виччысьлöй, звөнитла.

Здук мысти лейтенант матыстчис да шуис:

– Сöмын юрисктöдз, тiянöс быд пост вылын кутасны пасьявны.

РОВД-са начальник, подполковник Бочков, здоровайтчис Игнатовкöд. Юалис, кутшöм могөн воис. Дерт, сийö бура тöдiс, мый могысь локтiс овмöсса директор, но виччысис, кор ачыс заводитас сёрнисö.

Игнатов висьтасис.

Бочков сюся видзöдлiс воысьлы синмас. Тыдалö, казялiс, мый позяс öткывъясьыны. Сы пыр быдсяма йöзыс мунлiс. Важөн велалiс вöчны морт йылысь кывкöртöд первойя аддзысьöмсянь. Тучнитiс чуньнас пызан бокысь кнопкаö. Пырис секретар, томиник нывка.

– Юктöд миянöс чайнад, – корис Бочков.

Здук мысти нывка пыртiс поднос вылын кык чашка. Коли минут вит, подполковник видзöдлiс часi вылö да лэптiс телепон трубка.

– Кывза, – кылiс трубкаын.

– Ме дорын пукалö бур морт, Андрей Васильевич Игнатов. Колö сылысь корöмсö могмöдны.

– Гөгөрвои.

Подполковник мыччис кисö.

– Ог эшты, министерствоö муна. Машинайдлысь пассö сетасны. Öнi жö пырав ГАИ-ö. Милицияса училищеöн веськöдлыськöд кор верман тöлкуйтны?

– Кöть аски.

– Бур.

«Волгалысь» пассö пыр жö сетiсны.

– Öнi олöмыс сэтшöм, тэ – меным, ме – тэныд, – гаишник синсö дзевигмоз мыччис пассö Игнатовлы.

Игнатов машина пас бергöдöмлы эз радлы. Лов вылас дiльсвидзис, асьсö кöритiс. «Та дыра кежлö и тырмис веськыдлуной? – курыда мöвпыштiс сийö. – Бөръяпом небыд нямöд кодь лои! Повзи погона мортысь. А мöдарö кö, быть öд пов, уджавны колö, а танi кок лапа вылад сувтöны. Кутан ерепенитчыны, панасны кутшöмкö делö да сутуга сайö на йöртасны. Насянь быдторсö позьö виччысьны. Погонаяскöд öтнад водзсасьны он вермы, весиг министрыд оз отсав».

Овмөсын некод сэсся карта разьом кузя, прорабысь өтдор, эз матыстчыв, эз дивит шпанаяссө. А прорабыс шыасис директор дорө сөмын сы понда, мый стрөйбаыс вөлі эштөдтөм да бухгалтерияса кабала серти ошаліс сы вылын. «Некодлы кө оз ков, сідзкө, нинөм и чеччавны. Киссьөм овмөстө тайө пеноблока ичөт картаыд оз нин мезды», – думайтис Игнатов, и век жө сьөлөмыс эз примит татшөм асалөмсө, но миритчис.

Овны веськыда да сөвесьт серти эз быд пөрийө артмыв. И кор Игнатов асьсө мырдөнавліс, тайөс вөчліс сөмын овмөс вөсна, кодөн веськөдліс, но эз ас ради. Та пөрийө лов вылас вель дыр эз вөв лөсьыд.

Та бөрын регыд мысти, өти асылө Игнатов матыстчис гараж дорө. Сиптыса өдзөс дорө чукөртчөмаось трактористьяс, шоперьяс.

– Мыйла ывлаынось? – пыр жө юаліс Игнатов.

– Өдзөсыс игналөма и пломба улын, – вочавидзис механик.

– Коді игналіс да пломбасө пуктіс?

– Пөжарникьяс, – бара шыасис механик. – Төрыт кытшовтісны да пломба пысалісны. Талун көйсисны протоколөн тэ дорө локны. Сө сайө торкалөм аддзөмаось.

– Кысь сы мындаыс? А водзын пөжарникьясыс дзескөдлісны тіянөс?

– Водзын эз, директор накөд ас ногыс сёрнитчыліс.

– Кыдзи?

– Локтасны да асьныс висьталасны.

– Ладнө, нетшыштөй пломбасө да пырөй, уджавны колө, – тшөктіс Игнатов.

Пажун гөгөр локтіс юрсиктысь пөжарнөй инспектор, майор Васенков. Мудер видзөдласа, гөгрөс чужөма, кушмыны заводитөм юра. Аслас ичөт туша вөсна, кор пуксис пызан сайө, муртса пельпомыс да шмака юрыс тыдыштіс.

– Директор ёрт, торкаланныд оланпас, – шыасис Васенков, бытьтө пинькай чипөстіс.

– Кутшөм? – зумыштчөмөн юаліс Игнатов.

– Пөжарнөй правилөяс, административнөй кодекс, пломба нетшыштінныд. А ті сы вөсна кывкутанныд.

– Пломба вөсна?

– Да.

– Ме сійөс өдзөсас эг пысав и эг нетшышт. Эг көсйысьлы пломба видзны. Ті кө пысалінныд, ті и стөрөжитөй.

– Выльысь пломбируйтам, гараж уджөдны оз позь. Сетам тшөктөм: бырөдны сө дас нель торкалөм.

– Сы мында?

– Да.

– А водзын мыйла торкалөмсө эн аддзөй ? Ме жө тані регыд на уджала.

Васенков асьыс кабалаяссө папкаө пукталігмоз мудера вашмуніс.

– Воддза веськөдлысьыс гөгөрволіс мянөс, а ми сійөс, – жырйысь петігөн нин шуис сійө.

Пөжарникьяс өти оськов эз көсйыны воча вөчны. Гаражысь пломба эз босьтны, тшөктісны бырөдны сө сайө пасйөм торкалөмсө ставнас.

Игнатов локтіс районса юрнуөдысь Ганев дорө.

– Пөгибө воштісны пөжарникьяс, уджавны оз сетны, – норасис сійө.

Ганев лэптіс телепон трубка да звөнитіс пөжарнөй инспекцияса начальниклы:

– Николай Сидорович, ті мый сідз топөдінныд Игнатовсө?

– Пожарысь видзчысян правилөяс торкалө, – кыліс трубкаын вочакыв.

– Сө сайө торкалөм – тайө ставыс Игнатов уджалігөн лои?

– Мхы, эз эськө да.

– А мыйла воддза веськөдлысьсө эн дзескөдлөй?

Пөжарнөй инспекцияса начальник та вылө эз вермы вочавидзны, сөмын мымляйтис. Тайөн и помасис районса юрнуөдысь дорө волөм.

Мөд луннас Игнатов дорө матыстчис овмөсса прораб да висьталіс:

– Андрей Васильевич, бара воліс майор Васенков. Пөжарнөй инспекцияса начальник юр-сиктын кыпөдө куим судтаа кирпич керка.

– Аслыс?

– Да, и корө сө метра кузьята канализация нуөдан трубаяс.

– Ньөбны?

– Дон босьттөг. Сетам кө, сэки став мытшөдыс пөжарникъяскөд лоө бырөдөма.

– Водзын тадзи жө мытшөдьяссө бырөдлінныд?

– Да, мый сетлім, киритлім ас овмөс вылө, быттьө асьным удж вөчигөн видзим.

Андрей Васильевич здук кежлө ланьтліс, сэсса өвтыштис кинас да шуис:

– Сет, мый корөны, мед мынам нин наысь.

Муртса прорабыд петіс, триньөбтіс телепон. Звөнитө техникумса директор Тренькин.

– Андрей Васильевич, колө волены татчө, – кыліс трубкаян.

– Мый могөн?

– Иван кузя сёрни эм.

– Обед бөрын пыр жө вола, лөсялас?

– Виччыся.

Тренькин пукаліс ас местаас да чуньяснас тотшөдіс пызан пөвійө. Киасисны, Игнатов пыр жө юаліс:

– Мый Иваныс та пөрийө вөчис?

– Дугдіс велөдчыны, юө, кампузитчө. Төрыт общагаас шумитөма, ковмас вөтлыны. Оз гөгөрво морт кывсө.

Игнатов чөла кывзіс. Көсйис мыйкө шуны, но жырйө пырис директорөс вежысь, да выльысь пансис Иван йылысь сёрниыс.

– Техникумас колям, но общежитиеысь вөтлам! – дөзмөмпырысь помаліс директорөс вежысь.

– Да, сідз и вөчам. Сійө армия бөрысь, нывьясасьө. Мед көртымалө оланінсө, – содтіс Тренькин. – Көть оз син водзын ло.

Игнатов зумыштчис, нөшта соді өти төжд. Быд ногыс нин Иванкөд сёрнитіс, но сылы нинөм оз имит.

– Техникумсыыс он вөтлөй, да и сыысь аттьө, – буркнитіс петігас.

3

Игнатовлы лов вылас вөлі сьөкыд эз сөмын овмөсса лыдтөм-тшөттөм мытшөдьяс понда, но и сы вөсна, мый ачыс быдса во нин олө общежитиеын. Көсйысьлөм патера эз на сетны.

Одьюысь воис куим морта делегация. Кывлөмаөсь, мый Игнатов өніөдз патератөм, да заводісны корны бөр локны Одьюө.

– Эн увтыртчы, лок гортө, – чорыда шуис Артём Панюков. – Сьөлышт на вылө и ягдорса вылө содтөд. Виль керка тэныд кыпөдам, и дзикөдз миян сиктө овмөдчан.

Игнатов нюмдіс. Тайөс абу кокни вөчны. Весиг көсьян кө, оз артмы. Татчөс овмөсысь мунан, а Одьюса совхозө верман не веськавны. Прөстө индан тшөктөмыс, приказыс министрлөн оз ло.

Но гөсьтяс мунөм бөрын лэптис телепон трубкасө да звөнитіс видз-му овмөс управление-са начальниклы:

– Субөтаө кая Ягдорө, бөрсө ог лок, терпенньө быри. Овмөсын ставыс мөдар путкыль бергөдчө. Чошөясыс регыд ачымөс ньылыштасны. Помся вына сөян удждысьөмөн лоө дзайгыны-корсьны. Нөшта ачым «бомжуйта». Ог лок, кая и бөрсө ог лок!

Час мысти звөнитөны минсельхоззянь:

– Министр муніс юралысь дорө. Лоө патераыд, эн эновт уджтө.

Кольччис Игнатов, бара став вынсö кутіс пуктыны овмөсö. Көть грöзитчис, мый мунас да бөр оз лок, но эз эськö уджсьыс энотчы. Сэки став мытшöдыс öтлаасьöма вöлі, да-й Артём Панюковлөн кывъясыс чуйдісны, со и звöнитіс, сьölөмсö личöдіс.

Тöлысь мысти и патераыд вичмис.

Öтчид, удж бöрын, локтіс гортас, а инпöлын пусьö-пражитчö гöтырыс, патера пасьта чöскыд көр разалöма.

– Энотчи уджысь, пыр кежлö локті карас, – висьтасис Лариса.

– Но и бур. Энотчин кө, кокныдджык меным тані лоö. Тасялөн пусьöмыс оз артмы. Тöндзи Иванкөд куим лун ыджыд көструльысь öти пөлөс шыд панялім. Джынйыс кольлі, а кор выльысь көструльсö осьтім, сійö бара тыр. Ва содтöма да гудрыштöма. Мися, карбердса чoшöясöс моз нин миянöс заводитін вердны.

– Содталанныд, – дорйис Тасяös мамыс. – Оз кө кажитчы, асьныд мед пусинныд!

4

Карбердса овмөсын вошласисны польöпиян. Бөръя кадас шышъяс пыр тшöкыдджыка пыралісны картаясö. Видзыйсыс кыкысь лун вöлі лыддьöны чoшöяслысь лыдсö. Рытнас арталасны, да сы мында лоö, а асывнас локтасны, да кызь, а то и комын юр оз тырмы. Воис сэтчöдз, мый весиг пажнайтігкості наян йöз заводитісны веськыда картаас начкыны порсьяссö. Ветланинас и кульöны, яйсö нуöны. Сöмын уналаті вундалөм кучикыс кольö туплясьны.

Игнатов юрсö жугліс, мый вöчны. Гижödөн некымынысь шыасьліс РОВД-ö. Сы бöрын овмөсö воліс томиник участкөвöй, заводитліс туясьны, но шышъясöс эз аддзы, а порсьяс öтарö вошласисны. Игнатов топöдіс стөрöжъяс вылын ыджыдсö, Пётр Андреевöс.

– Пётр Сергеевич, тэнад службаын дас морт. Быд сменаын кыкөн дежуританныд, а шпанаяс дугдывтöг гусясьöны. Кор пуктанныд талы пом?!

– Ми ставсö вöчам, мед тшапнитны кузь кияяссö, но ог аддзöй. Шышкыс код төдас кор волö. Ми абу мыжаöсь, колö содтöд йöзöс медавны. Быд карта вылö мед стөрöжыс вöлі.

– А ті öні кымынөнöсь? Висьтав! – Игнатов горзьöдіс гөлөссö. – Дасөнöсь, нöшта казьтышта, тыра порсь картаыс дас и эм нин. Мукöдыс боввидзöны тыртöг. Гашкö, тэныд быд öдзöс дорö пищала мортöс сувтöдны?

Андреев чöv оліс. Сöмын тшөгөм голясö да паськыд плешсö öтарö зырыштлис ныр чышкөдөн. Та дырйи крукыля нырыс зэв тешкодя көрсыйліс, быттö несйöдны көсйö. А порсьлөн кодь дзoляник синмыс зілис дзeбсьыны сук синкым улас.

– Мый шуан? – водзö юасис Игнатов, но вочакывйыс эз ло. Андреев пызан сайын пукаліс чöла. Директор зумыштчис да стрöга помаліс сёрнисö: – Матысса кадö кө нинөм оз вежсьы, стөрöжъяслөн лоö выль юрнуöдысь!

Андреевлөн чужöм кельдöдіс. Сійö лэптыштлис пельпомсö да мымляйтöмсорөн көсйысис кутны шышсö. Тайö сёрни бöрас вежон кык вöлі лөнъ. Шышъяс порсь картаö эз пыравны, но öти шойччан лунö бара кык тöлысся дас польö воши. Планёрка дырйи Игнатов сувтöдіс Андреевöс:

– Висьтав, кызди шышъясыс öні картаас пыралісны?

– Öшиньöдыс.

– А ті көні вöлінныд? Öшиньясас көрт тасъяс тувъялöма. Кыдзи пырисны? Гусялісны эз öтиös, а дасös. Öтисö босьтан киад, да чилзöмысла пельыд сьöдмö, а тані дасös колö öшиньöд мыччыны. Та вылö кад колö, и гусьон петкөдны оз артмы. Гусялігас нö көні вöлінныд? Мыйла эн ас кадö картаяссö кытшлалöй? – Игнатов видзöдіс веськыда Андреев вылö и пыр жö казяліс, кызди сылөн чужöм кузя быттö визьнитіс вой төв.

Недыр чöv олөм мысти Андреев нурбыльтіс:

– Туясям, мыжаяссö накажитам.

Игнатов скöрысь видзöдліс сы вылö да чорыда шуис:

– Пажун бöрын мед туясян актыс вöлі менам пызан вылын!

Актсө Андреев вайис ас кадө. Сэни вөлі гижөма, мый гусясьөмын мыжаясыс – стөрөж удж вылө регыд на босьтөм том йөз, Виктор Минайлов да Александр Напалков.

– Ме эг көсйи найөс примитны. Мися, томось на, муртса армия бөрти, оз кутны бура дөзьөритны, – пызан сайө пуксигмоз Андреев довкнитис юрнас кабала вылө. – Ти асьныд босьтінныд: выльмөдны пө колө службасө.

– Мыйын налөн мыжыс? – юалис Игнатов.

– Эновтөмаось вөлі уджсө, сэккості и гусясьысьясыд волөмаось.

– Налөн гижөда правдайтчөмыс кытөн?

– Кутшөм правдайтчөм? Вөтлыны колө, и ставыс!

Игнатов чукөстис секретарсө да тшөктис дзик пыр жө чукөстны мыжмөм стөрөжъясөс.

– Вельшөрө коранныд, – өлөдіс Андреев. – Найө өні абуось тани, аски сөмын локтасы.

– Сідзкө, аски асывсяньыс ме дорө.

– Меным локны жө? – пызан сайыс чеччигмоз юалис Андреев.

– Тэ он ков, ме ачым накөд сёрнита, – зумыштчөмөн вочавидзис Игнатов.

Мөд лун асылө мыжа стөрөжъяс сулалісны Игнатов водзын.

– Төданныд, мыйла татчө кори? – стрөга юалис директор.

– Ми польөяс вошөмын абу мыжаось, – пөся заводитис сёрнитны Минайлов. – Шойччан луннас, квайт час рытө, стөрөжъяслөн жырийө локтис Андреев. Пыригмозыс сійө ыстис мянөс порсь картаяслань кежан туйвежө. Шуис: директорлөн пө машинаыс сэтчө сибдөма да колө көлеса увсьыс лымсө шыблавны. Зыр тшөктис босьтны. Тіян ветлігкості пө ачым кытшовта картаяссө. Ми босьтім зыръяс да мунім туйвежө. А сэтчөдз, асьныд төданныд, дзонь верст лөө. Локтім, а некутшөм машина абу. Гөгөр видзөдалім, буксуйтөм местасө эг аддзөй. Сулыштім куритчигмоз да косім бөр. Муртса мөдөдчим, паныдасис тупкыса дзоля машина. Пемыд вөлі да, коді пукаліс кабинаас, эг төдөй. Кысь сійө петіс, колө на туясьны. Картаяс сайөдыс өд мөд, кытшөла туй эм. Сы кузя вермис локны. Стөрөжкаын Андреев вөлі өтнас. Ошинь пыр аддзылім, кызди сійө киас кутіс сьөм чукөр. Буракө, казяліс мянөс да весиг чужөм вылас вежсьыліс, пыр жө суйис сьөмсө морөс зептас. Миян вылө заводитис воны: мыйла пө сэтшөм регыд ветлінныд? А ми сылы, мися, некутшөм машина туйвежас абу. Сідзкө пө, удитис мунны, кодкө пө водздзык отсөг вылө, тыдалө, локтис.

– Дзик тадзи и вөлі, – эскөдіс Напалков.

– Андреев тшөктө тіянөс вөтлыны: оз пө туйны эмбур видзны, – Игнатов сюся видзөдліс том йөз вылө.

– Ми эг ылөдлөй, висьталім збыльсө, – Минайлов дузгөдчис да ланьтис.

– Кыдзи шпанасө тшапнитны? Кыдзи? – Игнатов виччысис зонъяссянь вочакыв, но найө чөв олісны, и сійө довкнитис юрнас өдзөслань. – Ладнө, мунөй уджалөй.

Игнатов кутіс думайтны, мый вөчны. Шойччан лунө сійө некытчө эз ветлы, машинаыс гаражын сулаліс. Сідзкө, Андреев төдөмөн ылөдліс том йөзсө?..

Татчөс овмөсын и водзын, совет кадас, гусясьлісны. Игнатов помнитө на ылө кольөм воясся лөөмторсө. Газетъясын гижлісны, быдсяма сёрнияс сэки ветлісны.

А заводитчис со кызди. Важтыбок сиктын, Игнатовъяссянь неылын, олісны гозья, Көсьта Лидя да Прокө Микулай. Налөн быдмис өтка пи, ичөтсьяньыс яйсермунөма: йөз сёрнитісны, мый юмовторйөн ёна вердөмаось, да сы понда тшөгөма. Лидяыс кзынік жө вөлі, а верөсыс кос печкан кодь. Сійө радейтис курыдтортө. Гажмас вөлі да пыр нырччө бабасө тышкавны. Мөдыс өтчид-мөдысь терпитас, сэсся кватитас Микулайөс кок вож костөдыс да лэптыштлөмөн шыбитас джодж шөрө. Микулайлөн синсьыс би петавлас, дойысла весиг чеччыны вель дыр абу вермөма. Джодж шөрас кок вож костсө топөдөмөн нюкрасьөма. Андрей тайөс бура помнитө, Микулайыс локтис батыс дорө норасыны да. Эз яндысь да гачсө весиг лэдзліс: видзөдлы пө, мый гөтырөй вөчис.

А сэккості Көсьта Лидя чукөртас чемодансө, босьтас писө да сөлас карө лэччысь автобусө. Оти кывйөн кө, пышъяс верөс дорсьыс. Пырас уджавны Сыктывкарса мясокомбинатө, сэни индасыны сійөс скөт примитны. Сэки зэв уна скөт вөлі вайөны совхозъяс, да-й торъя йөз сдайтлісны

ассыныс видзанторъяссө. Быд лун скөтөс примитан ыджыд жырйыс вөлі тыр. Весиг график лөсьөдлісны, кодлы уна-ө да кор вайны. Сөмын порсь видзан овмөсын тшөгөдісны сдایتөм вылө комын сюрс юр. Чошөясыс эз өнія кодь вөвны, ставныс вердасаөсь, быдөнлөн сьөктаыс сөысь унджык кило лоө.

Лидя зэв өдйө гөгөрвоис, мый тані позяс озырмөдчыны. Аддзас порсь видзан овмөсысь ас кодьыс жө горш йөзөс. Тайө овмөсса куим бригадир да бухгалтер. Сёрнитчасны быд сдایتөм юрысь сьөктасө чинтыштны, и тадзи чукөртөм яй вылө килояс серти гижны сэтшөм кабалаяс, быттьө найө мясокомбинатас вайисны ассыныс быдтөм-тшөгөдөм чошөясөс. Кызди сёрнитчисны, сідз и вөчны кутісны. Лидя тайө чукөрас нырщикаліс. Та вөсна артмөм сьөмыс сылы унджык жө и вичмис.

Тайө, өнія ногөн кө, ОПГ-ыс најөвитчис некымын во чөж. Гашкө, дырджык на гусясисны, но порсь видзан овмөсын шөр зоотехныкыс казялас яй сдایتөм да примитөмын торъялөмсө. Шыөдчас веськыда видз-му овмөс министерствоө, а сэтсыань юөрыс локтас милицияө. Туясьөмыс мунас дыр.

Көсьта Лидялысь татшөм ногөн чукөртөм сьөмсө аддзасны уналаысь. Весиг пөрысь мам керка гөбөчсысь перьясны куим литраа өкмыс стеклө доз. Быдлаө топыда суюлөма ветымын пасьяса бумага сьөм.

Гусясьысыас пөвстысь ставнысө пуксьөдісны дыр кад кежлө, но Көсьта Лидяөс регыд лэдзисны. Йөзыс кывлісны да чуймылісны. А сійө вежон-мөд мысти нин энөвтис таладорсө: лёк висьөмөн пө вөлөм висьө, сы вөсна и лэдзөмаөсь. Став гусялөм сьөмсө аддзис милицияыс али эз, некод оз төд. Лидя шулөма: корсьөй пө, мый сюрас, тіян лоө.

Сёрнитөны вөлі, пиыс армия бөрти овмөдчөма Ленинградө да сэтсысь ньөбөма куим жырья кооперативнөй патера да «Волга» машина. Сідзкө, милицияыд эз став гусялөм сьөмсө аддзы...

Өнія гусялөмторсө, дерт, он өткодяв сэксыяскөд, но век жө и тайө мөрччө омөлик овмөсыдлы. Сідзкө, шпанасө быть колө тшапнитны...

Виктор Минайлов да Александр Напалков директор дорсянь пыр жө локтісны стөрөжъяслөн жырйө. Андреев найөс виччысьө нин вөлөм.

– Мый шуис директорыд? – сійө паныдаліс юалөмөн.

– Тшөктіс уджавны.

– Но, но, – шпыньмуніс Андреев да петіс.

Зоньяс колины ас кежын. Минайлов довкнитіс юрнас өдзөслань да шөпнитіс:

– Ки пөлөс сета, гусьыс петысьыс.

– Кыйөдны да тшапнитны колө! А то мян вылө лёк слава лэптө! – дөзмөмпырысь вочаасис Напалков.

Ёртьяс сёрнитчисны кыйөдны Андреевөс. На думысь, сійө шойччан луннас воліс эз найөс видлыны, а ассыс делөсө вөчны.

Лун дас мысти Игнатов кытшлаліс порсь картаясөд. Индаліс тырмытөмторьяс вылө, сёрнитіс йөзкөд. Көрым пуанінысь петігөн сы дорө матыстчисны стөрөжьяс Минайлов да Напалков.

– Ми полам кантораө локны, – небыдика шуис Минайлов. – Андреев ачыс мян бөрся кыйөдчө. Лои төдса, мый рытнас талун бара воласны польөпиянла.

– Кызди төдмалінныд? – юаліс Игнатов.

– Миян өти төдса кывлөма Андреевлысь телепон пыр сёрнисө. Квайт час рытын корөма ньөбысьсө.

– Тайө збыль? – Игнатов эскытөма видзөдліс зоньяс вылө.

– Збыль, мортыс весьшөрө оз больгы. Сөмын асьсө эз тшөкты йөзөдны, полө.

– Ладнө, нөшта колө төдмавны, кутшөм картаысь кутасны петкөдны.

– А мый тані төдмавнысө? – чуймис Минайлов. – Кык төлысса польөясыс сөмын коймөд паса картаын.

– А гашкө, ыджыдджыкөс либө дзоляджыкөс ньөбысьыс корис? – юасис Игнатов.

– Мортыс тшукысь кывлөма, воддза моз пө кык төлыссаөс. Водзын өд сы ыдждаөс жө гусялісны, – пөся эскөдіс Минайлов. – Воддза кодьсө кө корө, төдөмысь, и ньөбысьыс важыс.

– Талун стөрөжъяслөн мөд смена уджалө. Тянөс Андреевыс эз аддзыв?

– Эз, ми куйөд ва качайтанінсянь локтім.

Игнатов төдіс, мый сәні заборас эм восьсаин. Сійөс быд пөрийө тувъявлөны пөвъясөн, но кодкө век восьтө.

Зонъяслы Игнатов тшөктіс индөм кадсыс водзджык локны карта дорө и ачыс көсйысис матыстчыны.

– Сөмын мед нинөм оз казаяв, – торйөдчигас өлөдіс зонъясөс.

Рытнас, квайт часыс неуна водзджык на, ставныс вөліны места вылынөсь. Гөгөр лөнь, сөмын көнкө ылын пон увтыштлө. Коли нин урчитөм кадыс, но карта дорө некод на эз матыстчыв.

– Вешьшөрө виччысям, – шуис Игнатов.

И сэк жө коймөд паса карта помын кыліс порсьпилөн гораа чилөстөм. Игнатов да кыкнан том мортыс уськөдчисны карта пыранінө, биасисны. Порсьяс шызисны, заводитісны лөкыс чилзыны. Картаыс кузь, өтар помсянь мөдарөдзыс матө сө метра лоө.

Зонъяс котөртісны карта помө, кысянь кыліс первойя чилөстөмыс. Некодөс эз аддзыны, сөмын куйөд ворга вевт вылын туплясис куш мешөк.

– Кутшөмкө аслыспөлөс лекарство дук кылө, – Минайлов вайөдліс мешөксө ныр дорас да мыччис ёртыслы, Александр Напалковлы.

– Гашкө, ветврачъяслөн? – Андрей Васильевич матыстчис зонъяс дорө да тшөтш исыштіс мешөксө.

– А гашкө, гусыслөн? – Минайлов сюся гөгөртіс синнас. – Мыйла либө порсьпиыс чилөстіс?

– Көні гусыс? Тані со некод абу, а порсьпияныс мукөддырйи өта-мөд костас тышкасьоны, чилзөны. Мунам, – кывкөрталіс Игнатов. – Мешөксө вай меным, аски ачым ветеринарыслы петкөдла.

А тайө кадө стөрөжъяс вылын ыджыдыс, Андреев, сулаліс на улын куйөд воргаын. Син бөжнас кыйөдчис көрт тасьяс костөд сёрнитысьяс бөрся да шы эз лэдзлы. Сійө картаас локтіс пыр жө порсь видзысьяслөн мунөм бөрын. Пөнара биөн корсяліс мичаджык да вердасаджык польөпиянөс. Öтикөс босьтіс киас, а сійө лөкыс кутіс чилзыны, да лои лэдзны. А кор кыліс карталөн шөр өдзөс воссьөм шыыс, Андреев повзис, заводитіс лукйыны зепсө. Корсис карта-помса мөдөд өдзөс томанлыс ключсө. Кыкигас прөступитіс, да ключыс уси куйөд воргаас. Пышйыны некытчө, өшиньяс тасалөма көртөн. Вештыштіс куйөд ворга вылыс көрт тасьяс вевттьөдсө да лапкыштіс пытшкас. Кизьөр порсь куйөдыс лои голясыс вылынджык.

– Сукаясыд абу петкөдөмаөсь, – скөрыс ёрчыштіс вомгорулас слесарьяс вылө вевттьөдсө ас местаас пуктігмоз.

А кор Минайлов аддзис сылыс мешөксө, нөшта на дөзмис, ас вылас нин, мый тэрмасигад сэтчө сійөс колис.

Кор мужичөйяс сьөрсьөн-бөрсьөн мунісны картаыс да кусөдісны бисө, Андреев петіс куйөд воргаыс.

– Сволочьяс! Часлы, водзөс босьта, мынтысянныд на менам купайтчөмысь! – вомгорулас лөгпырыс броткис сійө.

Мөд луннас төдтөм зонъяс улич вылын кутөмаөсь Минайловөс да Напалковөс. Сы выйөдз нөйтөмаөсь, мый бурдөдчан койкаөдз «вайөдөмаөсь».

Кык лун костөн шышъяс бара на пыравлөмаөсь порсь картаө да нуөмаөсь өтпырйө кызь польөпиөс.

Игнатов зэв ёна дөзмис, гижис приказ: бергөдны стөрөжъяслөн веськөдлыс Андреевлыс төлысся удждон да шняпкис сылы выговор. Андреев төдмасис приказнас, матыстчис Игнатов дорө.

– Мыйла менсьым бергөдінныд та мындасө? – юаліс сійө.

– Тэ кывкутан польөяс вошласьөмысь, нинөм он вөч, медем пуктыны талы пом. Сідзкө, ачид и вешты убыткасө. Но тайө этша на, колө унджык бергөдны! – крапкис Игнатов.

– Судө сета! – горөдіс Андреев.

– Сет, а ме милицияө шыөдча, мед пуксьөдасны тэнө.

– Мыйыс?

– Гусьясьомысь!

– А тэ менё кид кутін? – лөгпырысь шпыньмуніс Андреев.

Игнатов весиг падмыліс, кор кыліс тайё кывьяссё. Зумыштчис, сы выйөдз скөрмис наян, этш төдтөм морт вылө, мый тшөктіс петны жырсьыс.

– Весась татысь! – горөдіс өдзөс вылө индігмоз.

Игнатов чорыда думыштіс янсөдчыны Андреевкөд. Неыджид кадколастөн нөшта шняпкис кык выговор да вөтліс кузь киа морттө овмөсысь.

Стөрөжъяс вылын ыджыдө коралис олөма нин мортөс, милицияса вөвлөм участкөвөй Павел Сергеевич Мельниковөс. Сійө, арлыд вылө видзөдтөг, зэв өдйө ладмөдіс стөрөжъяслысь уджсө. И регыд мысти Андреевөс да сылысь гусьясьысь другсө кутіс буретш польөпиянсө картасьыс петкөдігөн...

Гусьясөс тшапнитөм бөрын коли лун-мөд. Муртса удж помасьтөдз мыччысис секретарша:

– Андрей Васильевич, локтіс ЛПК-са орчча подсобнөй овмөсысь Тренькин Кирилл Матвеевич.

– Мед пырас.

Тренькин кисө водзө чургөдөмөн шавксьөдіс веськыда пызан дорөдз.

– Чолөм, чолөм! Секретарыд шуө: час пө юала. Мися, меным юасьтөг позьө пырны. Оз пө позь. Со кутшөм тэнад отсасьысьыд, принципиальнөй.

– Тэнад сэтшөм жө.

– Менам өні абу, ас нянь вылас мөдөді. Вывті уна аддзыны кутіс.

– Мыйкө дзевантор эм?

– Öнiя олөмын сытөг некыдз оз позь, лоө дзевсясьны.

– А меным нинөм дзевнысө.

– Тайө өмөй бур? Колө и ас йывсьыд мөвпыштны. Прөста тайө улөс вылас оз позь пукавны! Отчыд олам, асьтө некыдз оз позь вунөдны!

– А йөзсө бокө йөткыштны? – чуймөмөн юалис Игнатов.

– Сьөлышт, сөвеститчан йөз водзын! Öнi сөмын визув да горш олө! Сидз и скөкөрнитны видзөдөны! И правильнө, сват да брат бур, но сьөмыд торъя! Быдөн жмитчө матыссасө сконйыштны. Тэ кө он, сійө ылөдлас! Көсьян, велөда, кыдзи сьөмсө зептавны?

– Кытысь зептавнысө?

– Овмөсыдлысь.

– Сійө и сидз коньөр кодь.

– Сидзкө, мед тэ тшөтш коньөрнас вөлін? Тадзи мөвпалан?

– Ог эськө да.

– Удж помад пырав ме дорө, бутылка сайын пукуштам, велөдышта.

– Мыйла волін? – вежис сёрнисө Игнатов.

– Теплицаясө куйөд колө. Донсө ачым пукта, ог өбидит.

– Кодөс?

– Тэнө, йөй улө эн лэдзчысь, юксям шөрипөв. Джынсө тэныд ки вылад сета.

– Меным ки вылө оз ков, кассаө ставсө сдайт. Тэ коддьөмыс волісны нин ме дорө. Ми гөтыркөд шуим, мый оз ков лякөссьыны, кокныдджыка узьяс. Да-й аскөдыд мөдаръюгыдас сьөмтө он ну.

– Челядьыдлы коляс.

– Найө мед асьныс нажөвитасны.

– А ну тэнө! – дөзмис Тренькин. – Кутшөм вөлін, сэтшөм и колин. Кадыс сямтө абу вежөма, коммунака и эм!

Тренькин сьөлөмсянныс ёрчыштіс, но өдзөсөд петігөн казытыштіс на:

– Думыштан кө, триньөбтыв телепон пыр, кута виччысьны.

Андрей Васильевич эз звөнит. Сійө и та пөрийө эз веж асьыс видзөдлассө – овны веськыда, мывкыд серти.

5

Республикаын заводитчисны выль бөрйысьомъяс. Игнатов аслыс шулис нин: политикао сэс-ся оз суйсьы. Сылы юр выв тырыс лои. Ас кадö йöзсянь босьтис депутатлысь эскöданпас да ас кöсйытöг веськалі йöз пытшкö, кодъяс гудыртисны олöмсö, вежисны страналысь туйвизьсö. И таысь сийö öнöдз кыліс асьсö мыжаөн.

Воддза дорысь öнiя бөрйысьомын унатор вежис. Депутатпуясыс да налы отсасьысьяс суклялісны öта-мöднысö, зілісны тальыштны, увтыртны. Унджыкыс нырччис депутатö, медым асавны содтöд сьом, эмбур, этш тöдтöг гусясьны. Тайөн Андрей Васильевич эз вермы миритчыны. Сийö воліс бөрйысянінö да чöла гөлöсуйтліс демократъяс лыдö пырысьяслы паныд.

Коркö локтис Сыктывкарса калбас вöчан овмöсö инавны порсь яй. Паныдасис сэтчöс веськöдлысь Каневкөд. Здравыйтчисны, Канев пыр жö юалис:

– Тэ код вöсна сулалан, код вöсна гөлöсуйтан?

Игнатов серöктис:

– Власьт вöсна.

– А-а, тэ, сідзкö, важ юралысь понда висян?! Эн чотась, верман ворссьыны.

– Мыйөн?

– Öнiя дорас кутчысян. Кор ми воам власьт бердö, ставныслы, кодъяс миянлы паныд, индам öдзöс вылö.

Игнатов бара серöктис. Каневöс сьлөн серамыс нöшта на дöзмöдіс.

– Думышт, мед сёр эз ло! – чорыда кывкöрталіс сийö.

Андрей Васильевич эз пыдди пукты öлөдöмсö. А весьшөрö: бөрйысьысьяс унджык гөлöссö сетöмаöсь выль юралысь вöсна. Сийö сиктсаяслы кöсйысьöма бурмöдны олөм, та понда и вермöма.

Юралысь вежис, и министрöс вежисны. Пуктисны буретш Игнатов вылö лөгалысь Агаповöс, карса овмöсысь директорсö.

Карбердса овмöслы этшаджык кутис чуктыны сьом. Нöшта сьökыдджык лои чошöяслы ньöбны вына көрым, чиныштисны привесьяс.

А öтчид кантора дорö сувтис сьöd «Волга». Воöма министрöс выль вежысь Матвеев. Аддзис öшинь улысь Игнатовöс да пыр и кватитис сойбордйöдыс. Министрöс вежыськөд Андрей Васильевич важысянь тöдса. Чайтис, овмöс кытшовтны локтис, а сийö весиг эз гарышт та йылысь.

– Сёрни эм, – машина дорысь бокö вешйигмоз тöдчöдіс сийö.

– Кутшöм?

– Министр шуис: миян эм выль директор, тэныд пö колö мунны татысь. Кодкö тэ вылö нора-сян гижöд ыстöма.

– Кытчö мунны?

– Минсельхозö либö управлениеö.

– Валяйте, – дöзмöмпырысь öвтыштис кинас Игнатов. – А кодi нö клязасö мөдöдöма?

– Тшукысь ог тöд, но волöма сы дорö Сидоров. Да и Агаповыс ачыс тэ вылö пиньсö йирö. Тöдан öд. А норасьом гижöд кузя тшöктис висьтавын, чайта, мода вылас: мунас кө пö, ог кутöй сы кузя нинöм туявны, – шöпнитис Матвеев.

– Гөгөрвои.

Регыд мысти Игнатов сдایتис делöяссö выль веськöдлысьлы. Та пöрийö эз и шогсьы, мый öдзöс вылö индісны. Веськыда кө шуны, сийöс порсь картасыс вукöдö нин вöлі. Ачыс гоз-мöдысь ырыштчыліс мунны, но пыр кольöдлісны, а öнi со сюрöма вежысьыс.

Карбердса овмöсысь мездысис, да Игнатовлөн лов вылас личмуні. Став тöждыс, кывкутöмыс исковтис вывсьыс, ас вöляя морт моз лолыштис. Первойысь уна во бöрын гожöм шöрын петис шойччыны. Гожйöдчис, ю дорын кадсö колляліс, и сьөлөмас воис лөнълун. Помасис отпускыс, да локтис минсельхозö, министрöс медводдза вежысь дорö.

– Вөрзьöдінныд кө, вайöй удж, – порог дорсянь шыасис Игнатов.

– Он кöсйы «Петровскöй» овмöсö директорöс вежысьö кутчысьны? Сэни веськöдлысьыс

пöрысь нин, петны вöзйысьö. Сійö ёна тэнö корис ас дорас мöдöдны.

– Ог, – чорыда шуис Игнатов.

– Сідзкö управлениеö, шöр инженерöн, чиныс госслужбаö пырö.

– Кутчыся.

Петіс минсельхозса коридорö, паныдасис Агапов.

– Тэ, чайта, он дыр тані пукав, тодмышкаласны! – сьöлöмсянь крапкис сылы Андрей Васильевич.

– Ме, ме, ме, – Агапов гöрдöдіс да заводитіс мыктавны.

Но Игнатов эз кывзы, весиг эз сувтыштлы, юрсö вылö лэптöмön муніс.

Агапов колльöдіс сійöс лөг видзöдласön.

Игнатов заводитіс уджавны видз-му овмöс дöзьöритан юкöнын. Пукалö пызан сайын, бергöдлö кабалаяс, инас оз öшйы. Дыр кадтö овмöсön веськöдлöм бöрын лоны специалистön, кодöс кесйöдлöны, абу любö. Ой, сьökыд сылы лов вылас! Сьökыд тайön миритчыны! Дась кöть öні энöвтны уджсö!

– ТерпITYшт, – корис гöтырыс. – Помнитан, школаад кор вуджин, тадзи жö мучитчин, а кад коли, да зэв на бура велалін. И тані ставыс успаньвыв пуксяс.

Андрей Васильевич терпитіс.

Агаповöс, кызди сійö и тунавліс, нель во тыртöдзыс на чöвтисны министрись. Республикаса юралысьлön медводдза вежыськөд гуся сьöмсö абу юкöма, зепталöма аслыс. Тадзитö горшасьöмысь ыджыд чинаыд ёна дöзмöма.

Буретш министрöс чöвтан лунö минсельхоз коридорын Игнатов бара паныдасис Агаповкөд. Асьсö вöвлöм министр эз нин тшапа кут, весиг нюзöдчыліс здорöвайтчыны ки на ки Игнатовкөд, но аддзис сьлön синмысь кöдзыдсö, да энöвтчис.

– Öні мекөд, тöдöмысь, унаön оз кутны здорöвайтчыны, – норасис сійö.

– Мый кöдзин, сійöс и вартан, – вочавидзис Андрей Васильевич.

Агаповлы татшöм вочакыв бара эз кажитчы, синмас югнитіс лöглун. Зывöка вашмуніс да сувтлöмön синнас колльöдіс мортсö.

Водзö лоö на.

Владислав
СУШКОВ

Владислав Викторович Сушков родился в 1976 году в посёлке Юг Пермской области, жил в Заполярье в воинских гарнизонах Мурманской области, на Украине в Виннице и во Львове, потом в Архангельской области. Окончил мехмат Львовского государственного университета им. И. Франко, аспирантуру Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (С.-Петербург). Кандидат физико-математических наук. Один из основателей котласского молодёжного литературного клуба «Альфа Лиры», инициатор и постоянный член оргкомитета Межрегионального фестиваля «Литературные встречи памяти Инель Яшиной». Лауреат «Российского писателя» за 2021 год в номинации «Художественный перевод». Член Союза писателей России. Живёт в г. Сыктывкаре.

Не бывает других дорог...

Стихи

* * *

Когда пройдут плохие времена,
Отступят глады, моры, сгинут войны,
Мы сядем на закате у окна,
А за окном, наверное, весна,
А за весной – огромная страна,
И всё спокойно.

И этот двор, где бегали, дрались,
Лепили куличи и целовались,
Увидит то, чего мы дождались,
Наш суперприз, простую нашу жизнь.
Её не спрятать в краткий эпикриз,
Где «...текел, фарес».

Пройдёт сто лет, ускорив жизни бег.
Простой мальчишка, Сашка или Мишка,
Смешной почти что взрослый человек,
Прочтёт про наш с тобой бунташный век
В бестселлере поэта имярек,
Отложит книжку

И убежит опять гонять в футбол,
Забыв в момент сюжеты старых басен,
В наш старый дворик, сжатый между школ.
Сквозь тополей иссохших частокол
Глядит наш мир, юн, облачен и гол.
И он прекрасен.

ДОЧКА

Наперёд не знаю ни на полчуточка,
кем сегодня будет маленькая дочка.
Вот, соседям в радость, полчаса как скачет –
значит, нынче доча зайка или мячик.

Если расшумелась что-то не на шутку,
«бииип!» и побежала – значит всё, маршрутка.
Если за обедом гладит животишко
(уффф! объелась!..), значит – «я сегодня мишка!»

В ванной она – рыбка. В магазине – деда.
К ужину не вспомнить, кто у нас обедал.

Но, однако, вечер. И луна, зевая,
ходит, смотрит в окна, кто как засыпает.
Подкрадусь тихонько, загляну в кроватку –
вон, сопит в две дырки.

Дочка.
Всё в порядке.

* * *

*...и стали они жить-поживать
да добра наживать.*

Заходи ко мне в избушку, зайка.
Видишь рыжий хвост в окошке? – осень.
Будем посты и картинки лайкать,
Набросаем в небе звёздных блёсен
И наловим-загадаем счастья,
И осветим-закружим планету.
Согреться будем чаем – часто.
А иначе в этом смысла нету.
Будем петь тихонько наши песни,
На ночь сказки сочинять зайчишкам.
С ними будет интересно – честно.
Не хватить бы интереса с лишком!

Осень тихо покружит у дома
И уйдёт, хвостом взмахнувши рыжим.
Это нам с тобой давно знакомо,
Каждый год с тобой мы снова слышим,
Как, по снегу налегке ступая,
Вдаль минутки убегают стайкой.

Ледяная или лубяная –
Ну кому какое дело, зайка?

* * *

Где-то там вдали лежат мои истоки,
Где-то там,
Там, где месяц медный бродит одинокий
По холмам.
И заглядывает месяц, смотрит в лужи
И ручьи,
И спрашивает потихоньку: «Чьи вы?»
Мы ничьи.

И не может месяц до утра напиться,
Всё невмочь,
И от этого мой месяц будет сниться
Мне всю ночь.
Но когда придёшь ты – юная, смешная,
Зазвенишь
То ли смехом, то ли лунным водограем
Из-под крыш,

Он уляжется, сам отчего не зная,
Возле ног,
И уйти уже не сможет, обещаю,
Я ж не смог.
И скользну я вдоль лесов-полей раздольных
В такт волшбе,
Понесу я вас, смешливых и довольных,
На себе.

Мы помчимся, невесомые как ветер,
На рассвет,
Потому, поверь, что радостней на свете
Просто нет.
И когда я на исходе бег замедлю
И усну,
Я увижу, как рыбачат там на медную
блесну
Рыбаки. И месяц, лезущий купаться,
И камыш...
Ну а я останусь любоваться.
Спи, малыш.

* * *

Я хотел бы за руку идти с отцом,
Покупать газеты в «Союзпечати»
И не думать, что было, что будет потом.
Он большой и сильный – и этого хватит

Для победы над кучей обид и зол.
Дома ждёт нас мама моя с сестрою.
А потом – уроки и баскетбол.
Или сопки – ягодною порою.

На вокзалах – гудящие поезда,
Гром колёс, буферов над дымками бьётся.
Уезжать *как будто бы навсегда*
Интереснее, если опять вернёшься.
Очень яркое солнце, легко дышать
Оттого, что мир мой так юн и прост...

Ты куда исчезла, «Союзпечать»?
У отца – лишь чуть неседых волос.
И страна огромна – но мир так мал,
Он порою сжимает так больно сердце.

Я веду свою доченьку на вокзал.
Мы заходим в купе, закрываем дверцу.
У неё своя собственная печать
И рука отца.

...И вагон несётся,

И на нижней полке так сладко спать.
Она знает, что всюду ещё вернётся.

* * *

Как по Вычегде по реке
Где пушистые облака
Приезжает моя любовь
Уплывает моя тоска

Облака скользят надо мной
Непричёсана круговерть
Я протягиваю тебе
Берегов надёжную твердь

Сквозь порожний сквозь птичий гам
Сквозь шумливый берёз испуг
Ты не можешь не разобрать
Неспокойного сердца стук

Ты беги набегай волна
В ритме пульса стучи скользи
Потому что река одна
На земли и на небеси

Не бывает других дорог
Не бывает судьбы иной
Обопрись о мою ладонь
Я встречаю тебя весной

* * *

Солнце катится за горы – не закатится,
А луна из гор обратно – не допросится,
Небо – влажные чернила каракатицы,
И лесов-полей внизу чересполосица.

На рисунке детском – краской по альбомному –
Рассыпает мальчик звездочки весенние.
Он пока что не умеет «по-объёмному».
Он рисует потому, что воскресение

Или, может, даже летние каникулы.
Лист теряет белизну прохладно-млечную.
Со двора ещё пока что не бибиликнули,
Телефон молчит, и утро – бесконечное.

Чуешь, друг, как припекает нынче солнышко?
Это жёлтым он добавил нерасчётливо.
Он рисует-то наш мир совсем недолышко,
А уже теплее стало от забот его.

Ну а значит – солнце точно не закатится,
А закатится – так поутру рассветится.
И всё худшее нам снится, будто в «Матрице»,
А всё страшное – полнейшая нелепица.

* * *

Где-то в закат устремляются гунны,
А на пригорке пасутся коровы.
Мама желает, чтоб сын вырос умным,
Бабушка – чтоб непременно здоровым,

Сильным, как папа. А где-то – пиастры,
Где-то колумбы находят америк...
Мальчику нравится всё, что опасно,
Мальчика манит сверкающий берег.

Где приключенья в морях и на суше?
Мальчик к вам рвётся сквозь грозы и вьюги
С каждым автобусом, к школе везущим,
Как самолётом к полярному кругу.

Мальчик сражается, рубится рьяно
То во дворе, то во снах, то так просто.
Рядом – смутьяны и дартаньяны,
Жизни такая красивая проза.

С каждой минутой сгущается воздух
Предощущением счастья и грусти.
Над поездами загадочны звёзды.
Мимо секунды и страны несутся.

...В предновогоднем вагоне подружка
Взглянет с прищуром – и в сердце прохладно.
В дальнем купе звякнет ложечкой Пушкин
И улыбнётся в окно деликатно.

* * *

*Ты ещё безраздельно и слепо любил свободу,
Но она уже не взаимна была тебе.*

И. Карабинская

И когда уже стал ни на что не годен,
И играют архангелы на трубе,
Понимаешь, что ты был всегда свободен,
В этом мире свобода равна тебе.

В ожиданьи командованья парадом
Ты планировал замки, сводил мосты,
А свобода всё брезжила где-то рядом
Из прекрасной сияющей пустоты.

Ты спешил за ней, торопился, падал,
С братовьями рубился плечом к плечу,
Побеждал, где надо и где не надо, –
И свободы стало до не хочу.

И она нахлынула, поддавила
И снесла все замки, песок, мосты.
И остались ты и твои чернила
Там, где ты свободен, свобода – ты.

* * *

Жизнь моя, скажи-ка мне на милость,
Если это можно объяснить,
То ли не приснилась, то ль приснилась
Мне твоя задумчивая нить?

Что она связала, где порвётся?
Во добре лежит или во зле?
Иноходцем или инородцем
Я лечу по собственной земле?

Чьей бы мне чудовищной задумке
Благодарным в сердце быть своём?
В чьём мерцаю кожаном подсумке
Я латунным гильзовым литьём?

Или перед кем стою, затылком
Ощущая холод слова «пли»?
В чьём сознании, яростном и пылком,
Эти чудеса произошли?

В чьих руках пьеро и арлекино?
Ключ к разгадке дребезжит в двери...
Знаешь, жизнь, я посидел, прикинул.
Сам пойму. Молчи. Не говори.

БАЛЛАДА ОБ ОТЦЕ И ВЕЧНОСТИ

Сквозь осень
Так отчётлив горький дым
Листвы, октябрьской вечности, дороги.
Отец был мичман.
Даже став седым –
Он слышал по ночам сигнал тревоги,

Срывался,
Рвался мчаться «по местам».
И мама понимала, обнимала
И знала, что он снова будет – там,
С началом сна начнётся всё сначала.

Он так
И не собрался на покой,
Унять бессилён дрожь глубинной жилки –
Ходил в День Флота в форме щегольской
И к Дню Победы поправлял могилки.

Историю
Земли, семьи, страны
Он чувствовал спокойно, по-солдатски.
Он знал: кому мы в вечности нужны,
Когда б не те, кто похоронен в братских.

Не стоит
В каруселях пышных фраз
Томить себя бессмысленным вопросом.
Ведь если Бог глядит ещё на нас,
То это, знать, они Его так просят.

Им тоже –
Очень трудно по ночам,
Срываются по вахтам и расчётам.
Но где-то там, в начале всех начал
Их всё же успокаивает что-то.

Сквозь отсвет,
Блик предвечного огня
Они глядят спокойно. И я лично
Уверен: если смотрят на меня,
То только потому, что папа-мичман

Сгорел мгновенно.
Вспышкой.
Не истлел.
И, уходя осеннею аллеей,
До смерти ни о чём не пожалел.
Как и они, дай Бог, не сожалеют.

ЭЛЕГИЯ НЕБЕСНОМУ ПОЧТОВОМУ ФЛОТУ

Отцу

Тёплым весенним вечером
Вижу – там, высоко,
В небе эскадра вечная
Двигается легко,
Меж облаков, неспешная,
К звезд-маяков огням
Сквозь темноту кромешную
С письмами от меня.

Помнишь, ребёнком хлопотным
Я на листках строчил,
Чтоб посреди похода ты
Весточку получил.
Нынче не получается –
Не продают конверт,
Чувства не помещаются
В строки, которых нет.

Но почему-то верю я.
Знаю, что звезд шторма –
Что это для размеренного
Мысленного письма?
Небо звенит вопросами –
Силюсь я разобрать:
– Как моя внучка? – Взрослая!..
– С мамой как?! – Рассказать?..

Щуришь глаза усталые
В старых очках смешных,
Мнутся листы слезалые,
Даром что нету их.
Что бы нам расстояния?
Что нам с тобой года?
Ясное понимание
Нас укрепит всегда:

Через ветров истерику,
Чаек пустой галдёж –
Письма несутся к берегу
Бухты, где ты нас ждёшь.

* * *

То ли купол Исакия краски смешал, то ль глобус Зингера,
То ль залив за рекой наколдован небрежно, неискренне,
Словно кто-то хотел это небо подкрасить синькою,
А она пролилась и разбилась в каналах искрами.

И пошла, загуляла по городу свежесть летняя,
И блестят от неё даже окна дворцов за оградами.
И от блеска такого, влюблённые, словно бы слепнем мы,
И таким поворотам судьбы даже чуточку рады мы.

И теряются птицы в пространстве и, может, времени,
И теряется город под крыльями, падает в прошлое,
Остаются обрывки дорог, фотографий, сомнений и
Растворяются краски, цвета превращаются в крошево.

Только белую ночью всё видно, поверь мне на слово,
И пространство, и время прозрачны, нет силы в голосе.
И сквозь всё проступают, как будто врисованы наскоро,
Купола и дворцы, отражающиеся в глобусе.

СЕРГЕЙ ЖАДАН (Харьков)
перевод с украинского

Тёмная сладость зимней поры.
Вечера тяжесть, с утра невесомость.
Женщины чистят в сугробах ковры,
Словно из о земледельцах повести.

Неба бутылочное стекло
с зелёными демонами и искрами,
и перетекает горлом тепло –
словно медовое – терпкое, искреннее.

Сумка почтовая – с этим письмом.
Тёплые бары. Монеты мокры.
Кометы с длинным пушистым хвостом
лезут в свои небесные норки.

Всех путешествующих зимой
дома дождутся, доживут до старости.
Всё, что случится с тобой и со мной,
укутает плюшевый плед усталости.

Так и курить бы в густой тишине,
так бы и слушать сквозь кольца дыма,
как щука чуть движется в глубине
и постепенно вмерзает в льдину.

НАТАЛЬЯ ПАСИЧНИК (Тернополь)

перевод с украинского

последних летних духов и кумиров
мне не задобрить да и в общем поздно
ведь в тёплый дом стоявший в центре мира
нам не вернуться вместе или розно

на всякий случай вслух пересчитаю
долги врагов и смятые купюры
и листья что под окнами летают
и тополя и липы за бордюром

и кроме них во тьме накрывшей прахом
никто не видит (ну хоть тут удача)
как сильно ветер бьёт в лицо с размаху
и не поднять руки – дать ветру сдачи

ИГОРЬ ПАВЛЮК (Львов)

перевод с украинского

Проснуться.
Не поднять к TV главы.
Перекреститься и слезу украдкой
С ресниц
Смахнуть – росинкою с травы
И капелькой отравы кисло-сладкой.

Омыть ладони в горечи луча,
В церковной свечки тонком тёплом свете,
Вдыхая мёд начала всех начал
И ксилографий сдержанных соцветий.

Душой парить с орлом, где высота
Кристалльной неподвижности не рушит.
И ожидать пришествия Христа
Сильней, чем НЛО. И песней душу

От плоти чистить. Нож из-под крыла
Извлечь, простив убийце всё, ей-Богу.
Смотреть на звёзды под аккорд весла
И на Дорогу...

АРТ

www.artlad.ru

2023

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал
Республики Коми

Издаётся с 1997 года
на двух языках: коми и русском
Здесь вы найдёте всё о науке, культуре,
литературе, истории и общественной
жизни Республики Коми

Присоединяйтесь к увлекательному чтению!

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСКА

**Оплатить стоимость
электронной подписки
можно одним из следующих способов:**

1. в кассе редакции журнала «Арт»:
г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, д. 229, каб. 136, Дом печати
2. посредством онлайн переводов: необходимые данные (наши банковские реквизиты) ниже.

При оформлении электронной подписки необходимо указать следующую информацию: количество комплектов, электронный адрес, на который оформляется подписка, Ф.И.О. подписчика и контактный номер телефона (для связи).

Выслать на электронный адрес: artkomi@mail.ru сообщение примерно следующего содержания: ЭП «Арт»-2023, primer@mail.ru и приложить копию квитанции об оплате.

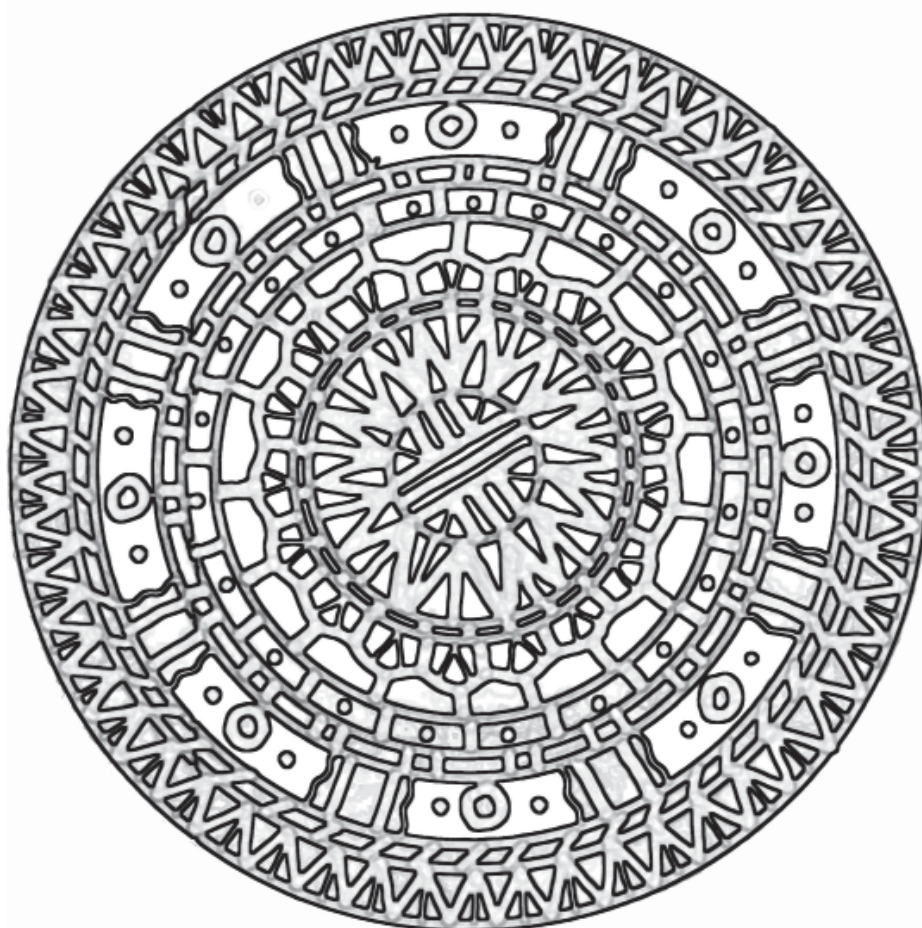
Реквизиты:

ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042 отделение Сбербанка России № 8617 БИК 048702640 к/с 30101810400000000640

**Стоимость годовой подписки
на журнал «Арт» – 400 рублей.**

По вопросам и предложениям
звоните по номеру:
8 (8212) 20-14-99

Гость номера – город Архангельск

АРХАНГЕЛЬСК

Административный, экономический и культурный центр Архангельской области. Площадь 294,42 км². Население городского округа «Архангельск» 349 190 человек, города – 342 164 (на 01.01.2022). Город расположен на севере европейской части России, в северо-западной части Архангельской области, в дельте реки Северной Двины, в 45 км от впадения её в Белое море. Вытянут на 40 км вдоль берегов Северной Двины, её рукавов и притоков. Граничит с Приморским районом Архангельской области и одновременно является его районным центром. Согласно Постановлению Правительства РФ «Об отнесении городов и районов Архангельской области к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к районам Крайнего Севера», от 27.11.1991 № 25 Архангельск отнесён к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера (с 01.01.1992). В соответствии с Указом Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 02.05.2014 № 296 Архангельск отнесён к сухопутной территории Арктической зоны.

Официальными символами Архангельска являются герб, флаг и гимн.

Указом Президиума Верховного Совета СССР «...за большой вклад в развитие морского флота, освоение северных районов страны, заслуги трудящихся города в Великой Отечественной войне, успехи в хозяйственном и культурном строительстве и в связи с 400-летием со времени основания» город награждён орденом Ленина (10.05.1984). Указом Президента РФ от 05.12.2009 № 1389 за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества, Архангельску присвоено почётное звание РФ «Город воинской славы».

Природные условия и ресурсы

В геоморфологическом отношении территория Архангельска расположена в пределах Усть-Двинской (Северо-Двинской) впадины. Абсолютная высота поверхности в пределах города варьирует от 0,5 м в Маймаксанском округе до 42 м в Исакогорском округе. Болотные равнины занимают до 75 % всех первичных форм рельефа. В границах города распо-

ложены участки Архангельского месторождения лечебных минеральных подземных вод. Климат умеренно-континентальный с продолжительной холодной зимой и коротким прохладным летом, формируется под воздействием северных морей и переносов воздушных масс с Атлантики в условиях малого количества солнечной радиации. Северная Двина и её протоки являются лососёвыми водоёмами 1-й категории рыбохозяйственного водопользования и миграционным путём сёмги, сига, минюги, корюшки, нельмы на нерест, скатом их молоди в море, местом нагула молоди. В протоках на разливах весной проходит нерест леща, язя, щуки, окуня, плотвы. Почвы представлены тяжёлыми суглинками, песчаными и супесчаными отложениями. На территории города расположены дендрарий САФУ (1,6 га) и дендрологический сад Северного научно-исследовательского института лесного хозяйства (44,4 га) федерального значения.

Историческое развитие

Первые русские поселения на месте современного города, в частности Михайло-Архангельский монастырь, появились не позднее конца 14 века, по преданию – с 12 века. Летописное упоминание о монасты-

ре относится к 1419 году, когда «мурмане» (норвежцы) сожгли монастырь и умертвили его обитателей. В 1870-е поиски юбилейной для города даты увенчались тем, что основание Архангельска было приурочено к дате указа Ивана IV от 04.03.1583 о направлении к устью реки Северной Двины воевод для выбора места будущей крепости. Современными историками эта дата подвергается уточнению. Известные учёные В. Ф. Андреев, В. Н. Булатов, Ю. Ф. Лукин, Ю. А. Барашков и другие считают, что история Архангельска начинается с конца 14 века, когда был основан Михайло-Архангельский монастырь. Самым первым официальным документом о начале Архангельского града является благословенная грамота архп. Новгородского Иоанна.

Роль города как административного центра усилилась в эпоху Петра I, который трижды (1693, 1694, 1702) посетил город и придавал ему особое значение. Город становится резиденцией двинского воеводы и, соответственно, фактически центром Двинского уезда (с 1702-го). Сюда перебазировались стрелецкие полки (1704). Архангельск стал административным центром Архангелогородской губернии (с 1708-го), Архангельского наместниче-

ства (с 1784-го), Архангельской губернии (с 1794-го).

На застройку Архангельска и его структуру большое влияние оказывали пожары, нередко полностью уничтожавшие город, состоящий из деревянных зданий с большим количеством складов. Наиболее опустошительными были пожары 1636, 1668, 1724, 1738, 1753, 1777, 1784, 1793, 1847, 1851 годов. Опустошительный пожар 1668 года послужил началом строительства каменной крепости и гостиных дворов.

Впоследствии город застраивался согласно градостроительным планам 1854, 1937, 1950, 1963 (утверждён в 1967-м), 2008 годов.

Архангельск размещался на большой территории, при этом отдельные его части удалены друг от друга пустынными, незаселёнными местностями. Городские районы, расположенные на островах в дельте реки Северной Двины, не имели постоянного сообщения с центром города и другими его частями. Вопрос о строительстве мостов оставался для города стратегически важным. Постоянный железобе-

тонный Кузнечевский мост открыт в 1956 году. В 1964-м был построен совмещённый железнодорожный и автомобильный Северодвинский мост, соединивший центр и порт с железнодорожной магистралью, позднее с федеральной автодорогой Архангельск – Москва и городами Северодвинск и Новодвинск. В 1990 году построен автомобильный Краснофлотский мост через остров Краснофлотский, соединяющий правобережную часть города с федеральной автодорогой Архангельск – Москва.

Экономика города напрямую была связана с его географическим положением. В первые века концентрировалась на портовой деятельности. В 17 веке торговые связи Архангельска достигали отдельных районов России, включая Сибирь. Широкой была география контактов с Западной Европой, прежде всего с Англией и Голландией, германскими торговыми городами. С конца 18 века начинается государственное, а затем купеческое судостроение. После 1713 года были приняты меры по сокращению внешней торговли через Архангельск и перена-

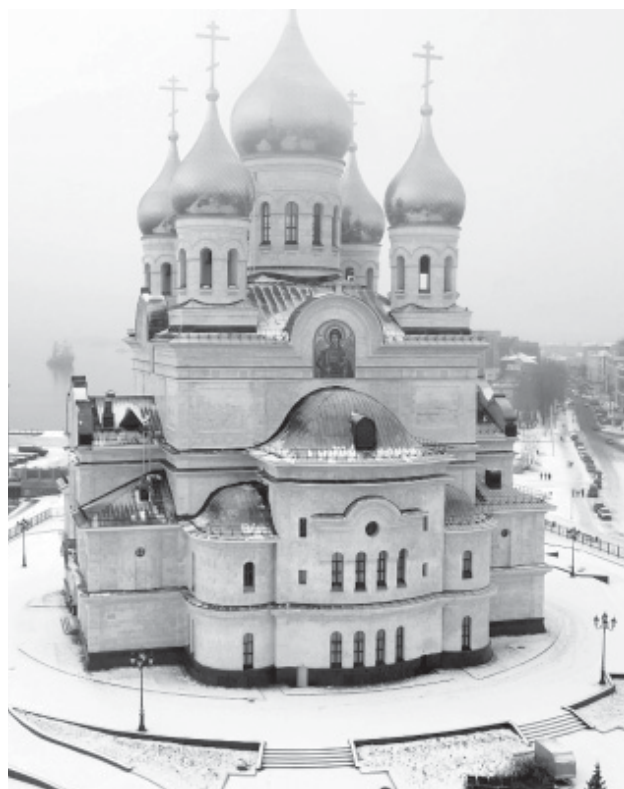
правление торговых кораблей к Петербургу. Однако в период войн порт вновь становится важным пунктом для государственной торговли: Наполеоновские войны и «континентальная блокада» (1807–1812), Первая мировая война (1914–1917) и Великая Отечественная война (1941–1945).

Важной отраслью экономики на протяжении полутора веков являлось кораблестроение. Верфи были созданы по инициативе Петра I. По его же инициативе заложены первые морские суда, а также в целях обороны основан военный порт, начато строительство Новодвинской крепости (1701–1864). С 1708 года на верфях в Соломбале строились парусники для военного флота.

Лесопиление начинает свою историю с 1696 года, когда на острове Мосеев иноземцем Данилой Атманом была устроена пильная мельница. С конца 19 века лесопиление развивается как ведущее направление промышленности. Для удобства экспорта продукции лесопильные заводы строились в непосредственной близости от порта. В конце 19 века в пригородных территориях началось строительство лесозаводов, вокруг которых возникали новые посёлки. В начале 20 века в ближайших окрестностях, вошедших затем в черту города, располагалось 26 лесопильных заводов.

Со 2-й половины 18 века до середины 20 века город служил базой для экспедиций по освоению Арктики и Северного морского пути. Более 200 экспедиций из Архангельска отправились в Арктику. В 1932 году вышел в плавание ледокольный пароход «Александр Сибиряков», впервые прошедший по Северному морскому пути за одну навигацию и подтвердивший возможность эксплуатации пути в народнохозяйственных целях. В 1930-е продолжилось освоение Арктики, но уже с помощью авиации, база которой также находилась в Архангельске.

Основными видами транспорта являлись гужевой и водный. В 1897 году

к Архангельску подошла Московско-Ярославско-Архангельская железная дорога, которая заканчивалась на левом берегу, где был построен железнодорожный вокзал. Пассажиров и грузы переправляли через реку Северную Двину в город на пароме. Вопрос об электрическом транспорте (трамвае) обсуждался городскими властями с 1896 году, однако разрешение на его строительство получено городской управой только в 1913-м. Строительство было отложено в связи с Первой мировой войной, однако в 1916 году трамвай начал функционировать. Трамвайное движение закрыто в 2004-м. С 1974 года использовался и другой электрический транспорт – троллейбус. Троллейбусное сообщение закрыто в 2008-м.

Архитектура складывалась в традициях северного зодчества. Первым каменным сооружением города стал грандиозный комплекс Гостиных дворов, включивший в себя каменную крепость. Основная масса деревянной архитектуры в той или иной степени испытывала влияние классицизма и эклектики. Но наиболее распро-

странёнными были дома, построенные на основе местных архитектурно-планировочных приёмов: на высоком подклете с пристроенным крыльцом с волнообразной формой кровли. В деревянной жилой архитектуре удивительно соединялись приёмы русского деревянного зодчества с формами модерна и скандинавской архитектуры. В 1920-е и 1930-е в Архангельске встречается и конструктивизм, в формах которого построены драматический театр, почтамт. Затем строительство развивалось в рамках современной архитектуры.

Архангельск являлся административным центром Архангельской губернии, в 1930-е – Северного края. Здесь проживала элита, приезжали столичные чиновники, иностранные моряки, купцы, путешественники, что оказало влияние на общественную и культурную жизнь города. Архангельский театр драмы имени М. В. Ломоносова ведёт свою историю с середины 19 века, постоянная труппа с 1932 года. Созданы Театр рабочей молодёжи (1929), Архангельский театр кукол (1933), Театр музыкальной комедии (1935), филармония (1937), Архангельский молодёжный театр (1975). Кинематограф пришёл в Архангельск в 1897-м, первые киносеансы показывали в Архангельском коммерче-

ском собрании. Начало книжной торговли относится к 1767 году и связано с деятельностью купца и просветителя А. И. Фомина. Открыты публичная (1837) и публичная техническая (1886) библиотеки. С 1838 года издавалась газета «Архангельские губернские ведомости». В 1837-м открыт первый музей, позднее – Древлехранилище при Церковно-археологическом комитете (1891) и рыбопромышленный музей (1906). С 1859 года ведёт свою историю Архангельский областной краеведческий музей.

С начала 18 века город формируется как центр образования на Севере. Духовная семинария (1711), цифирная школа (1719), гарнизонная школа для обучения солдатских детей (1732), Адмиралтейская морская школа для подготовки мастеровых (1734), Главное народное училище (1786), первая русская мореходная школа (1786), фельдшерско-повивальная школа (1876), механико-техническое училище имени Петра I (1893). В 1811 году на базе старших классов Главного народного училища открыта мужская гимназия (Ломоносовская гимназия), в 1848-м создано училище «для образования девиц» (Мариинская гимназия), в 1917-м – учительская семинария. В 1930-е годы основаны учреждения высшего образования – Архангельский лесотехнический

институт (1929), Архангельский государственный медицинский институт (1931) и Архангельский государственный педагогический институт (1932), ряд научно-исследовательских учреждений, где работало свыше 70 научных сотрудников, специалистов в области геологии, физики, биологии.

Появление, становление и развитие медицины в Архангельске связано с развитием морских перевозок, международной торговли и судостроения. После прибытия в город корабельных экипажей Балтийского флота организован первый сухопутный госпиталь (1733), затем морской госпиталь (1734), для обеспечения медикаментами госпиталей и военных кораблей открыта морская аптека (1710), при которой устроен аптекарский огород. Для городских жителей система медицинского обслуживания формировалась позднее. В итоге первая в Архангельске губернская и больница для гражданского населения открылась 16 февраля 1786 года. В 1875-м открыли лечебницу для неимущих. В Архангельске организован глазной пункт (1898), открыта санитарная станция с бактериологической лабораторией (1908). К 1910 году в городе врачебную помощь оказывали две городские амбулатории, лечебница Общества архангельских врачей и больница приказа

общественного призрения. Основной формой медицинской помощи населения являлись частные платные приёмы.

После 1917 года частные клиники национализированы. В 1920-м все лечебные учреждения переданы в ведение губернского отдела здравоохранения. В Архангельске начала работу станция скорой медицинской помощи (1921), открыты химико-бактериологический институт (1923) и туберкулёзный санаторий имени Я. А. Тимме (1924). В годы Великой Отечественной войны город стал госпитальной базой Ленинградского и Карельского фронтов.

В 20 веке менялся административный статус Архангельска: губернский город стал центром Северного края (1929), в состав которого вошли территории Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний, автономная область Коми (Зырян) и Ненецкий национальный округ, острова Северного Ледовитого океана, в том числе архипелагов Земля Франца-Иосифа и Новая Земля; центр Северной области (1936–1937), ныне Архангельской области (с 23 сентября 1937 года).

В годы Великой Отечественной войны промышленность переведена на военные рельсы: лесопильные заводы изготавливали лыжи и сани-волокуши для фронта, укупор-

ки для боеприпасов, аэродромного и инженерного оборудования; предприятия целлюлозно-бумажной промышленности освоили выпуск пороховой целлюлозы и специальных сортов бумаги; завод «Красная кузница» наладил выпуск миномётов, мин, гранат, пулемётных станков, осуществлял ремонт морских судов. Архангельск – порт, через который СССР получал значительную часть помощи, оказываемой союзниками. В связи с этим город подвергался налётам вражеской авиации. За 1941–1943 годы на Архангельск совершено около 500 фашистских самолётных вылетов. От бомбардировок погибло до 4 тысяч человек, уничтожено более 100 жилых домов. Осенью и в конце 1941-го началось снижение нормы выдачи хлеба, в отдельных случаях она доходила до 150 г в день. Не хватало продуктов на складах города. Архангельск стал вторым городом в стране (после блокадного Ленинграда) по количеству умерших от голода.

В разные годы Архангельск посещали первые лица государства: императоры Пётр I (1693, 1694, 1702), Александр I (1819) и Александр II (1858), 1-й секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв (1962), президенты России Б. Н. Ельцин (1992, 1996), Д. А. Медведев (2009), В. В. Путин (2011, 2014).

Современная экономическая обстановка

Архангельск – крупнейший экономический центр Архангельской области. Ведущие отрасли: лесоперерабатывающая, машиностроение, рыбоперерабатывающая, судостроительная промышленность, морской транспорт, рыболовство. Основные виды выпускаемой продукции: пиломатериалы, электроэнергия, строительные материалы, пищевая, рыбная, молочная продукция, хлеб и хлебобулочные изделия, ликёро-водочные изделия.

В Архангельске находится ОАО «Соломбальский машиностроительный завод» – единственное в России предприятие, выпускающее автолесовозы. Лесоперерабатывающая промышленность представлена лесопильно-деревообрабатывающими предприятиями: ЗАО «Лесозавод № 25», входящий в группу компании «Титан»; ОАО «Архангельский ЛДК № 3». Рыболовство и рыбная промышленность – традиционные отрасли Архангельска. Основные предприятия – ОАО «Архангельский траловый флот», ОАО «Рыбокомбинат «Беломорье». Работает единственное в России предприятие, специализирующееся на глубокой переработке водорослей, – ОАО «Архангельский опытный водоросле-

вый комбинат». Традиции судостроения и судоремонта имеют более чем 300-летнюю историю. Архангельский судоремонтный завод «Красная кузница» – старейшая верфь России (ныне филиал ОАО «ЦС «Звёздочка»).

Архангельск – транспортный узел Севера, где представлены морской, речной, авиационный, железнодорожный и автомобильный виды транспорта. Архангельск – старейший и крупнейший морской и речной порт России, через который осуществляются международные арктические перевозки грузов по Северному морскому пути. Порт – основная база для освоения месторождений нефти и газа Арктического шельфа. Особое значение для Севера имеет авиационный транспорт. В городе расположено Архангельское территориальное управление воздушного транспорта. Воздушные суда принимают и обслуживают аэропорт «Архангельск» (Талаги) и аэропорт «Васьково». Перевозки осуществляют авиакомпании «Нордавиа», «Архангельские воздушные линии» и 2-й Архангельский объединённый авиаотряд. В городе расположены управление и предприятия филиала ОАО «РЖД», крупные узловые станции и вокзалы – Архангельск-Город и Исакогорка. По городской территории проходит газопровод-отвод от системы магистральных газопроводов Ухта – Торжок (КС «Нюксеница»): Нюксеница (Вологодская область) – Архангельск.

Строительство

В городе имеется весь пакет градостроительной документации, включая многослойную электронную карту города. Главная задача градостроительной политики – сохранение исторического своеобразия и неповторимости Архангельска. До города построен магистральный газопровод, переведена на газ Архангельская ТЭЦ.

Торговля, общественное питание и бытовое обслуживание

Город лидирует в области по обороту розничной торговли, по объёму платных и бытовых услуг населению. На территории города постоянно проводятся ярмарки, в том числе тематические ярмарки выходного дня по продаже рыбы, сельскохозяйственной продукции, межрегиональная Маргаритинская ярмарка. Ежегодно проводятся городские конкурсы на лучшее озеленение прилегающей к предприятию территории, «С любовью к городу», «Лучший архангельский дворик», праздничное оформление «Новогодний Архангельск».

Социальное развитие. Образование и наука

На 1 января 2022 года в городе имеется 116 образовательных учреждений, в том числе 1 лицей, 5 гимназий, 41 средняя школа. Имеется Дворец детского и юношеского творчества (бывший Дворец пионеров), детская школа народных ремёсел, ансамбль песни и пляски «Сиверко», детская музыкальная школа № 1 Баренцева региона.

Услуги среднего специального образования предоставляют техникумы и колледжи. На территории города находятся Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова и Северный государственный медицинский университет; Арктический морской институт имени В. И. Воронина (филиал Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова). В 2015 году открыт Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лавёрова. К отраслевым НИИ относятся: Северный НИИ лесного хо-

зяйства, Северный филиал Полярного НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии имени Н. М. Книповича.

Здравоохранение

Архангельск является центром здравоохранения не только для Архангельской области, но и для северных регионов. Самым крупным многопрофильным учреждением города является ГБУЗ АО «Первая городская клиническая больница имени Е. Е. Волосевич», оказывающее первичную медико-санитарную, специализированную, в том числе высокотехнологичную медицинскую помощь жителям города, области, НАО. Медицинскую помощь на догоспитальном этапе оказывает Архангельская станция скорой медицинской помощи. На территории города сосредоточены областные учреждения здравоохранения.

Физическая культура и спорт

В Архангельске имеются МАУ «Физкультурно-спортивный комплекс имени А. Ф. Личутина»; 9 детско-юношеских

спортивных школ. Основные виды спорта, развиваемые в городе: волейбол, лёгкая атлетика, плавание, хоккей с мячом, конькобежный спорт, шахматы, тхэквондо, настольный теннис. Ежегодно проводятся легкоатлетическая Майская эстафета (с мая 1946 года); международный марафон мира «Гандвик» (с июня 1984 года); спортивно-технический праздник «Северные виражи» на ледовом поле реки Кузнечихи (с 1996 года), турниры по настольному теннису памяти Владимира и Александра Грачёвых (с 1993 года), по волейболу памяти Юрия Медуницына (с 2003 года). Участниками Олимпийских игр являются мастера спорта международного класса Е. А. Лагунов – плавание (2004, 2008, 2012), И. Н. Шибанова (Беспалова) – плавание (2008, 2012), А. В. Румянцев – конькобежный спорт (2010, 2014), Н. Ю. Подольская – гребля на байдарках и каноэ (2010 – юношеские Олимпийские игры; 2012).

На территории Архангельска расположены Дворец спорта профсоюзов (площадь Профсоюзов), стадионы «Динамо», «Труд», «Буревестник», «Волна» (Соломбала), «Юность» (Соломбала); скалодром; бассейны «Водник» (50 м), в спортивном корпусе САФУ (25 м) и др. Центр развития спорта «Норд-арена» – многофункциональный спортивный комплекс, включающий в себя бассейн (25 м), современный спортивный зал, позволяющий проводить одновременно до трёх волейбольных матчей, тренажёрный зал. В Архангельске находится профессиональный клуб «Водник» (с 1925 года – команда по хоккею с мячом). Город принимал чемпионаты мира по хоккею с мячом (1965, 1999, 2003).

Культура

Архангельск – культурно-историческая столица Поморья, центр северных традиций и истории. Организацией культурно-массовой работы среди населения занимаются 19 муниципальных учрежде-

ний, в том числе 8 культурных центров, Централизованная библиотечная система, объединившая 19 библиотек; парк аттракционов «Потешный двор». Имеется 5 муниципальных детских школ искусств; детская художественная школа № 1, городская детская музыкальная школа «Классика». С 2005 года сказочным символом города является Снеговик. В 2013-м сказочный бренд прошёл официальную регистрацию в качестве товарного знака «Архангельск – родина Снеговика». На базе МУК «Культурный центр «Соломбала-Арт» имеется дом Снеговика с волшебной мастерской и научной лабораторией, где проводятся интерактивные экскурсии по резиденции. В городе работают учреждения культуры областного подчинения, в том числе Архангельский театр драмы имени М. В. Ломоносова, Архангельский театр кукол, Архангельский молодёжный театр, Поморская филармония. Большую культурно-пропагандистскую работу проводят Архангельский областной краеведческий музей (1859), Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера» (1960), Музей художественного освоения Арктики имени А. А. Борисова (2002), Музей северного художника и сказочника Степана Писахова (2008), Старинный особняк на Набережной (1998), усадебный дом Е. К. Плотниковой (2001), Государственный Северный морской музей (1993). Жители города пользуются услугами Архангельской областной научной библиотеки имени Н. А. Добролюбова, научной библиотеки САФУ, областной детской библиотеки имени А. П. Гайдара. Культурный бренд Архангельского Севера – Государственный академический Северный русский народный хор. Ежегодно проводятся международный фестиваль уличных театров (с 1990 года), музыкально-театральный фестиваль «Европейская весна» (с 2004 года), международный фестиваль «Дни джаза» (с 1982 года), международный фестиваль гармонии «Сметанинские встречи»,

названный в честь гармониста, уроженца Красноборского района Архангельской области Сметанина Сергея Леонидовича (с 2006 года) и др. В 2007-м в Архангельске состоялся Всероссийский театральный фестиваль имени Ф. А. Абрамова «Родниковое слово» (с 2010-го – один раз в два года).

Архитектура

Современный город начал формироваться в 1960-е, после визита 23 июля 1962 года в Архангельск 1-го секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР Н.С.Хрущёва. На основании Постановления Совета Министров СССР от 28.02.1963 «О развитии городов Архангельска и Мурманска» приказом Министерства строительства РСФСР от 18.05.1963 было создано Главное управление по строительству Архангельска и Архангельской области. В основном строились 5-этажные кирпичные жилые дома. После ввода в эксплуатацию Архангельского ДСК началось строительство панельных домов. Реконструкторы Архангельска считали нужным оставить в прежнем виде несколь-

ко старинных деревянных домов, которые возводились ещё в конце 19 века, переместив их на проспект Чумбарова-Лучинского. Исходя из перестроечного плана, проспект стал пешеходной зоной заповедного типа. В центре города можно увидеть памятники Петру Первому (1914, скульптор М. М. Антокольский), М. В. Ломоносову (1832, скульптор И. П. Мартос) и др. Особое место в архитектуре Архангельска занимает 24-этажное административно-офисное здание (1983). Высота здания 82 м по уровню крыши, 142 м от цоколя до верхней точки мачты, 173 м до высшей точки над уровнем моря. В здании размещаются радиоборудование и студии большинства архангельских радиостанций.

Издательская деятельность. СМИ

Издательские и полиграфические организации: Издательский дом имени В. Н. Булатова (САФУ), издательство СГМУ, ООО «КИРА» (консультационное информационно-рекламное агентство), литературно-издательский центр «Лоция», ОАО «Соломбальская типография» (ОАО «СОЛТИ»).

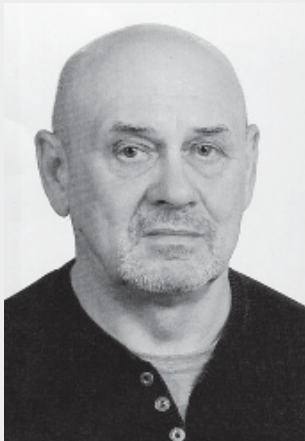
С 2002 года ежегодно в апреле проводится конкурс «Книга года», на котором определяется лучший автор, издатель, типография, художник-оформитель книги. Организатор данного конкурса – Книжная палата АОНБ имени Н. А. Добролюбова. Новостные и тематические программы в Архангельске, Архангельской области и НАО осуществляет государственная телевизионная и радиовещательная компания «Поморье» (филиал ВГТРК). Также присутствуют компании, предоставляющие услуги домашнего телевидения и широкополосного доступа в Интернет: «Ростелеком», «Архангельская телевизионная компания «АТК».

В Архангельске выпускается еженедельное издание «Архангельск – город воинской славы» (2011), с 1907 года выходит городская еженедельная газета «Архангельск». Журналы: областной литературно-художественный и общественно-политический журнал «Двина» (2001); научные «Вестник Северного (Арктического) университета» (с 2011 года); «Известия вузов. Лесной журнал» (1833–1841, 1845–1851, 1871–1918, с 1958 года); «Экология человека» (СГМУ, 1994); культурно-просветительский и научно-популярный журнал о жизни Северного края «Известия Русского Севера» (2009) и др.

А. В. Андреева, И. Ю. Атапин, В. П. Базаркина, Н. М. Вызова, А. М. Вязьмин, Г. Е. Гудим-Левкович, О. А. Иванов, В. П. Платовский, А. И. Леонтьев, С. Л. Монахова, А. Н. Никашина, Е. Л. Попова, Л. Д. Попова, Я. К. Преминина, М. А. Смирнова, Т. Н. Трошина, Ж. Т. Федина, Т. А. Янкевич. Поморская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Н. П. Лавёров. – Архангельск, 2016. – Т. V: Города, районы, люди Архангельского Севера / гл. ред. Е. В. Кудряшова; редкол.: В. П. Базаркина, П. Н. Балакшин, Н. В. Большакова [и др.]. – Архангельск, 2016. – С. 19-34.

Статью к печати подготовила В. П. Базаркина, член редколлегии «Поморской энциклопедии».

Фотографии А. Липницкого, А. Заварзина и из открытых источников.

Павел
ЛИМЕРОВ

Павел Фёдорович Лимеров – главный редактор журнала «Арт», член Союза писателей России, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Область научных интересов – коми и русский фольклор, коми мифология, фольклоризм литературы, литературно-фольклорные взаимосвязи, проблемы религиозности народа коми. Автор более двухсот научных публикаций, в том числе девяти книг.

Биармийская утопия: мифологическая география К. Ф. Жакова в эпосе о «светлом прошлом»

9 октября 1911 года на заседании Архангельского общества изучения Русского Севера был прочитан доклад «О методах изучения северного народного эпоса». Докладчиком был известный Петербургский учёный, профессор Психоневрологического института К. Ф. Жаков. Определив виды эпоса – былины и сказки, докладчик совершил экскурс к теории былин, а также «доказал» в контексте штудий мифологической, сравнительной и исторической школ, что «сказка есть остаток прежних религиозных преданий». Было очевидно, что профессор придерживается популярной в то время теории заимствований, полагая, что фольклорные эпические произведения кочуют от народа к народу, поэтому, чтобы определить оригинальные произведения, нужно изучить культуру народа и сравнить её с эпосом. При этом необходима «исчерпывающая запись» всех произведений народного эпоса в данной местности. В этом смысле сравнительное изучение северно-русского эпоса с «Калевалой» и скандинавскими сагами вкупе с данными археологии может дать представление об «общей картине культуры древнего Севера», из чего и определяется дальнейшая необходимость изучения северного эпоса. Надо сказать, что профессор Жаков не был случайным человеком в обществе архангельских краеведов. С 1910 года он состоял действительным членом этого общества, а в 1916 году даже был избран его представителем в Союзе исторических обществ России.

К. Ф. Жаков (1866–1926) вошёл в историю науки как самобытный философ, создатель философской системы, названной им «лимитизм» – теория переменного и предела, математик, астроном, в то же время он писал труды по литературоведению, исследовал прозу Кнута Гамсуна, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Л. Н. Андреева, Альфонса Доде, известен был Жаков и как писатель, открывший русскому читателю мир Севера, мир коми-зырянских охотников, крестьян и колдунов – его книги издавались в Петербурге с 1905-го по 1916 год. Однако научную деятельность Жаков начинает как этнограф. По материалам первых своих экспедиций 1899–1900 годов он публикует работы «Языческое мирозерцание зырян» (1901) и «Этнологический очерк зырян»

(1901) в журналах «Научное обозрение» и «Живая старина». Вторая работа была отмечена особо Русским географическим обществом, наградившим его серебряной медалью. В полевые этнографические экспедиции в различные губернии России Жаков ездил вплоть до 1917 года, до самой своей эмиграции в Прибалтику, из которой на родину он уже не вернулся. Конечно, за эти годы им было написано немало статей и очерков, посвящённых данным поездкам, но немало фольклорных сведений он использует и в своём художественном творчестве. Более того, есть все основания полагать, что во многих литературных произведениях Жаков реализует реконструкции мифологической картины мира коми-зырян. Венцом своей научно-литературной деятельности он по праву считал поэму «Биармия», которую полагал реконструкцией древнего северного эпоса или, точнее, одного из северных эпосов, эпоса народа Перми, родственного по языку и культуре всем народам обширной территории европейского Севера от Урала до Финляндии, с центральной областью – бассейном Северной Двины, обозначенной в поэме как Биармия.

Поэму «Биармия» Жаков написал в 1916 году во время поездки в Прибалтику, но так и не смог опубликовать её из-за начавшихся революционных событий. Впрочем, попытка издания всё же была: в 1920-е годы в Риге ученики Жакова из «Общества лимитистов» инициировали перевод поэмы на латышский язык и поручили его Яну Райнису. Поэт перевёл I–VIII части поэмы, они были опубликованы в 1928 году, а в 1980 году эти переводы вошли в восьмой том собрания сочинений Райниса. В том же 1916 году один из учеников Жакова передал рукопись поэмы А. М. Горькому, дружеские отношения с которым к этому времени несколько охладели. Жаков вспоминает, что после прочтения рукописи «Биармии» Горький поинтересовался: «Народное это произведение или единоличное?», на что Жаков ответил вопросом же: «Слово о полку Игореве» народное или не народное произведение?» Горький не знал, что сказать.

Для Жакова, на протяжении многих лет собиравшего и изучавшего фольклорные произведения и строившего на их основе мифологические реконструкции, лёгшие в основу поэмы, сама она не могла не быть произведением «народным», сохраняя при этом его авторство. По его глубокому убеждению, поэма «Биармия» и есть эпос коми народа, восстановленный по крупицам фольклорных материалов, не только собранных им самим во время полевых экспедиционных практик в Коми крае, но и принятых из фольклора родственных народов. По-видимому, Горький всё же убедил Жакова написать пояснения к поэме, и тот пишет предисловие к поэме, в которой объясняет свой замысел: создать эпос на основе отечественных и зарубежных источников. Конечно, события поэмы – авторский замысел, но он пишет: «При современном состоянии этнографии и «доисторической, первобытной истории» можно сказать, что саги, как и былины, как и сказки, составляют поэтическую историю народа. Всё, что говорится в сагах о Биармии, имело место, как доказывают другие данные у вогулов, остяков и других финских племён Восточной России и Сибири». Примечательно, что до наших дней дошла как раз рукопись, переданная Горькому, – она хранится в его архиве в Институте мировой литературы РАН.

Основной проблемой, которую следовало преодолеть Жакову при написании поэмы, являлось полное отсутствие сведений о дохристианской истории народа коми, неизвестны были ему и коми эпические песни. Путь восстановления эпоса был таков: пользуясь методами антропологической теории, выделить «пережитки» эпоса и мифологии в фольклоре коми, реконструировать мифологическую картину мира с пантеоном языческих богов, очертить круг мифологических сюжетов, связанных с реконструкциями космологических представлений, подвигами героев древности, а затем, ориентируясь на «Калевалу» Лённрота, скандинавские саги и русские былины, составить единый эпиче-

ский сюжет. Принципиальное значение в замысле должна иметь и концепция эпического мира, в котором происходит развитие сюжета. Жаков ставит своей задачей воссоздать мир, которого сейчас нет, но который когда-то был в географических координатах современного Русского Севера. Именно воссоздать, а не выдумать – в этом задача Жакова сходна с научной реконструкцией. Другое дело, что подвергается реконструкции не историческая действительность, а «поэтическая история народа» – как её определяет Жаков. Соответственно, граница между гипотезой и вымыслом оказывается предельно тонкой, а иногда и вовсе исчезает.

В центре внимания Жакова – гипотетическая северная цивилизация, главным государством которой является легендарная Биармия. На западе она граничит с некими недружественными племенами, а цивилизация распространяется на восток, включая в свой состав разные страны и народы. Время этой цивилизации угадывается неточно: уже не нападают на Биармию викинги, но ещё при жизни героев поэмы становится слышно о народе Роч – русских, приблизившихся к границам страны. Тем не менее, это эпоха некоей мифической стабильности, когда жизни данной северной цивилизации ничто не угрожает. Д. С. Лихачёв о свойствах эпической эпохи писал, что это «своеобразный остров во времени», очень условно связанный с историческими реалиями. Известно только, некогда Биармия погибнет под натиском народа Роч, исчезнут и другие государства-княжества севера, но само по себе эпическое время поэмы длится неопределённо долго.

Замысел поэмы о древних временах подготавливался всем предыдущим творчеством Жакова. Многие его художественные произведения являются авторскими интерпретациями мифологических сюжетов или же фантастическими новеллами на мифологические темы. Есть даже попытка начала эпической саги. Речь идёт о новелле «Царь Кор», в 1911 году опубликованной в журнале «Вестник знания» в Санкт-Петербурге, а также вышедшей отдельной книжкой в Архангельске – с подзаголовком «Чердынское предание». В этой новелле Жаков впервые обращается к проблеме гипотетического устройства пространств Севера. Сюжет открывается сценой пира в тереме царя Кора. Для повествования сцена пира чрезвычайно важна: она даёт возможность сказителю, а в данном случае автору представить все наиболее значимые элементы эпического миропорядка, а также раскрыть конфликтные ситуации,двигающие сюжет. Здесь впервые читателю представлены герои царства Кора, среди которых его дети – Редигар, «странствовавший по Биармии», и красавец Мичаморт. Из списка яств, которыми наполнен стол, можно узнать о связях царства Кора с южными странами (заморское вино) и с севером – Печорой, Колвой, Вишерой. Эпический певец-сказитель Вэрморт воспеваёт подвиги царя Кора, покорившего остяцкого царя Сямдея и вогульского князя Беренделю в походе за Уральские горы в Сибирь. Ославе Перми – царстве Кора «у истоков светлой Камы, // Жёлтой Иньвы, красной Чаньвы» – узнают народы рек Оби, Иртыша и Тобола. Вторая песня Вэрморты посвящена подвигам Редигара в его путешествии в Биармию. Эта страна располагается от устья Эжвы-Вычегды вниз по Северной Двине до самого студёного моря Саридз. Предположительно, Редигар поднялся в верховья Камы и по волоковому пути перешёл на Верхнюю Вычегду (Эжву) и спустился по этой реке сначала до её впадения в Двину, где, собственно, и начинаются земли Биармии. Далее он проплыл на лодке с «белокрылым парусом» до устья Двины и прибыл в столицу страны Кардор, «к птице Каленик поближе»¹. Редигар посещает царя

¹ Птица Каленик – в авторской мифологии Жакова персонификация северного сияния, а также и персонифицированный образ Севера в целом.

Биармии Рамдая и знакомится с его дочерью Гарианой, а после этого участвует в ритуале жертвоприношения, которое Рамдай устраивает богу Юмале, чтобы заключить брак между царевичем Перми и царевной Биармии, своей дочерью Гарианой. Третья песня Вэрморта посвящена богам Перми: великий небесный бог Ен, мать луны, трёхглавый бог солнца, вихрь Войпель, подземный Куль и мать земли Му, супруга бога солнца – осеняют своей любовью землю Перми. Итак, всё пространство Севера, включая Урал, поделено между двумя большими царствами – Биармией и Великой Пермью, которая на Урале граничит с царством вогулов и княжеством остяков. Пунктирно намечена мифологическая вертикаль – главный бог Биармии Юмал, соответствующий пермскому Ену, и некоторые пермские боги, более детальное описание которых Жаков даёт в других своих произведениях.

Равновесие миропорядка нарушается преступлением Мичаморта, обесчестившего Тариалу, дочь жреца бога Войпеля. Сразу после этого на страну нападают полчища врагов, и становится ясно, что страна погибнет. Но Ен посылает вещую птицу Рык, чтобы спасти царское семя Перми, – птица уносит царя Кора, царевича Мичаморта с Тариолой и сказителя Вэрморта с Камы на север, в верховья Вычегды на холм Джеджим Парма. Здесь также живут коми, и царь Кор делает попытку восстановить государственное устройство великой Перми – поставить царство, но появляется некий старик, отговаривающий его менять местный уклад: «Мы живём здесь вольно, как звери лесные, как птицы воздуха...»

Загадочная северная страна Биармия, известная по скандинавским сагам, не раз становилась объектом научного и чисто обывательского интереса – ей посвящены многие научные и ненаучные исследования. В той или иной мере сюжеты этих работ строятся вокруг проблемы локализации Биармии, вопроса этимологии топонима *Bjarmaland* и его соотношения с древнерусским топонимом *Пермь*. Судя по всему, Жаков не придерживается предложенной К. Ф. Тиандером этимологии *Bjarmaland* от древнескандинавского **berm-, *barm-* в значении «береговая полоса» с последующей славяно-русской огласовкой *Пермь*. В его концепции Биармия и Пермь разведены географически: Пермь располагается в бассейне Камы, а Биармия – в Заволочье. Обе страны имеют сходные политические устройства – это царства, правителями которых на время повествования являются Рамдай Биармийский и Кор Пермский. При этом столицей последнего является город Искор, а не Чердынь – известная столица Великой Перми. Очевидно, что Жаков имеет в виду тот регион Великой Перми, который в Патриаршей летописи назван «верхней землёй» с городом Искором, в противоположность «нижней земле» с городами Урос, Чердынь и Покча. Это статья за 1472 год о походе воеводы князя Фёдора Пёстрога на Великую Пермь, здесь же упоминается и имя пермского воеводы Бурмата, сражавшегося с войском Пёстрога на стенах Искора. Этот герой есть и у Жакова – по сюжету новеллы он также держит осаду Искора от полчищ напавших на город врагов. Однако события, о которых рассказывает новелла, не имеют никакого отношения к эпохе Ивана III. Жаков выходит за пределы исторической памяти, восстанавливая уже забытую устную традицию. Отсюда подзаголовки новеллы «Чердынское предание», хотя едва ли Жаков имел в виду определённый фольклорный текст. Иными словами, время царя Кора относится к эпохе, предшествующей истории, пограничья между мифической эпохой и историческим временем, что характерно для эпических сюжетов.

Спустя пять лет Жаков возвращается к истории Перми-Биармии, но существенно меняет формат текста. Если новелла «Царь Кор» – произведение прозаическое и только песни Вэрморта написаны калевальской метрикой, то «Биармия» полностью написана калевальским размером. Для исследователей данный факт нередко становится поводом для обви-

нения Жакова в подражательности финскому эпосу², но это не совсем верно. Конечно, при написании поэмы Жаков ориентировался на «Калевалу», менее заметно влияние скандинавской мифологии, но оно есть, тем более если учесть, что сама тема путешествия пермян в Биармию не что иное, как поэтическая инверсия темы путешествий в Биармию викингов в скандинавских сагах. Однако всё это только средства для решения одной задачи: показать древний, дохристианский мир коми народа с его бытом, языческими обрядами, мифологией, с выраженной религией природы и соответствующим общенародным пантеоном богов. Адекватным способом решения этой задачи стало обращение к эпосу как к наиболее архаичной форме героического повествования о событиях древности.

Поэма состоит из 47 глав и отчётливо делится на две части. В первой части (21 глава) рассказывается о путешествии князя-оксоя Джеджим Пармы Яура в Биармию и его женитьбе на биармийской царевне Райде. Вторая часть (26 глав) поэмы полностью посвящена теме культурного обустройства Вычегодской Перми: это, во-первых, воспитание и обучение сына Яура Югдыморта, его длительное путешествие на Восток в поисках новых знаний; во-вторых, это культуртрегерская деятельность самого князя Яура и его соратников. Путешествие Яура и его спутников – Вэрморта и Ошпи Лыадорса – начинается с холмов Джеджим пармы – в верховьях Вычегды-Эжвы в предгорьях Тиманского кряжа вниз по Вычегде к месту её впадения в Северную Двину. Далее от устья Вычегды путешественники продолжают движение уже по территории Биармии. Из песни Вэрморта читатель узнаёт, что Яур – владетель Джеджим Пармы, ему принадлежат реки Вымь, Эжва-Вычегда, Сыктыв-Сысола, Локчим, а также озёра Симты, Сёйты, Донты, Койты. Совокупность данных территорий названа в поэме Пермью, это княжество, которым правит Яур. Вычегодская Пермь в мифопоэтической концепции Жакова является преемницей древнего царства Камской Перми, точнее, её «верхней земли» с разрушенной (по Жакову) столицей Искором. Яур является внуком царя Кора, также как Оксор, нынешний царь Биармии, является сыном Рамдая, правителя Биармии времени царя Кора.

Оксой Яур – букв. князь Яур; ср.: оксой – к. *о́ксы* «князь» / удм. *эксэй* «царь». Слова *яур* в коми языке нет, можно предположить, что необычные имена правителей Перми – Кор, Редигар, Гариона, Яур – должны, по мысли Жакова, выделить их от подданных, имеющих коми имена. Так, имена спутников Яура переводимы с коми: Ошпи Лыадорса – Медвежонок из Лыадора; Вэрморт – Лесной человек. Вэрморт – необычный персонаж. В новелле «Царь Кор» он – один из приближённых царя Кора, вместе с другими перенесённый птицей Рык из Великой Перми в верховья Вычегды, на холм Джеджим Парма. В поэме он назван «туном-волшебником», музыкантом и «сердцеведом», он – волхв, обладающий древним магическим знанием, и это знание унаследовано им от волхвов древней Камской Перми, прародины жителей Джеджим Пармы. Буквально с первых страниц поэмы читатель видит, как магическое знание Вэрморта поддерживает равновесие в хрупком мире Вычегодской Перми. Имя героя «Лесной человек» в контексте мифопоэтики Жакова также значимо. Следует обратить внимание, что поэма начинается с обращения автора-повествователя к Лесу с просьбой, чтобы он дал ему «песни величавые», научил заклинаниям тунов-волхвов и рассказал историю героев: «Лес мой древний, лес священный... //... Кто здесь был в веках минувших, // О делах их благородных». Это обращение не просто риторическая фигура, в структуре «Биармии» Лес – не просто пейзаж, на фоне которого происходит действие, это такой же действующий персонаж, как и герои-люди. Подобное пони-

² «Калевальский размер» – весьма условное словосочетание. На самом деле этот размер появляется впервые в переводе И. Буниным поэмы Г. Лонгфелло «Предание о Гаявате».

мание Леса, несомненно, восходит к мифологическим представлениям коми, где Вөр-ва, букв. Лес-Вода – обобщённое понятие Леса, включающее в себя всё, что находится в лесу вместе с реками, озёрами, ручьями и существами, которые обитают в нём. Лес сам по себе выглядит как огромное мыслящее живое существо, населённое живыми, разумными «жителями» *вөр-ва олысьяс* – деревьями, животными, духами леса и воды. От того, насколько гармоничной является связь между человеком и обитателями леса, зависит в общем и сама возможность человеческого бытия. В этом смысле Вэрморт как человек Леса является и его персонификацией, отсюда его долгожительство – он является современником Рамдая, царя Кора и Мичаморта, но всё так же молод и при их внуках – Райде и Яуре. Как человек Леса, Вэрморт хранитель и знаток священных знаний древности, сохраняемых в лесных глубинах.

В свою очередь, источником знаний мира является Золотая книга неба, которую читает небесный Бог Енмар. В Золотой книге записаны судьбы всех живых существ на земле, а также историческая судьба мира от его сотворения до эсхатологического завершения в будущем, причём всё, что написано в книге неба, имеет статус закона и не подлежит исправлению. Следит за исполнением законов Золотой книги волшебная птица Рык, пророчески объявляющая людям начало важных событий. Небесная книга Енмара имеет земной аналог, её автор – *Комиморт*, в буквальном переводе с коми языка «Коми человек», в данном случае – это собственное имя сказителя. В поэме он назван туном-волшебником, т. е. человеком, который обладает древними магическими знаниями. К нему направляет автора-повествователя волшебный Ворон, посредник между миром повествователя и читателя и миром Леса, мифа. Жаков изображает сказителя как старца (ср. Енмар – старец), который, сидя за столом в «серой» избушке, пишет свою книгу. Можно догадаться, что содержанием книги являются священные сказания древности, в том числе и история Перми – Коми земли, исполненная Комимортом лирическому герою-автору.

Е. А. Созина отмечает преемственность сказительской традиции от бога Енмара к туно-волшебнику Комиморту, а затем и, собственно, к повествователю, лирическому герою поэмы. Преемственность касается и образа книги, в которую записываются древние сказания: отражением книги Енмара на небесах является книга Комиморта в лесной избушке, сам лирический герой воссоздаёт в поэме то, что он услышал от древнего сказителя. Отсюда преимущественное значение записанного слова перед памятью народа – именно в книге должны сохраняться сказания. Сказители Жакова *читают* из книги, а не исполняют устно, как это бывает в аутентичных исполнительских традициях. Таким образом, письменная традиция трансляции эпоса имеет законный статус: она санкционирована архетипической книгой небесного Бога и освящена древними сказителями. В этой связи литературный эпос самого Жакова является продолжением данной традиции.

Биармия начинается от устья Вычегды-Эжвы. Здесь путешественников встречают первые чудеса этой страны – путь им преграждает огромная голова великана, первого стража Биармии. Это прямая отсылка к сюжету поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», где предательски срубленная голова великана также преграждает герою путь в мифическую страну. Отсылка значима: таким образом Жаков вводит финский колдовской миф Пушкина в состав мифопоэтики Севера. Однако, в отличие от пушкинской головы, голова Ягморта сохраняет не только душу-дыхание *лов*, но и душу – орнитоморфного двойника *орта*, журавля-*Тури*, имеющего в этом облике способность путешествовать и даже помогать героям. Стычка с головой Ягморта становится и первым испытанием Яура, мирное решение проблемы становится экспозицией всех дальнейших его бескровных подвигов. И действительно, на протяжении всего сюжета поэмы её герои не совершают убийств – в этом

отличие литературного эпоса Жакова от аналогичных поэм. Его поэма подпадает под тип эпического произведения, который британский исследователь эпосов С. М. Боура характеризует как шаманский. В центре внимания такого рода произведений герои, обладающие магическими (шаманскими) способностями, в отличие от героев, совершающих великие подвиги благодаря своим «природным способностям» и «естественному превосходству» – в собственно героической поэзии. Герои поэмы Жакова не убивают, они благодаря магии останавливают, изгоняют врагов или обращают их в друзей. Так, от волшебной игры Вэрморта на домбре и пения заклинаний превращается в камень Рымда – главный воин Биармии, засыпают стражи городских ворот – злые лайки и коты, засыпают жители Кардора, а, проснувшись, уже не помнят зла на героев. Магическое пение Вэрморта сродни волшебным песням героя «Калевалы» Вяйнямёйнена: последний таким же образом усыпляет жителей Похьёлы при похищении сампо, но Похьёла, в отличие от Биармии, становится вражеской страной для героев.

Эпический Кардор располагается в устье Двины, при впадении её в море: «У студёных волн, покрытых // Бурной пеною прибрежной...», в том самом месте, где теперь находится г. Архангельск. Как известно, в скандинавских сагах нет сведений о биармийских городах. Викинги могут «бросить якорь» у мыса «среди островов Вины» или подняться выше по реке на торжище, которое исследователи соотносят с местом, где позднее был основан г. Холмогоры. Но Жаков намеренно «строит» свою столицу Биармии на месте современного Архангельска, устанавливая преемственную связь города с древним северным царством. Представление о биармийском прошлом Архангельска подчёркивается и топонимом «Кардор» – к. Город, который выступает как наименование столицы Биармии, а не Архангельска³. Современный архангельский учёный, философ Н. М. Теребихин, выделяя топоним Город как наименование Архангельска, пишет: «В сакральной географии Русского Севера только один избранный, отмеченный локус называется Городом, и только он один имеет Имя». Но если Н. М. Теребихин видит сакральность Архангельска в соответствии с реалиями православных святынь, то Город-Кардор Жаковской Биармии – это сакральный центр древнего языческого мира, наделённый известными мифопоэтическими реалиями.

Топография Кардора имеет очертания средневекового городища: город возвышается над тундрой, он обнесён земляным валом и тыном. За тыном и валом – ряд кумирниц, среди которых выделяется кумирница Юмалы – небесного бога. Сам бог вырезан из ольхи, но голова его из золота, руки и плечи – покрыты серебром. В городе множество избышек жителей, а в центре возвышается синий терем царя Оксора, сына Рамдая. Мифологический облик Кардору придают его стражи: прикованный медной цепью к столбам возле ворот пёс, названный Жаковым «Цербер Севера», и огромный кот, обходящий крепостные стены. Цербер (Кербер) – персонаж греческой мифологии, трёхголовый пёс, страж Аида, мира умерших. Персонаж Жакова – обычная крупная лайка, наименование Цербер в данном случае скорее нарицательное. Но отсылка к греческой мифологии значима: Жаков включает биармийский миф в теллурический контекст, так подготавливая будущее исчезновение северного царства, его «чуждой» уход под землю. Кот – тоже далеко не случайный персонаж. Жаков прямо цитирует А. С. Пушкина, немного его перефразируя: «Кот огромный всюду бродит, // Сказки древние проходим // Шепчет в уши о минувшем // Песнь заводит беспрерывно // Кот сибирский...» Пушкинский образ Лукоморья уточняется: Жаков

³ Кардор – так коми издавна называют Архангельск. Этимология слова Кардор объясняется тем, что коми называли словом «кар» крепость, построенную в 1584 году в устье Двины, а словом «Кардор» – сам город Архангельск; Кар-дор – букв. «место около крепости».

представляет его читателю как биармийский текст, включённый в общую северную мифологию. То, что кот – «сибирский», указывает на локус Лукоморья в излучине Оби – то самое место, где на европейских картах XVII века помещалась статуя Золотой бабы. Сибирь не подчиняется Кардору, в Сибири есть свои царства со своими правителями. Но присутствие «сибирского кота» на стенах Кардора намекает и на связи Биармии с Сибирью.

Взаимосвязи «стран» древнего мира Севера Жаков показывает в сцене свадебного пира Яура и Райды. «Список» гостей князя Перми таков: царь Оксор из Биармии, волшебная птица Каленик и дух Ягморта в виде журавля-тури, вогульский князь Беренделя со свитой, царь Югры Сямдей, самодийский (ненецкий) князь Того-Лого, сибирский царь Бариткула, Кочеморт с Лузы, «кудесник» Лунморт с Сыктыв (Сысолы), Тюреньшей, «волшебник Выми», «прехитрый» Войморт с Вишеры. Эти герои, несмотря на данные им автором характеристики, почти не принимают участия в сюжетных перипетиях поэмы, их вполне можно назвать персонификациями своих локусов. В совокупности они представляют мир, известный и доступный главным персонажам поэмы. География мира расширяется в связи с путешествиями сына князя Яура – Югидморта. Прежде всего, Югидморт заново открывает землю предков – Камскую Пермь с городом Чердынь. Затем, перевалив через Урал, Югидморт попадает в город Кыштым, служит князю Чору, а затем следует вглубь Сибири в город Некор, главный город царя Бариткулы. Последнее путешествие Югидморт совершает к Енисею, к тунгусам и после этого возвращается в Джеджим Парму.

Мотив пути, благодаря которому пространство поэмы постоянно расширяется, имеет для Жакова исключительно важное значение. Герои Жакова выходят в путь не в погоне за приключениями, цель их путешествий всегда одна – поиск новых знаний. Таковы герои его новелл, таковы и герои эпоса. За путешествием князя Яура в Кардор стоит не только его сватовство к биармийской царевне, но приобщение его самого и его спутников к биармийской культуре. Так, например, после свадебного путешествия Яур учит своих подданных выращивать хлеб, ковать железо и даже письменности – как в Биармии. Его сын Югидморт отправляется в путь, потому что ему не хватает знаний хранителя древней мудрости Леса Вэрморта. География его путешествий обширна. Он отправляется на историческую родину – Камскую Пермь и гостит у царя Чердыни, затем пересекает Урал и достигает столицы Сибири – города Некор. Здесь он входит во двор царя Сибири Бариткулы, воюет с остяками, за это царь выдаёт за него замуж свою дочь Таргитолу. Югидморт совершает ещё и путешествие на Енисей, к тунгусам, но главное в том, что он добывает новые знания – вплоть до чтения «древних книг Китая» и только после этого возвращается на родину, в Джеджим Парму. Приведённый сюжет не что иное, как отсылка Жакова к его первой книге «На Север. В поисках за Памом Бурмортом», к образам странствующих в поисках знаний Пам Бурморта и автора-героя Жакова. Однако хронологически путешествие Югидморта им предшествует, т. е. в мифопоэтике Жакова оно является первым приращением языческого знания. Соответственно, выстраивается ряд знатоков языческого учения, первым из которых является Вэрморт (Лесной) как носитель чистого языческого знания Перми, вторым идёт Югидморт (Светлый), включивший в мифологию Биармии-Перми знания Сибири и Китая, следующим является Пам Бурморт (Пам Добрый), соединивший пермскую религию с философским учением индийской философии о Брахме-Брахмане, и, наконец, сам Жаков-Гараморт, наследник языческих учений, позиционирующий разработанную им философию лимитизма как синтез всех религий, наук и философии.

Игорь
ГУРЕВИЧ

Игорь Давидович Гуревич родился в Архангельске в 1960 году. Живёт в Архангельске. Автор пяти поэтических книг, четырёх книг художественной прозы – романов, повестей и рассказов. Редактор-составитель книг, посвящённых Гражданской авиации Севера, коллективных сборников прозы и поэзии. Лауреат литературной премии «Наследие» (поэзия) в 2016 году. Автор-ведущий радиопередачи «Книжная лавка» на ГТРК «Поморье». Организатор литературно-музыкального конкурса-фестиваля имени А. Грина «Остров надежды». Член Союза писателей России.

«Не мы его – нас время выбирает...»

Стихи

* * *

Уйти в переулки из просек
Нас поздняя осень попросит
Под прочные своды домов,
Где мирного хватит уюта
Для каждой неспешной минуты,
Для тихих и ласковых слов.

2022

* * *

Ночь отбелела, но ещё беззвёздна,
и оттого в ней каждая деталь
назойлива, как новая заноза,
а берег монастырский манит в даль.

Внизу река рассветной дымкой скрыта,
маячат в пойме надолбы стогов,
и серый свет сквозь облачное сито
просеивает лучший из богов.

Писатель вышел на своё крылечко,
не нарушая утреннюю тишь:
«Теперь я понимаю: вот, что вечно!
Как хорошо, что ты сейчас молчишь,
тревожный голос совести и страсти:
довольно жечь слова и обличать!»
И вспыхнул свет, и засияло счастье,
и серой ночи растеклась печать.

2022

* * *

Что лето, не родившее ни строчки?
Поэзия, останься сиротой
среди травы, листочков и цветочков
и, как поётся, вечно молодой,

как тот мужик, что приходил к нам в кепке,
а уходил с портфелем и бревном.
Собрали всё – морковь, картошку, репку,
жару запили водкой и вином.

В том нет поэзии, а только проза, проза.
Зато какая! На разрыв души.
Яснеет даль, и холодеет воздух.
Не задыхайся. Не спеши. Дыши.

2022

СИЮМИНУТНОЕ

Ты умеешь со временем обращаться?..

Каблучками цокая по брусчатке,

убегают минутки на тонких ножках.
Подставь тонконогой такой подножку:

упадёт, разобьёт себе колено –
и тебе на минуту дольше до тлена.

Но минута – женщина, а ты – мужчина:
обидеть женщину – стать скотиной.

И ты вслед улыбаешься, рукой машешь.
Каждая новая предыдущей краше

и каблучками цокает легко и звонко:
не женщина даже – всего лишь девчонка,

Защитить такую, не обидеть – это счастье!

Ты умеешь со временем обращаться?..

2022

* * *

Вокруг царит опустошенье –
листвы затихла кутерьма.
В зашторенном окне – скольженье
теней. Так движется зима:

нисходит тихо с небосвода,
едва заметно, чуть дыша –
туда, где бродит нищевродом
скупого города душа.

И нам нехстати торопиться.
Но, край упадка перейдя,
вот ускоряется, вот мчится
и плачет хуже, чем дитя,

и воет волком по дорогам...
Метель? Кому ж ещё здесь быть,
кому перед высоким Богом
по нам с земли стонать и выть?..

2014–2022

* * *

Не мы его – нас время выбирает,
не отвечая, что там впереди.
Но, как ни пробуй, оказаться с краю
не может странник, брошенный в степи:

всё время горизонт перед глазами –
восток иль запад, север или юг,
мы в центре мира, а Господь над нами.
Нет, не над нами, он всегда... вокруг.

2022

* * *

У детства были мамины глаза...
С тех пор мне серый цвет тревожит память.
Когда из женских глаз течёт слеза,
я почему-то думаю о маме.

Но я не помню материнских слёз –
был в детстве молчалив, послушен, сдержан.
Когда же ветер странствия унёс
меня за непонятною надеждой,

когда из детства я в любовь сбежал –
не мамину, а в ту, что слаще мёда
и горше лука, и гранитней скал,
и легче пуха, и большее йода

для ран открытых, в ту, что наповал,
не целясь, валит и бросает в пламя –
свет глаз родных из вида потерял.
Я вообще не вспоминал о маме...

Вокруг царили карие цветы,
зелёные и синие, как небо.
О, те глаза небесной красоты!..
Сквозь них я уплывал в такую небыль,

которую... Да что там говорить!
Отец писал: «Давно не пишешь маме.
Она всё плачет...»
Я спешил любить.
О чём писать? Какими, блин, словами?!

Однажды позвонил: «Ты вот что, мам...
Я тут невесту привезу на лето», –
а сердце разрывалось пополам
как после марафонской эстафеты.

В ответ – молчание, эфира тихий треск.
Потом осипший – разве мамин? – голос:
«Ты одурел?!. Нет! Никаких невест.
Прошло всего два года после школы.

Сначала...» Дальше слушать я не стал:
скорей на воздух – к женщине любимой.
Дышала Волга. Таял снег – сбегал
с холмов к реке. А в небо – струйки дыма:

на высохших местах сжигал листву
довольный дачник (не было запретов)...
То время я «счастливым» назову
и жизнью расплачусь потом за это.

Но те полгода!.. Шалашовый рай,
тревожные мгновения познанья
друг друга, узнавания край,
после чего нет выбора...
На грани

между «моя-чужая», «мой-чужой»,
когда, в какую сторону качнёшься –
там и завязнешь...
Волжскою весной
мы выпивали страсть любви до донца!

Не открывалось ничего на дне.
И вновь в стакан текло «Киндзмараули»,
поскольку всё же истина в вине:
неужто музы Блока обманули?!

...Пройдут года. Дочь вырастет и сын,
а я сменю квартиры и постели,
испробую удачу, счастье, сплин,
успех, потери и... опять потери.

Ни разу не жалея ни о чём,
прощусь навеки, не прося прощенья...
Но, впрочем, каждый может о своём
раздать другим свои нравоученья –

убереги от этого, мой бог!
Одно лишь на душе не заживает,
что маму я тогда понять не смог...
Но, впрочем, мама тоже понимает,

хоть мы не говорим об этом, нет
(былому – прах, обидам – отпущенье).

Я вижу серых глаз печаль и свет,
а в них – любовь, надежда и прощенье.

2022

* * *

Просочится сквозь пальцы туман,
и останется влагою грусть.
Из далёких неведомых стран
я к тебе никогда не вернусь.

Ты оклики меня, милый друг,
этой осенью стылой, чужой.
Слышишь? Тянутся птицы на юг
и твой голос уносят с собой.

Я узнаю его, различу
там, в заоблачной выси седой,
и ладони твои освещу
одинокой и яркой звездой.

Ты узнаешь меня, милый друг,
по касанию нежных лучей.
Это тянутся птицы на юг.
Это осень, что стала ничьей.

2014

РУКОПИСЬ

Рукопись права гореть не имеет,
как ни старайся дрова засушить.
Это мне кажется или старею?
Стёрты до колышков карандаши.

Скошена травушка – чёртова скорость
жить и любить! Ощетинился луг.
И на губах лишь полынная горечь
прошлых потерь и грядущих разлук.

Выбежит месяц, околицу бросив
чёрной уздой на загривок села.
Кажется мне?.. Или всё-таки осень,
всё-таки осень меня догнала...

2014

* * *

Мы перестраиваем дом. Мы перекраиваем время.
Мы покидаем старый год, прощая прежние грехи.
Перекрещён последний гром. Посажено под зиму семя.
Последний сорван спелый плод. И поперхнулись петухи,

будившие нас по утрам своим надтреснутым фальцетом.
Мы приготовились к пути. Нам стал понятен горизонт.
Остались «недо» двадцать грамм. Осталась песня недопетой,
незавершёнными стихи, недозабытым летний сон.

Из просек, опустевших вдруг, уйдём в сырые переулки.
Из опадания листвы – в мрак одичавших городов,
в разорванный разлукой круг, где голоса пусты и гулки,
где ночь незыблемо глуха и неподкупно век суров.

БРОДСКИЙ. ПОБЕГ

И, значит, остались только
иллюзия и дорога.

И. Бродский

Луна в треть небосвода.
Лес облетевший гол.
«Куда вы, Бродский?»
«В Броды».
Поднялся и побрёл.

Из Норинской, что в спину
сощурилась скорбя:
зачем он вдруг покинул
то, что берёт, любя?

Но Галицкое семя –
то Польша? Или нет?
И Бродский брёл за всеми
на негасимый свет.

Пути не выбирая
и правды не ища.
Так шёл Адам из рая,
на Бога не ропща.

Ночь не вмещалась в раму.
Никто не правил бал.
А где-то пела мама,
но он не понимал

её язык гортанный
то сладкий, то хмельной.
С улыбкой хулигана
прощался со страной.

«Куда вы, Бродский?»
«К маме».
...Звени-звени, капель.
Вот выставлена рама,
распахнута постель.

«Ах, бедный, бедный Иосиф,
зеркальный мой жених!» –
то ветер звук доносит.
А получился стих.

Вот кончилась дорога –
и больше нет погон.
Нет нового порога.
Нет северных ворон.

Мороза. Снега. Ветра.
И счастья тоже нет.
И только километры
на негасимый свет.

И только сердце знает,
где истины Грааль.
«Куда вы, Бродский? С нами?»
«Нет. В призрачную даль».

Бьёт океан по борту.
Моргают маяки.
«Куда вы, Бродский?»
«К чёрту.
Прощайте, земляки».

«А нам туда не надо».
«А я и не зову».
«Но мы ведь были рядом?..»
«Не слышу вас... Плыву...»

Что для зимы награда,
то для весны слеза.
«Но мы ведь были рядом?» –
опущены глаза.

Луна в треть небосвода.
«Ты нас не забывай
в своих забытых Бродах,
разменянных на рай».

Сбегают елей гребни
из Норинской. На снег
из рук – раскрытый требник.
Россия. Прошлый век.

2018

* * *

Вкус бергамота в густеющем чае.
Запах малины на краешке ложки.
Полночь с повадками брошенной кошки
слишком настойчиво ветви качает

сонной сирени, ещё не расцветшей
в мутном окошке, ещё не помытом.
Женщина, Ольга, а может быть, Рита –
всюду разбросаны женские вещи.

Быкова Дмитрия томик блаженит
в тонком капроне телесных колготок.
Всё остальное из ТАССовских сводок,
навранных из фронтовых донесений.

Всё остальное и помнить не стоит,
главное – планоно мы отступаем.
Вкус бергамота в густеющем чае.
Запах малины и зеркало злое.

Женщина Рита, а может быть, Ольга –
долгие проводы, лишние слёзы.
Платье в горошек из древней вискозы
так и останется, в складках иголка.

Вспомнила: шить на дорогу – примета
не из хороших.
Оставила это –
старое платье, в дурацкий горошек.
Вкус бергамота.
Малиновый запах.
Голые ветки в окошке на запад...

Вешними водами смыто-забыто...
Ольга, останься...
А может быть, Рита?

2013

ПОКОЛЕНИЕ ПЕРВЫХ

«По колено и по... – на любые ответим вопросы!» –
Говорила нам молодость, под уздцы подавая коня.
Если что-то не так, за нас матери нынче попросят
У ментов и у бога, себя в нашей дури вина.

И смотрели они в наши наглые гордые спины,
Между острых лопаток осеняя защитным крестом.
Нам казалось, что мы прямиком отправлялись в мужчины,
Когда щупали девок на детских площадках тайком.

Когда жрали вино и, ни разу войны не изведав,
Из обрезов по банкам шмаляли на пустырях,
И на равных со взрослыми пили за нашу победу,
Полагая, что прав только тот, кто не ведает страх.

Мы росли как умели, пока наши мамы старели.
Мы кичились могуществом нашей великой страны.
Только в этой стране стать мудрее отцов не успели –
Поколение первых, что выросло после войны...

2020

* * *

Ранимая до слёз неряшливая осень
распустит узелок лесного ручейка,
и упорхнёт листва в темнеющую просинь,
по следу птичьих стай прольются облака.

И в Спасе на крови последнего заката
проступит лунный свет грядущих зимних дней,
и всё, что мы сочли потерянным когда-то,
проявится ясней,
проявится ясней...

2014

НАША СКАМЬЯ

Голытьба мы с тобою. Осталось продать наши крылья.
Никому не нужны: я пытался – послали на три.
Небо плачет по нам, по забытой своей эскадрилье
и закатом осенним прощально и щедро горит.

Остаётся взойти на сиротские холмы отчизны,
напоследок вдохнуть полной грудью пространство и грусть.
Мы искали судьбу, а нашли часословы для тризны
и по камню – на грудь.

Не печалься, мой друг, нам счастливая выпала доля:
на высоком холме, от скрещения руки убрав,
распахнуть наши крылья – обнять бесконечную волю
от ближайшей избы до последних ночных переправ.

Это право – любить – никаким не подвластно законам,
даже ангельский штаб предписаний на то не даёт.
Ты кричишь: «От винта!» – где-то эхом в ответ: «По вагонам!»
Нас дорога зовёт.

Так и надо, мой друг, вопреки, не считая копейки,
за рубли не давясь, не завидуя льготам чужим...
Не дойти до холма? Так давай добредём до скамейки
и, отбросив судьбу, со скамьи в небеса улетим.

Наше право любить – никаким не подвластно законам,
даже ангельский штаб предписаний на то не даёт.
Остаётся скамья. Остаются дома и перроны.
Мы уходим в полёт.

2016

* * *

Дышали в темноте, углов не различая.
Так остывала ночь в мышинной тишине.
А где-то купола Святую Русь венчали,
и плакал человек у Горького на дне.

Былое в думах жгло и молотком стучало,
выковывая серп для жатвы новых дней.
И новый юный царь всё начинал сначала,
поставив на дыбы и время, и коней.

Пределы есть всему – нет ничему предела.
Лишь где-то в вышине за тканью облаков
смотрел на этот мир и ничего не делал
уставший от людей и лучший из богов.

2022

* * *

От небес до земли
строчки снега легли,
закружились неспешно –
долгожданная весть:
«Что-то там всё же есть
в чистой выси нездешней!»

Шапку прочь с головы –
ртом снежинки лови
и стесняться не надо!
А всего-то – на век
с неба падает снег...
Где-то бабушка... рядом...

2022

* * *

Не так уж много истин есть у Бога,
но где та самая, которая одна?
С порога начинается дорога,
порогом завершается она.

И всё равно, едва весна проснётся,
капли звоном обозначив: «Жить!» –
захочется из дальнего колодца
воды напиться и достать ножи

(коли мечей наш век не принимает)
и наточить, и в путь собрать рюкзак.
Непостижима красота земная,
да и небесной не познать никак.

Но поутру замрёт в венце терновом
знакомый призрак – тенью на крыльце.

И вспомнится: «В начале было Слово».
Оно ли нам откроется в конце?

2021

ТРАНЗИТ

Хрипит больница. Стонет и хрипит.
Должны мы выздоравливать, как мухи.
По коридору шаркают старухи:
у бога на призывы свой лимит.

«Я отродясь не верила в него.
Но отпустил бы с миром. Я молилась».

Сестра дежурная куда-то в щель забилась.
И снова стон. И снова – никого.

Попытка в сотый раз уйти в астрал –
сон не идёт. Провалы. Шум прибора.
Соседа жар смертельный беспокоит:
кричит, хрипит. За стенкой кто-то встал.

Со всех сторон: «Сестра, сестра, сестра!..»
И – наконец-то! – верно: «Где ты, сука?!»
Как ты долга, ночной юдоли мука!..
И мимо – очищения ветра...

Засуетились. Вспыхнул яркий свет.
Укол всадили – злобно и неловко.
«Как нас достали эти все уловки!
Ну, почему больных нормальных нет?

Лишь бы орать, лишь бы гнобить сестёр...»
Инфекционка. Наша медицина.
«Больной, заткнитесь, будьте же мужчиной!»
А он хрипит – и что-то про костёр:

уже два месяца лежащий полутруп –
арктическая вахта. Боже правый!
Сначала глотку сжёг – зачем? – отравой,
потом ковид. Сквозь нитку чёрных губ –

ни щели в лёгких воздуха принять.
Наружу рёбра, косточки. Освенцим.
И видно, как сквозь кожу бьётся сердце:
видать, ещё хранит родная мать

и молится за тридевять земель:
ему не пережить полёт до дома.
Сначала – выжить как в огне содома,
перестрадать больничную постель

под кислородной маской.
Эй, боец!
И нет конца войне на свете этом.
Сын эсэмэску шлёт: «Тебя всё нету...»
Он прочитал и прохрипел: «Пипец...»

Из коридора бабка приплелась:
«Ты что, сынок? Ты потерпи немного.
Уже идёт небесная подмога».
«Как скорая? Ещё не добралась...»

Хрипит больница. Стонет и хрипит.
Должны мы выздоравливать, как мухи.
По коридору шаркает старуха,
на серых ножках ждущая транзит...

2021

ПИСЬМА ИЗ РИМСКОЙ ПРОВИНЦИИ

«Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме»
Гай Юлий Цезарь

«Если бы они видели, какую замечательную капусту я выращиваю,
то больше не стали бы досаждать мне».
Гай Валерий Диоклетиан

1

Провинция, лишённая любви,
давно не верит в древнюю столицу.
Здесь проще от похмелья удавиться,
чем доказать, что боги не правы.

Да, не правы. Не иногда – всегда,
как небо, что терзает землю нашу,
ту самую, которую не пашем,
считая до дожития года...

Провинция уставшая моя,
ты всё ещё поёшь осиротело
среди снегов или под ночью белой,
о чём-то не пойми кого моля.

Не пой, не плачь и не тяни руки:
брать милостыню – вредная привычка...

А Пушкин самодержцу пишет лично,
в деревне изнывая от тоски...

2

«В провинции всё так же – тишина», –
писал сенатор золотого Рима.
И было для него неоспоримо,
что скудный мир счастливей, чем война,

блестящая от золота побед,
народная, великая, святая...

«Уж месяц как жара стоит большая –
теперь на урожай надежды нет:

что Рим пришлёт, тем и готовы жить».
Сенатор усмехнулся, ставя точку.
Под водостоком засыхала бочка.
Слуга ворчал: «Такая наша сыть...»

На лавке – балалайка три струны,
заморский инструмент гипербореев.
«Там снег и тьма, но мало иудеев,
а значит, больше мирной тишины...»

И отставной сенатор дописал:
«Я покидаю римские пенаты», –
когда во двор к нему вошли солдаты
напомнить, кто в империи вассал.

2021

МИНУТА ОСЕНИ

Октябрь, октябрь, роняй листву, роняй,
готовь деревья к изморози жгучей.
Светлея по утрам, небесный край
уже не обещает жизни лучшей.

Гусиный крик – засохших веток треск,
сгорающих в осеннем костровище.
Простились. Тишина стоит окрест,
и только дождь гриб запоздалый ищет.

Захочется сказать: конечен срок.
Но что слова в столь очевидной грусти?
Октябрь, октябрь, очередной урок
о том, что осень шанса не упустит

напомнить о конечности пути,
о бренности желанья по сути.
Какое счастье вечность обрести
в прощанья томительной минуте!

2020

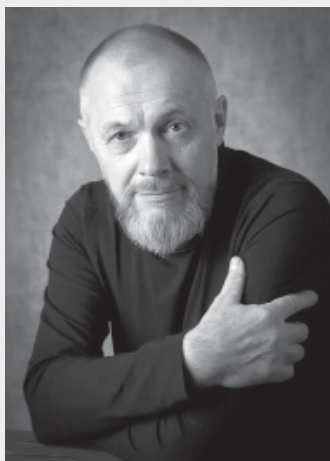
* * *

Лети, моя звезда.
Мы что, с тобой не можем
любить и не дрожать,
не думая о том,
в какие закрома
накопленное сложим
и где посадим сад,
и как построим дом?
Мы в этот мир пришли
наги и неуспешны,
наш первый вздох и плач
никто не разделял.
Лети, моя звезда,
я в высоте безгрешной
твой одинокий свет
во мраке различал.
Я многого алкал,
соблазнов не гнушаясь:
до горней вышины,
казалось, шаг один –
так думалось порой

по пьянке, за сараем,
между таких, как сам,
неряшливых мужчин.
Лети, моя звезда,
и не сбивайся с курса,
и не жалея меня –
за что меня жалеть?
Падения одних
всегда приводят в чувство,
других не отрезвит
и ангельская плеть.
Я этим был и тем –
но был ли сам собою?
Лети, моя звезда,
гори, не угасай!
С единственной тобой
я связан был любовью.
О том ли серебрят
вечерняя роса?
О том ли шелестят
серебряные листья
напуганных осин?
О том ли шепчет плёс?
Лети, моя звезда,
в недостижимой выси,
свой оставляя след
среди таких же звёзд.

2014

Владислав
ПОПОВ

Владислав Владимирович Попов родился 11 декабря 1961 года в городе Архангельске. Живёт в деревне Покшеньга Пинежского района Архангельской области. Автор трёх сборников стихов и двух книг прозы «Ворота в синее поле» и «Росёной хлебушек». Лауреат премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина в номинации «Проза». Лауреат премии «Чистая книга» имени Фёдора Абрамова (специальной премии «За вклад в развитие северной литературы»). Член Союза писателей России (2013).

Токна

Рассказ

Темно в избе. Теплом печь дышит. Зимняя рама ещё не вставлена, и слышит Токна, как шелестит трава за тонким стеклом, как шиповник царапается в стену, как ветер посвистывает. Ползёт капля по стеклу. И вдруг – ровно шаги, тихие, осторожные. Подошёл кто-то, постоял, о стену опёршись, вздохнул печально и тихо.

– Кто кодит? – спросил Токна с кровати.

– Никола-бог ходит, – внятно ответил голос. Дерево скрипнуло. Зашелестела трава под окнами.

– А чего кодишь? – спросил Токна.

Не ответил никто. То ли ушёл, то ли стоял у прясел, на реку смотрел. Выглянул в окно Токна – никого не увидел. Темно. Река едва-едва звёздным светится. Снова лёг Токна, думает, плохо без собаки. Собака – уши дома. Но не боится Токна, так просто про собаку думает. Дверь на завёртушке, окно узкое, а он старый, а старому – чего бояться? Уснул Токна, подсунул ладошку под щёку и уснул. Приснилась бабушка Маша: сидит за швейкой, заплатку ставит и говорит:

– Вот такой у вас батюшка! Сама не знаю, пошто вас так называет? Петко, Санко и Тохна!

– Токна! – повторяет он во сне и улыбается.

– Вот непутёвый! – смеётся бабушка Маша. – Тохна, Тохна ты! Отчего «х» не выговариваешь? Скажи: х!

– К! – повторяет Токна и заливается. И Петко, и Санко тоже смеются.

Утром, часов в шесть, светлеет, несмело, робко. Токна уже по избе ходит, день наставляет. Топит голландку-печь, варит в чугуне картошку. Заливает овсяные хлопья крутым кипятком. Соли-сахару щепотку – вот и каша под крышечкой готова. На крыльцо выходит Токна, черпает ковшом воду из бидона, цедит ледяную тихонечко, во рту катает. Ломит зубы, лоб холодом давит. Льдинки о край бидона бьются, толкутся стёклышками. Качается в стёклышках небо. Радуетса Токна: ведрие, дождя не будет! В деревню-то невесело под дождём ходить.

Каша поспела, чай поспел. На медный поднос – приданое бабушки – ставит Токна еду, во двор выходит. Сидит на лавице. Скребёт ложка по алюминиевой миске, подбирает кашу. Пар над кружкой вьётся. Соль подмокла, и солью подмокшей хлеб пахнет. Над горой небо серое, над Истоками –

синее, холодное. С листвы вся иголлка рыжая на землю упала – снег близко, да всё не идёт. В прошлом годе шугу несло, по всему берегу шуршало, а сейгод запаздывает! Как понесёт шугу, впряжётся Токна в верёвку, поволочит на гору лодку-осиновку. Одна! Одна на все деревни осиновка у Токны осталась. Сядешь в неё – до воды ладошка, а ходкая! На воде – как пёрышко! Пока свой моторчик заводишь, пока прогреешь, пока на поводь шестом выправишь – Токна на осиновке уж Пинегу перебежал! Сидит в корме Токна, вёселко слева-справа ходит. Гребёт, спина прямая, глаза от воды блестят. Лавочка скрипит, косточка в плече у Токны в ответ поскрипывает. Жалуются друг другу: старые стали!

Доскребаает кашу Токна, пьёт чай, греет о кружку пальцы. Корочку хлеба на столбик кладёт. Прилетит сорока, обрадуется. Ешь, сорока! Кто ещё хлебушком тебя угостит?

В десять одевается Токна, будто на праздник пойдёт. Переменяет рубаху, старую, вылинявшую на плечах и лопатках, на новую, в клеточку. Штаны достаёт синие, выходные, шуршащие. Сапоги зелёные из ЭВА натягивает, курточку стёганую на вате. Бьёт кепкой о коленку и на голову устраивает. Рюкзачок на плечи – вот и всё! Готов молодец!

В гору на околок, там полем и рощей, четыре ручья, четыре моста, два крестика оветных, один лес да снова деревня – поселение! – а в деревне – лавка, а в лавке – хлеб! Возьмёт Токна хлеба, масла солёного, красноборского, пряников да сухариков, чаю чёрного, широколистного. И слава Богу! Рыбка-то своя есть – в речке плавает.

Продавщица Светлана Токне радуется:

– Пришёл, так чего мало берёшь? Бери водочки!

Токна виновато глядит на вино: полки широкие, какого только нет! И говорит, будто оправдывается:

– Так я давеча брал, Света, да всё и не попробовал!

– Не попробовал? – изумляется Света. – Ни стопочки?

– Не попробовал, да мне и так корошо. С кем пить-то? Не одному же? Да и зачем?

– Тогда молока возьми, – предлагает Света, – хорошее молоко, долгоиграющее!

Токна, чтоб угодить, берёт, потом садится на табурет у печки, всем головой кивает, кто ни зайдёт, всех слушает. Сразу видно: соскучился! Господи, людей-то сколько! Вот тут-то вся и жизнь!

Предлагали Токне домик в деревне: всё одно пустой стоит! В деревне с людьми, все вместе, все рядом. Посмотрел он домик, посидел на железной пружинной кровати, поглядел на углы, пустые они, чужие, открыл дверцу и в печь заглянул, а там и угли не те, не родные. Вздохнул горько и ночью к себе ушёл, чтоб не увидели. Родное-то разве предашь?

Час-два сидел Токна, все новости вызнал, а уж в третьем домой задаваться надо, по солнышку-то весело идти! Листва слетела. Сквозисты чёрные роци, не птицами – сквозняками полны. В тени трава смёрзлась – не отошла с ночи, блестит, как солью посыпанная. На крыльце почтовом Виктор сидит, следит, как подходит Токна, протягивает ладонь, тяжёлую, мягкую:

– Догнала меня водочка, отдыхаю... Домой?

– Домой! – отвечает Токна. – Куда ж мне ещё?

На почте спрашивает:

– Клавдиевна! Есть ли мне письма?

– Пишут тебе, Толя, ещё пишут! А от кого писем-то ждёшь?

– Думал, Санко напишет или Петко.

– А ты им позвони, Толя! У тебя же мобильник есть!

– Не отвечают! Звоню-звоню – не отвечают. Может, симку сменили или умерли?

– Газеты купи! Газеты новые привезли! «Аргументы».

– Да ведь у меня телевизор есть! Ты лучше мне овсянки дай. Первого номера. Я пачки три возьму.

Душно на почте. Окна плачут. В печке железной, круглой, как бочка, головёшка чадит. И всё вокруг синенькое: синяя стойка, синие полки, синий сейф в углу, даже двери и матица синие. И от синего грустно Токне и неловко отчего-то.

– Давай и «Аргументы», почитаю! – говорит он. – И батарейки для фонарика.

Она склоняется к компьютеру, морщится, елозит по столу мышкой. Личико становится бледным, усталым, в морщинках капельки светятся, и прядочка крашеная ко лбу прилипла. Чего так печку топит?

– Как ты там, Толя? – спрашивает она и подаёт в окошечко сдачу.

– Корошо.

– Да где хорошо-то? Всё один да один. Вот не взял меня замуж!

– Да ты ведь мала была.

– Да и ты помоложе был...

На краю деревни у крестика Токна останавливается. Смотрит печально за спину, на дорогу, на избы, на почту с белой тарелкой. Мечтает, дойти бы скорей до дома. Дома хорошо, дома ладно, дома уж как-нибудь...

Идёт Токна, прижимает к груди пакетик с молоком. Бьётся молоко в картонные стеночки, будто сердце в ладонь бьётся.

Набрякли ручьи болотной водою, шумят в режах под мостами, песок несут, траву дёргают, твёрдую, осеннюю.

– А дома лучше, – с мягкой грустью уговаривает себя Токна. – Господи, воды-то ещё сколько! – думает он и удивляется. – Бежит, бежит, как весною, всё успокоиться не может. Конец октября, а снегу и не выпадало! Вот разве ведрие сейчас, так не ко снегу ли?

В лесу тише, темнее. Листья осины толсто лежат на тропе, тяжёлые, широкие, сырые, жёлто-рыжие, и всё от них светится золотым и рыжим: и стволы, и сучья, и мосток через ручей. В ямах, где брали глину, вровень вода, чистая, прозрачная, как промытое дождём стекло. Токна обходит холодные ямы и косит глазом, нет ли где гриба, красноголовика? И тихо, тихо, хоть бы синица пискнула. Ответный крестик белеет полотенышком. Монетки ржавые на перекладинке. Иконочка под стеклом истлела.

Остановился Токна, надорвал уголок пакетика, отпил молока на глоточек. Потом ещё и ещё глоточек. Представил, перельёт в банку, и будет молоко в чистой банке на столе стоять, белым светиться. И хорошо будет, уютно.

Повернула тропа направо, запетляла вниз к луговому свету. Веяло оттуда травяным и солнечным. И когда запах подсохшей земли дошёл до него, обрадовался Токна, зажал пакетик и на свет кинулся. Вспугнул зайца.

Распахнулся лес. Встал Токна, как на пороге, и шагнул вперёд с облегчением и в радостной устремлённости. И шёл Токна дорогой, и часть его пребывала в радости, а другая была в недоумении и в горечи, как сон казалось то время Токне, когда в каждом доме жили. Там свадьбу играли, там низку сновья изладили, там пела Панечка над внуком: «Егореюшко мой, серебреюшко...» И везде был Токна, говорил со всеми, работал со всеми, песни пел долгие и пиво пил сладкое, за реку перевозил, и – вдруг один остался. А голоса звучали...

– Господи Иисусе, помилуй мя! – прошептал Токна и вздрогнул, осознав, что повторил нечаянно слова бабушки Маши.

Далеко внизу, за травой, за сосенками виднелась крыша его избы, и свернул к ней Токна, напрямик побежал, рвал ногами траву густую, думал, не выдержит сердце, однако осилил...

Здесь, на побережье, поставил избу Токнов дед. На самце носком топора вырезал год 1928 и рыбку тоненькую с усиками, гыча. Ибо был дед из рода Гычей, и все его прадеды, и все его сыновья и нерождённые внуки были и будут Гычами. И Токна тоже был Гыч. И на каждом весле и на каждой деревянной лопате вырезал Токна юркую рыбку с усиками. А пошто они все были Гычами, Токна не ведал, спрости чего полегче. Вот и избу, на то и Гычи, у самой реки поставили.

– Льдом собьёт, сроеет! – говорили люди с горы.

Да вот не срыло! Глядел дом всеми девятью окнами на реку, и было в нём бело от водяного холода и блеска, будто рыбьей чешуёй светился. Клёцком, поправлял Токна. И не росло у дома ни куста, ни берёзы – не желал старый Гыч, чтоб простор заслоняло.

Дома на горе всё на лес смотрели, на сузём сырой и тёмный, вращали дворы друг в друга жердями прясел, заплотами, черёмухой смердливой, малинниками да смородой, запахивались дымами и горечью бань по-чёрному, сплетались голосами да песнями. Было ли? Был мир – не стало мира. А он, Токна, живёт... зачем?

Пьёт Токна чай на лавочке. Вода в Пинеге, как стеклянная, не шелохнется. И глубока тишина осенняя. Далеко, в верстах двенадцати, заревёт, забубнит водомёт, оторвёт баржу от красного берега, за реку потащит. Людей повезёт, машины. И думает Токна, какая земля большая, из конца в конец спешат люди. А у него вся бродня – на болото да в лес, да в деревню за хлебушком. А уж за рекой не помнит, когда был.

Деревня Токны уродилась небольшая. Семь дворов. Околок. И населяли дворы Голуби да Медведи, Галицы да Пестряки, Сушонки да Конды, был дед Кочерга да Токна из рода Гычей. У каждого рода в деревне своё прозвище было. Богата была в старину деревня! Любая девка мечтала, чтоб Голубь или Медведь к ней посватался. Да и Пестряку и Конде была бы рада, не отказала. А Машенька Кокорина за Гыча пошла, рыбку любила, и подарил ей молодой Гыч серёжки серебряные, чусы, по-нашему. Светилось в чусах зерно жемчужное, меленькое, речное, как молоко с голубикою. Ахнула Машенька и приняла Гыча. И имя новое приняла, Чусой прозвали. За серёжки серебряные. А была она с вершины, с Печища, из рода Крюков, которые никогда прямо не ходили, а крюками только, за деревню.

Весело жили, робили трудно и много, пиво варили, у ручья общественная пивоварня была. Но то, что бывалоче, не то, что теперече. Торчит из сухой травы пивной котёл, разъехался, пустив трещину сверху до самого доньшка. Вот так и жизнь пустила трещину, и вся сила через трещину вытекла, выцедилась. Не зажмёшь ладонями.

Перелил Токна молоко в баночки, сголубело оно, утихло. Одну на холод вынес, прикрыл сверху блюдечком.

Поглядел на Пинегу: холодно, синё. Час-другой и в сумерки. Забухмарится. Из-за леса туча вылезет, как полохоло. Горе, горюшко гороховое...

Токна дожевал на лавице размоченный сухарик, отряхнул со штанин крошки, опёрся на колени, угнездил в ладонях, как в чаше, круглую голову и замер. Заходил ветер, закачалась лодка. Ворона прилетела, стала бродить по слуде, переворачивать клювом плоские камешки. Трава зашелестела, словно дождь мелкий по траве пошёл. И задумался Токна. Очнулся – подошёл кто-то, рядышком сел. Покосился Токна: худой, горбатый, скулы-то так и выперли, бородашка седенькая, там густо, здесь пусто, и глаза светлые, серые, как вода в Пинеге. Руки тяжёлые, длинные, казанки белые, как восковые. Жилочки голубенькие промеж них тянутся. На голове шапочка вязаная. На плечах, уж бог знает что, плащик – не плащик, накидочка, на груди верёвочкой стянутая.

– Здравствуй, Анатолий! – сказал нежданный гость. И не удивился Токна: все его зна-

ли. Любого спроси, и любой ответит: «Перевозчика-то? Знаем! Жив ли ещё?» «Жив, – ответишь, – да перевозить только некого!»

– Перевезёшь ли меня на тот берег?

– Чего ж не перевезти, – ответил Токна. – Лодка, вон она, под берегом. Вёсла только взять надо.

Не хочется Токне вставать, думает, ещё чего-нибудь гость скажет, а тот молчит, на тот берег смотрит. Шевелит ветер его бороду, вороток у накидки треплет, полы свивает.

– А то пойдём, – предлагает Токна, – чаю выпьем.

– Да и рад бы, – устало улыбается гость. – Да только мне на тот берег по свету надо. Попьёшь с тобой чаю, опять слабости поддашься, а мне нельзя.

– Какая слабость чай? Я ж не водку зову пить! Не видал я тебя раньше! На нашем-то берегу чего управлял?

– На гору к вам ходил, храм навещал. Давно поглядеть мечтал. Прадед мой у вас дьячком служил. Матвеем звали. Слышал ли про такого божьего человека?

– Не, не слышал, – тряхнул головой Токна. – Ни дед мой, ни бабушка моя Чуса Матвея твоего не поминали, видно, и для них давно было. Тебя-то самого как звать?

– Авенир я, – ответил гость.

– Авенир, – повторил Токна. – Не знавал я такого имени.

Вздыхнул и пошёл за вёслами. Сначала в избу заглянул, сунул руку через порог, снял со спицы куртку, шапочку поглубже натянул на уши. На крыльцо вышел. Сидит Авенир, ссутулился, ждёт Токну, ногу отставил – болит, что ли? Да у кого кости в лета такие не скрипят? Не ноют, едва почуяв сырость и ветер? Вот и у Токны спина со вчера к погоде болит. Вспомнил, как дед усмеялся: «Тяжела погода! Уж поднимали, поднимали, а поднять не могли!»

Нёс Токна вёсла, одно длинное, перо узкое. Другое – лёгонькое, короткое. Спустились к реке молча. Слуда широкая, жёлтая, как кость алебастровая. По воде рябь идёт – спустился ветер. А за рябью гладко, чисто, и в чистом облаке отражается. Коротко взгревели о лодку вёсла – испугался куличок грому, побежал, замахал узенькими крылышками.

– В корму пока сядь и за оба борта держись! – велел Токна. – Вдруг вильнёт, спихивать буду.

Раскатал новые бродни до самого верха, заскрипел ненадеванной резиной, согнулся, уцепился левой рукой, правую руку – глубоко вниз, растопырив пятерню, подсунул, обхватил острый нос осиновки.

– Ну! – выдохнул. Зашуршала осиновка по слуде, по колышку круглому и сошла полностью в воду. Токна и сам в реку сошёл, удерживая, развернул лодку как надо и велел пересесть Авениру не в середину, а на шаг ближе к носу. Затем повёл осиновку туда, где слуда вглубь обрывалась. Журчала вода. Как пёрышко, скользила осиновка. Наконец, Токна протолкнул её вперёд себя и в корму на ходу запрыгнул. Тут же сидя подхватил коротенькое весло, улыбнулся весело, будто вина выпил, и почал гребсти, споро, наискось, поперёк течения. Из-под берега вышли, обняло холодом, широким, ровным, да весло грело. Река распахнулась и цвет поменяла. Прежде у берега вода бежала жёлтая, чайная, густая – всё из-за ручьёв, а теперь чистенькая побежала, беленькая. Над косою пошли, Токна перестал гребсти – само выведет! – так в прозрачности видно было, как текут, перекачиваются песчинки по зыбучему дну, посверкивают на солнышке. Ударил Токна веслом о край заструги, подвернул лодку и пошёл махать слева, справа, забрасывал весло и словно подтягивался к нему, весёлый, раскрасневшийся. Взмокла сразу рубаха под курткой, рванул ворот и грёб теперь только слева, чисто, сильно, забираясь в вершину, и вдруг неожидан-

но положил весло поперёк колен, выпрямил напряжённую спину, блеснул гордо глазами:

– Всё! Пускай само волокёт! Видишь, Авенир, кол? Вот к тому колу само и притащит. Задубел?

– Ничего, – скромно ответил Авенир и стал глядеть молча на левый берег, где виднелась изба Токны, где рощица, сбегаящая вдоль ручейны к реке, озарялась посередине верхушкой золотой осины. Выше, над деревней, тянулась к небу церковь, как веточка сломленной ели.

А Токна с любопытством разглядывал Авенира: «И волос под шапкой густой, сивый. Нос переломлен. Откуда пришёл? Зачем? И поклажи с собой нет, ни сумы, ни мешка...»

Жарко было под шапкой, Токна стащил её, взъерошил горячие волосы.

– А что пустой-то?

– А всё со мной, – ответил Авенир. – Зачем мне?

Отпустила река лодку, пошла медленней. Токна встал в рост гребсти – не боись, не опружистая! – расставил ноги, воткнул в воду длинное весло, нашарил дно, оттолкнулся, протянул лодку на всю длину, и ещё, и ещё раз. Глухо постукивало весло о борт лодки, журчала за кормой вода, свиваясь в воронки.

– Сейчас мелко станет!

И вправду совсем близко пошёл песок, Токна выпрыгнул, ухватил цепь и повёл в поводу лодку. Берег длинный, до самой разлоги песок да пёстрый камешник.

– Сиди! – приказал Авениру. – До берега дотяну! – и обернулся. – Осень ведь. Пошто без сапог?

– Да нет у меня сапог, – виновато сказал Авенир. – Не думал...

– Ноги беречь надо.

Упёрлась лодка. Авенир в корму перебрался, да что толку: едва продвинулись.

– Ну и что теперь? – усмехнулся Токна. – Разуваться придётся. До сухого не допрыгнешь! – и, видя, как засуетился Авенир, сказал: – Ладно! На лавку встань. Давай правую ногу! – развернулся, подставил спину, ухватил Авенирову ногу, потом другую и, краснея, зашлёпал по воде, пересёк и на камешник тяжело поставил.

– А лодка? – спросил Авенир.

– А что лодка? На мели лодка. Сейчас назад пойду! – и показал рукой. – Видишь, вежа на разлоге? До неё дойдёшь, подымешься и направо иди. Там о берег дорога будет. Дойдёшь до нового кола, тропу увидишь. Она тебя к горе сведёт, на ней деревня, не видно отсюда, низко! Просто всё, не заблукнешь! Поди давай!

– Заплатить надо! – сказал Авенир. – Сколько берёшь?

– Да Господь с тобой, поди давай! В радость мне было веслом помахать! Поди, пока не темно! Водит тут на лугу-то. Я на то колы и расставил. Раньше крест был, да водой подмыло.

И точно. Потемнело небо, засинело гуще. Поднялась туча, потащила на хвосте ветер.

– Ангел там, – тихо сказал Авенир и опустил глаза, – в храме стоит. Не видишь его, нельзя видеть, а он стоит. Поставлен на времена вечные престол охранять. Одиноко ему. Ты добрый человек, Анатолий, сходи к нему, помолись – легче ему будет службу нести. Сходишь ли? – и с тоской поглядел на Токну.

– Ладно, – тряхнул головой Токна и оглянулся на реку: нет, тихо ещё.

– Пойду я, – слабо поднял руку Авенир. – Пойду. Спаси тебя Бог, Анатолий.

Зашуршали камешки под его сандалиями, запереворачивались. Ветер зарыхлил воду. Песок тёк позёмкою. Глядел Токна вслед Авениру, развевалась его чёрная накидка, как крылья. Волочил Авенир ногу, загребал камешки.

Трудно было грести Токне. Ветер покосный сбивал лодку. Да у воды жить да воды бояться? На середине хуже стало. Ветер разворачивал, толкал в спину, и устал Токна, покорился, пошёл по ветру, ибо старый стал, и силы нет в теле прежней. Жёлтой воде обрадовался, протолкался в тени берега, затащился на слуду. И уж в темноте слабой прозвенел цепью, на ощупь замок навесил, замкнул. На берег забрался и пошёл мглистым жёлтым от зари лугом. Гудел в проводах ветер. Тёмными струями текла под ногами трава. И казалось ему, что он всё ещё через реку перебирается.

– Вот так и снег принесёт! – подумалось ему. И ещё подумалось, где-то Авенир идёт, да уж по времени в деревню забрался...

Выхолодило поясницу. В избе зажгёт свечу, поставил на стол. Опять провода оборвало. Теперь до утра не будет свету. Сидел в дрожащем живом кругу, пил настоящее на избяном тепле молоко, ломал хлеб. Потрескивала свеча, пускала мелкую искорку, отражалась в иссиня-чёрном окне. И себя он видел в стекле, рыжего, тёмного, как небо на западе, как сумрак в избе. Ходил ветер за окнами, лязгал жёлобом. В горе на деревне шатались кусты одичавшей черёмухи, дрожали в настывших избах стёкла, листали сквозняки выцветшие календари на стенах, вздувались истлевшие занавески. Скрипели избы, как скрипят старые кости. Текла трава между избами. И жалел Токна, что не спросил Авенира, куда он идёт? И всё виделись глаза его, серые, с жалобой. И как шёл Авенир по берегу, волочил раненую ногу, загребал раскатистые камешки...

Затих ветер. Лежал Токна на кровати, прислушивался к осторожным звукам и шорохам. И казалось ему, что дыхание его, стук его сердца, скрип кровати, потрескивание свечи вплетаются в ночь за окном, в шелест травы, в рябь волны, в шуршание ветра. Смешиваются и становятся единым, общим. И он сам – часть этой ночи. Дышит трава, и он вместе с ней дышит, соединяясь с травой общим дыханием...

Проснулся. Догорела свеча. Синенькая точка едва чадила на кончике фитиля. Был второй час ночи. Токна вышел на крыльцо. Хоть бы какой огонёк откуда пробился! И даже там, где за двенадцать вёрст Шатрово, не светилось небо. Сыростью ледяной тянуло с близкого болота, видно, холод по ручейке прошёл. Как вброд, перебрёл Токна двор, сел на лавицу. Тускло мерцала Пинега. И беспокойно, смутно было на сердце. «Вот помирать буду, – растравил себя, – и никто воды не подаст, не склонится». Вздохнул тяжело Токна, подождал, никто на тяжёлый вздох не ответил. Домой побрёл.

Что утро пришло, по занавесочкам догадался, засветились они серенько. Дождь тыкался мягко, сильно, шлёпал в окна – теперь до обеда гостем станет.

Дела у Токны простые: печь истопить, поесть-попить приготовить. Токна мало ест.

– Усыхаю понемногу, – так он говорит.

Бреет бороду Токна, смотрит на себя в зеркало. Голова круглая. В глазах прежде столько было июньской зелени, а теперь вся она повыцвела. А как были с детства волосы, не пойми какие, так и остались: здесь пего, там сиво, и жёсткие, прямые, как трава осенняя. И усы такие же: торчат во все стороны, в рот лезут.

– Гыч! Гыч! – кричали ему. А что ему сказать, чего обижаться, если он и вправду Гычом родился. Не нажил Токна ни семьи, ни детей. Ходил когда-то к Кате на пекарню. Придёт, конфет принесёт. Сядет на лавочку и улыбается, смотрит, какая Катя дородная. Мягкая, румяная от печного жарища, горячая, как хлебушек. Чай пили. Токна и дров наколет, и улицу от снега распашет, и за водой на Никольский колодец сбегает, и говорили Кате:

– Гляди! Хороший мужик-то, безотказный!

И смеялась Катя, закидывала руки за голову, показывала тёмные, горячие подмышки, рассыпала волосы:

– На что мне пескаря такого?

Уехала Катя. До свидания не сказала. Токна по привычке или с тоски какой впотемне, думал, никто не видит, ходил к пекарне, стоял в растерянности подле пустых ящичков. Хлебом они пахли. Казалось, Катей пахнут. Постоит да пойдёт прочь. А потом и вовсе приворачивать перестал, и всё реже-реже в деревне его видали. Пекарню, к слову сказать, и вовсе прикрыли. Раскатали по брёвнышку и свезли куда-то. Мигом малинник вскинулся, и глядел удивлённо Токна на то место, где он с Катей когда-то чай пил, где он Катю любовался. Однолюб оказался Токна.

В полдень Токна собрался в деревню, в свой обход обычный. Да не зашёл, а в гору поднялся, где церква стояла. Видна с горы вся Пинега до Чёрного Яра, луг долгий, урочище, где когда-то деревня была да вся под землю, как говорили, в одну ночь ушла.

Тихо было. Грустно, как всегда, после дождя осеннего. Раздвинул Токна сырую малину, взобрался по ступенькам, дёрнул на себя затёкшие стылостью двери – стоном отозвались они. Внутри сел сбоку, на пристенную скамью, опомнился, стащил шапку. Сквозь половицы торчали в белых макушках стебли иван-чая. Иконостас, как оконница без стёкол, застыл безглазо. Замер, навис над Токною. Думал Токна, бояться будет, и шёл с боязливостью, а вышло-то: печаль тихая. Прислонился головою к стене, смял в ком шапку, смотреть стал. На солее жестяночка с песком, а в ней огарочек – вчера ли Авенир свечку зажигал?

Подул в разбитые окна ветер, зашелестел, закачался сухой иван-чай, закланялся. Дождь хлынул. В дырявую крышу закапало часто, гулко, и вздрагивал иван-чай от капель, и думал Токна, не ангел ли прилетел. А потом подумал, нет, не ангел, запрещено ему отходить.

– Порадуй ангела, помолись, – просил Авенир, а, как молиться, Токна не знал, и бабушка Чуса не научила, только и помнил с детства: «Господи Иисусе, помилуй мя».

– Господи Иисусе, – прошептал Токна, подойдя поближе к амвону. – Господи Иисусе, не умею молиться, не знаю. Всё есть у меня, большего и не надо, и ни к чему. Дай здоровья братьям моим, Санко и Петко. Если б письмецо мне написали или позвонили, мне было бы легче. Один я. И сил мало.

Зашелестел снова иван-чай за Токной, и показалось ему, что склонился над ним ангел и крылом обнял. И заплакал Токна, и не знал, отчего он плачет. И не мог ничего с собой поделать.

Шумел дождь. Капало из дырявой крыши на плечи, на колени Токне, и не хотел он никуда идти. А когда отплакалось, сидел на скамье просто. И твёрдо знал, не один сидит. Темно было от дождя, холодно. Холодны были тёсанные вгладь стены. Сырой травой дышало в проём окон. И увидел сердцем Токна, как ночь, тоска безгласная, затопляет церкву, как тьма собирается по углам и под сводами, как тяжело, как больно ангелу без огня и слова человеческого. И поднял глаза Токна и сказал дрожащим голосом:

– Ангел, я не вижу тебя, но Авенир сказал, ты есть. Пойдём со мной ненадолго, на сколько можно. Хоть в тепле обогреешься...

Шелестели занесённые ветром листья, покачивался иван-чай, тонко-тонко тянулись ниточки дождя с покатою крыши.

Брёл Токна домой. Белым светилась река.

И долго-долго сидел Токна перед окном в родной избе, на реку глядел, на дорогу. На поле. Никто не шёл. Никто с горы не спускался. Уснул Токна, уронил голову на скрещённые руки и уснул. И снов не видел: так заспалось крепко. А очнулся, увидал на столе пёрышко, белое, пушистое, тёплое. И возвысилось его сердце и занялось радостью.

Не бойся, я с тобой

Рассказ

Ово задрёмывал под утро. Забирался на русскую печь или в тёмный угол за печную трубу, подсовывал под голову шапку Ерёмы и задрёмывал. Шапка пахла табаком и старой, пересохшей кожей. Ерёмы давно не было на свете, четвёртый десяток, а горьким табаком по-прежнему пахло. Просто Ово хранил кисет Ерёмы, испорядку доставал его из укромного места, насыпал щепотку табаку в Ерёмину шапку, сворачивал коробочкой и дремал на ней, подложив под голову. И снился ему Ерёма, снилась его прокуренная трубка с искусанным мундштуком, снились узловатые пальцы с жёлтыми ногтями, и дым, и борода. И во сне они переплетались друг с другом, как переплетаются ветви, и глаза Ерёмы глядели, как из куста, и улыбались.

Табак Ерёма ростил на грядке, осенью сворачивал в тугие свитки, катал крепко между ладонями, потом резал ножом на еловой ставице и сушил на повети. Ово ворошил табак, пропускал сквозь пальцы, пересыпал из ладони в ладонь, чтобы проворнее сох, и терпеливо сидел на скрипучем стуле, слушая острым ухом, как шевелится и подсыхает табачная кроха.

Табак сох медленно и так же лениво, как порой шёл дым из Ерёминой трубки. Тогда Ово, теряя терпение, дул на него и громко чихал. Невестка Саша вздрагивала и говорила:

- Еремей Ефимович! На повети кто-то чихает!
- Кот! Кто же ещё?
- Кот дома, – испуганно оглядывалась Саша. – А там тогда кто?
- Да мало ли кто! – отвечал Ерёма и подмигивал.

Ночью Ово выколачивал трубку о край скамьи, вытрясал твёрдые угольки, острой щепинкой протыкал мундштук, дул сквозь него воздух, и губы потом весь день хранили горечь табака. А ещё бывало и так, что сидел Ово на взвозе всю ночь, покусывая, пыхтел в выскобленную трубку и представлял, что он и есть сам Ерёма.

Давно нет Ерёмы, но есть его сын Овдей. Ово уже семьдесят людских лет при нём, при Овдее. И Ово очень нравится, что у них такие схожие имена.

- Овдей! – зовёт Ово, пропевая первый звук его имени. – Овдей!

Овдей старый и живёт сам по себе, как ему можется, и никому не мешает. Он один в деревне, и все дома вокруг уж который год пустые – кому мешать-то?

Овдей просыпается рано, ворочается долго, поскрипывает железной сеткой кровати, потом встаёт. Льёт воду в китайский чайник, нажимает кнопку. Раздёргивает занавески и глядит в окно.

- На что там глядеть? – думает Ово. – Всегда одно и то же.

Но и сам глядит, тычется макушкой под локоть Овдея.

- Ну и, слава Богу, – говорит Овдей. – Ещё один день. Вот так всё понемногу.

А чайник гудит, шумит, как самолёт в небе. Золотит солнце доски стола. Ово садится возле Овдея на лавку. Ему и глотка довольно, и от крошки хлеба сытно. Ему просто посидеть рядом...

Осень нынче чистая, как промытое стекло. Что ни день, то небо синее, смиренное, но всё равно не та синева в небе, а ровно старая, нажившаяся. Ветер, как синица, возится, то здесь, то там стряхнёт листья. Затолкётся листик, заколотится, туда-сюда падая, и на землю свалится. И так ослепительно тихо. И от чистоты и тишины этой всё вокруг ещё брэннее кажется, печальней, словно последняя эта чистота, последняя грусть, последняя возлюбленная тишина. Ово хрустит листьями – подморозило. Подкрадывается к муравейнику. Втыкает острую травинку и глядит, как муравьи лезут на самый кончик, а один, самый первый, поднимается на задние лапки и стоит собачкой.

– Овдей! – говорит Ово. – Снова ведрие будё!

– Хорошо, – откликается Овдей, хотя и не слышит Ово. Набирает охапку дров и в избу тащит. Ово бересту подкладывает, лучину подсовывает. Спичка чиркает. Огонёк занялся. Будет Овдей кашу варить, в звонкостенном чугуне картошку ставить.

Сидит Овдей, на пламя глядит. Прогорела за годы его борода, белой стала, как бумажный пепел. И кажется Овдею, что всё, что было с ним прежде, как бы и не с ним было, чужим стало, посторонним, по ту сторону, и теперь закрыто наглухо. А настоящее только и есть, что этот день с этим огнём, с этим чугуном, где в горячей пене шипит картошка. Вот это только и осталось... А ведь таким же утром лет десять назад Саша поставила на стол глиняную крынку с пшённой кашей, надорвала пальчиками жаркую корочку и уронила с ложки жёлтое масло, и он так отчётливо запомнил и клеёнку клетчатую, и где лежал хлеб, и где стояла его кружка, и чашка Сашина. И как она подошла и опустила ему на плечо руку.

Овдей наклоняется, подхватывает чугунок, тычет щепинкой в картоху: нет, тверда пока! Ладно.

Ово чувствует, что плохо сегодня Овдею, не такой он, наломался вчера на поле. Давеча говорил Серёжа Мурин, зачем тебе растить картошку, много ли тебе одному надо, мешка три? Так я привезу!

– Так на всю деревню-то одна полоска и осталась. Жалко! – кручинится Овдей. – Зарастёт травой-то!

Когда Овдей премалым был, расплачется, расстроится из-за чего-то, Ово ночью придёт, затынет песенку, заплетёт в косичку мягкие волосики, и успокоится всё, уладится. А теперь как? Сиди и вздыхай только, посматривай в глаза Овдеевы.

Вчера вместе картошку докапывали, не стал Овдей Мурина ждать. Ворошил киркой уже прохладную, рассыпчатую землю. С гнезда мало пришло, однако всё крупная, тяжёлая, белая. Нароет Овдей картохи, а потом бродит по полю, собирает в ведра. Тихо на поле. Хоть бы ветерок какой! Или птица. Брякает картошка о стенку ведёрышка, одна, другая... Стукоток одинокий далеко по горе слышен. Бросит картошку Овдей, и Ово бросит. Овдей оглянется: нет никого! Но говорит, улыбаясь:

– Ну, давай, давай, пособилай маленько!

Вчерашнее кострище подгоревшими сухарями пахнет. Полоска земли в густой траве горестная, тихая и словно небу жалуется. Овдей на прежнем месте костерок разводит. Сидит на опрокинутом ведре, нажигает золу да угли картошку на паужну печь. Продрался где-то локоть, вата горелая из рукава торчит. Сухим блеском трава длинная переливается. И небо выгнулось над головой, синее, глубокое, и горько-сладкой листвой пахнет от берёзы, и томит осенней пустотой сердце.

Засыпает Овдей картошку калёными углями и землёй, щурит от дыма глаза, и глаза у него сейчас, как у Махси, такие же покорные.

Сохнет земля на изрытой полоске, светлеет, запекается корочкой.

Безмолвно поднялся с запада самолёт, блеснул серебряной стрелочкой, пошёл в гору,

а следом и гул поднялся, побежал свою стрелочку нагонять. Выпрямил Овдей спину. Запел пронзительно телефон в кармане.

– Принимай самолёт, Овдей! – закричал в трубке Дмитрий. – Принимай! «Азия Эрлайн» летит. Аэробус А350 тире 941. Из Лондона в Сеул. Слышишь?

– Слышу, – щурится в небо Овдей. – Вижу!

– Я его тоже вижу! Как высоко летит! Сорок тысяч футов. Скорость 470 узлов. Хвост-то у него знаешь какой? Красно-жёлто-чёрный. Не увидать нам, правда, оперенья его, но ты представь только, Овдей, представь! Принимай!

– Принимаю, – смеётся в бороду Овдей.

– Здорово, Овдей! А? Оба один и тот же самолёт видим!

– Да! Словно рядышком стоим.

– Рядышком! – радуется Дмитрий. – Всего-то сто тридцать километров до тебя! Чего там у себя делаешь?

– Картошку докопал.

– И я тоже. Уродилась ли?

– Уродилась! У гнезда немного, но крупная!

Летит самолёт, скользит утягиваемый ветром, реактивными моторами на восток. За ним след, напряженный, на лету разматывается. А что у него под крылом? Лес бескрайний, болота жёлтые, ниточкой серебряной река Евда вьётся, солнцем вздрагивает. И никто из летящих в далёкий Сеул, где и ночь, поди, сейчас глубокая, про Овдея не ведаёт. Кто он для них? Персть лесная. Не разглядишь с такой небесной стрехи ни Овдея, ни его избы, ни его бедной полосочки...

– Ты позвони через часок мне, – просит Дмитрий. – От тебя ко мне самолёт пойдёт. Так я приму! Боинг будет, три семёрки. У него полоса синяя на хвосте. Курс, значит, сейчас погляжу, 162. Шанхай – Амстердам. Не пропусти только, позвони!

– Не, не забуду!

Блеснул самолёт над лесом и упрятался за край земли. А Овдей ещё долго сидел, уронив на колени руки, думал, как там Дмитрий у себя на Двине живёт. Наверно, доски строгают для сарайки новой. Хрустит сосновыми стружками. Вот бы посидеть с ним за столом да махонькую выпить. Да и со стройкой помочь, самцы на столбы накинута. А чтоб добраться, надо до Архангельска на север ехать, а оттуда на юг в обратную сторону скатываться. Два дня на дорогу! А ведь рядышком, напрямую-то, через леса да болота...

Пересыпал Овдей картошку в широкий кошель, в котором Саша сено таскала, повёз на подклет. Чивиликали колёса. Ветер тихий, как ручей, по траве стелился. Ово взади тележку толкал. Видел, как прихватило у Овдея спину...

Дремлет в печи твёрдый берёзовый уголь. Восьмой час часы пробили. Овдей сапоги как насили надевает – ровно чужие с утра ноги. Шапку, не глядя, на печи нашаривает. Приставку к дверям ставит. И Ово то же: затынул Еремеев поясок потуже, оглядывается, не забыл ли чего? И спешит за Овдеем, знает, куда он пошёл.

Бредут они сначала мимо домов. Ветер отдувает полу куртки. Травой пахнет густой, перестоялой. Конский щавель вызолотился до ржана. Дорога совсем заколодела, заглохла. Если б не ходили по ней дважды в день, вконец заросла бы.

В рожицу входят, как в золотую камору. Овдей останавливается у худенькой осинки, запрокидывает голову, любителю на пролёты ветвей.

Сдал в эту осень Овдеюшко, ходит, как деревянный. С трудом сядет, с трудом и поднимется...

– Палки возьми, – советовал вчера Дмитрий, как «Боинг» проводили. – О четырёх ногах будешь!

– С палкой-то совсем обезножу! Нет, с палкой я не пойду. Пока ходится, так ходить буду! Вот так и ходят тихонечко: постоят да снова пойдут.

Трава шуршит под ногами Ово. Овдей обернётся – нигде никого, но словно тянется глазами к Ово. Идёт, куртка посвистывает, размахивает руками, загребает ладонями воздух, как воду черпает. Ишь, под горочку-то разошёлся! А ну как в колене подломится?

Колокольня старая, шестнадцатого века, восьмиугольная. Венцы понизу чёрные, будто обуглились. И к Евде вся наклонилась. У входа камень, широкий, огромный, в серебряных искорках. И следочки на нём махонькие отпечатались. И все в деревне, когда жили ещё, верили, что это ангел дивноочитый, двукрылый пробежал босыми ножками. Овдей кланяется камню, проводит рукой по следочкам, будто гладит. Ово за спиной топчется. Уж теперь он не выше травы стал, поглядывает в церковные окна, боится незримого, светом блещущего.

На верх колокольни, где огорожа, три лесенки ведут. Высокие, крутые. Овдей ещё в прошлом году новые ступеньки, плашки, врубил. Из белой ёлки повытесал. Сейчас помолится. Голос-то у него, когда молится, шелестит, как солома. Подымется на колокольню с Божьей помощью, где на ногу встанет, где на коленку обопрётся. Отвяжет просмолённую верёвку, помолчит, подумает да и ударит легонько. Старинный колокол, зазвонный, язычный, всего один и остался. Его, остальца, Овдей припрятанным в церкви нашёл, когда проверял своды. Выволок на свет белый, подивился письменам старинным, вычистил, выскреб да на колокольню поднял – оборвал спину, неделю после пластом лежал.

– Дон-н! – разнесётся, пробуя небо, над деревней. – Дон-донн! – полетит уверенней над полем, над лугом, над полоской раскопанной.

Звенит колокол. Радуется. Бьётся сердце. Жива ещё деревня. Жив ещё Овдеюшко, слуга божий, её насельничек. Каждое утро к девяти на колокольню приходит, топчет, топчет свою тропку девять лет, вся трава за лето повымнется. Звонит, звонит в зазвонный колокол.

Ово сидит внизу на заветном камушке. Вложил ладошку в следочек ангела, и будто греет что-то ладонь снизу и к сердцу тянется. А спиной чувствует, глядит кто-то, повернуться страшно, и знает Ово, кто глядит на него.

Устал Овдей. Заныла в плече рука. Опёрся на огорожу. Избы вдаль как серые камушки в траве текущей. Река синяя, и синь густая, уже по-осеннему, вода медленная, за собой тянет, вытягивает. А колокол гудит, звенит тонко, слабеет медным голосом, и Овдей слабеет, за колоколом в тишину утягивается.

Нагрелось дерево, и хорошо руке дрожащей от этого деревянного тепла, любви последней, и всякий раз отчего-то думается, как назвонишься досыта, – наглядеться бы! Наглядеться! Не упустить ничего, ни большого, ни малого, чтоб потом, когда и привстать не сможешь, только и помнить вот это: Евду изсиня-синюю, небо с колокольни до боли близкое, рожицу с мягким шелестом, сосенку одинокую. В шелест бы этот уйти золотой, ветром стать... Господи, укрепи меня! Отчего всё так непоправимо?

Спускается вперёд спиной Овдей, ногой опоры нащупывает, а раньше-то, раньше как птица взлётывал. Выбрался, Ово за локоть поддержал справа.

Вечером в шестом часу снова самолёт с востока над Евдой поднялся, заиграл на солнышке.

– Дмитрий! – позвал в телефон Овдей. – Принимай самолёт-то! На север гляди.

– Ну! – крикнул Дмитрий. И представил снова Овдей, как выбегает сейчас Дмитрий во

двор, выкатывается колобком. Вот и точно: хлопнул дверью, ступенькой скрипнул, травой зашуршал.

– Дмитрий, не торопись, далеко ещё!

– Да как же? Не проворонить бы! Ой, вижу, вижу, Овдя! Серебряный такой? И ты видишь?

– И я вижу, Митя!

– И я вижу! Вместе видим, да?

– Будто на одной горке стоим.

– На той самой?

– На той самой. Чего скажешь?

– Нашёл! – радостно кричит Дмитрий. – Вот он, на экранчике моём! Токио – Хельсинки!

– Токио? – удивляется Овдей и с любопытством глядит на самолёт. – Ишь ты! Даль-то какая!

– Высоко! – соглашается Дмитрий. – Тридцать восемь тысяч футов. Курс 54. Скорость 541 узел. У него на хвосте синяя буква F. Ближе ему лететь осталось: час – и дома! А то и меньше. А! Время прибытия в порт – восемнадцать тридцать семь.

– Восемнадцать тридцать семь... – отчего-то повторяет Овдей и представляет ясно, как идёт на посадку, покачивая крыльями, самолёт, как светится сыро-синим иностранная буква на белом киле, как томятся нетерпеливой радостью утомлённые долгим полётом люди. И другая жизнь, неизвестная и счастливая, яркая и сильная, шумная, не его жизнь, видится ему. И становится горько и одиноко.

– Сейчас у тебя и второй поднимется! – смеётся с восторгом Дмитрий. – Смотри! Москва – Мурманск! Аэробус А320. Зелёный весь, как огурец. Видишь ли его, Овдя?

– Уже вижу, Митя, вижу.

Идёт колеёй ветер. Выдувает из рожицы облачко жёлтой листвы. Несёт-несёт, как птичью стаю. Светятся голубой слюдой окошки. Пуста до самого леса, до самого краешка дорожка. И от пустоты этой, от сверкания листвы в солнечном ветре ещё горше ощущение одиночества. И не знает Овдей, что ему делать дальше.

– Овдя? Чего ты молчишь?

– Я не молчу!

– Ты не молчи, Овдя! Ты говори! Ты не думай ничего такого. Всё хорошо у нас будет. Я с Ниной говорил. Ты приезжай к нам, Овдя! Насовсем приезжай. Будем вместе самолёты встречать!

– Да мы и так вместе встречаем.

– А со мной по-другому будет!

– А ты и так со мной! И так рядом. Рукой подать! Гуси-то летят у вас?

– Ни одного не слышно. Ты приезжай, Овдя!

– Не уезжай, Овдей! – просит Ово и теребит рукав Овдеевой куртки.

Ночью Ово не спал, бродил по избе и, едва рассвело, пошёл к Махси. Дом у Махси съёжился, поджался и кровлей, и стенами, будто ему холодно стало. В избе сел на пристенную лавку, огляделся тоскливо. Пусто в избе. Молчит всё. Стоит в ковше нетронутая вода.

– Махси! – позвал Ово, хотя знал, не ответит Махси. Качнулась полузакрытая дверь. Ветер метёлкой прошёлся по полу, вздул серебристые, как иней, пылинки. Уснула Махси.

– Махси, ты где? – он вступил в полукружье белого света.

Где она? Во что она обернулась? Кто она теперь? Ладочка глиняная на выстуженной печи? Веретёнце в пустой корзинке? Пряслице белое на столе?

Шуршит ветер.

Плечики у Махси были узенькие, одно выше другого, за спиною горбик, словно котомочка за спиною.

– Я не могу, Ово, – говорит она и тянется к нему взглядом, как и Овдей, знакомо покорным. – Мне не уйти, Ово, мы никуда не сможем уйти – мы приговорены к нашему месту. Я усну! – она опускает голову, перебирает кисточки старенького платка, и в этом тихом перебирании столько тоски, что у Ово перехватывает от отчаянья сердце.

– Кто-нибудь да вернётся! – она поднимает на него блестящие от слёз глаза. – Кто-нибудь вернётся, и я снова буду. Люди порой возвращаются. Я прибралась – заходи и живи...

– Они уже не вернуться, – качает головой Ово. – Мы это знаем. Уже и Кохта уснул, и Первый Оссе. Нигде никого не осталось. Если ты уснёшь, Махси, я останусь один.

Махси молчит, и молчание туго упелёнывает их. Редкие слёзы падают на её безмолвные руки.

– Как твой Овдей? – спрашивает она и улыбается беззащитной улыбкой, как слепая.

– Ноги болят.

– А дочь?

– Всё равно что нет. Она далеко, на той стороне земли, где вода без края. Ты переходи к нам, Махси! – он вглядывается в её лицо. – Переходи.

– Я не могу, Ово! Когда я проснусь, ты ведь будешь, Ово? Ты ведь встретишь меня, Ово?

Брякает надколотое стёклышко. Бьётся, бьётся прозрачным сердечком. Волосы у Махси были как трава увядшая. Глаза у Махси были длинные, как коса речная, светлые, как песок речной.

С понедельника потянулись другие ветра. Оголялись осенние рощи, но замирающий, сгасший свет ещё шёл от земли. Худоба обнажённых осинок удивляла Овдея и мучила. Он подолгу стоял у ворот, навалившись на прясла. И отсюда ясно была видима и накренившаяся колокольня, и беспризорная церковь, и потемневшая лицом река Евда.

Дни укорачивались. Черствели следы на песчаной дороге. Самолёты гудели в слепом небе за облаками невидимо и редко. Простуженный – теперь он простужался быстро – Овдей надевал зимнюю куртку, долго не попадал полой в замочек – дрожали руки – потом брёл до колокольни, и земля ему казалась гулкой и твёрдой, и громче чиркала по окаменевшему песку палка, и резче скрипели ступеньки лестницы, и верёвка казалась тяжёлой и жёсткой. И даже колокол бил не так, постанывал на исходе, звенел жалобой, и вместе с ним постанывала и скрипела еловая балка над головой. Овдей останавливался, прислушивался к колоколу, и думалось ему, что колокол – это его сердце.

Как всё торопливо менялось вокруг: оттаивала крыша, и капало медленно то здесь, то там. И отблеск сырого, мигающего света вспыхивал и гас на лице Овдея. Борода серебрилась от капель воды. Он расставлял пошире ноги, приседал, будто раскачивал качели, тянул на себя верёвку, дёргался и раскачивался вместе с колоколом. Колено прожигало болью, и Овдей едва не плакал от немочи.

Ово порывался помочь, но не смел, он боялся и стоял внизу. Наконец всё смолкало, и Ово не знал, жив ли Овдей. Но вот скрипела первая плаха, потом вторая. Это Овдей ощупью слезал вниз, спускался, как в тёмный колодец, как в чёрную ступу.

Ово подставлял плечо. Оглуший Овдей спрашивал тревожно:

– Кто здесь?

Ово молчал. Они брели через рощу, через поле. Это поле Овдей когда-то пахал и хорошо помнил, как завивалась волной тяжёлая, перепревшая от тёплых дождливых дней зем-

ля, как падали, заваливаясь в борозду, тонкие осинки и сосенки, и ему отчего-то их было жаль. Из кабины красногрудого трактора он видел родную избу, радостно взглядывал на неё, и от близости родного и доброго, и оттого, что Саша, быть может, сейчас смотрит в окно, ему хотелось петь и даже выскочить из трактора и плясать, дурачась, размахивая руками, столько любви неприкрытой билось в его сердце.

Овдей стоял и смотрел на поле. Над головой, за облаками, загремел, раскатываясь, самолёт. Овдей набрал номер, экранчик тотчас вспыхнул, но дозваться до Дмитрия опять не удалось. Три дня уж не отвечал Дмитрий.

На закат шёл ветер. Нёс стужу.

Серёжа Мурин приехал к обеду. И затаскивая коробки с едой на крыльцо, спросил, беспокоясь, Овдея:

– Ты чего, Еремеевич, приболел, что ли? Хочешь, фельдшера привезу?

– Нет! – махнул рукой Овдей. – Что там фельдшер нового скажет? Старый я. Старость это. А какие таблетки пить, я и сам знаю.

– Ты звони, если чего, – попросил Серёжа.

– Я позвоню, – пообещал Овдей. – Чаю, Серёжа, выпьешь?

– Выпью! Вода у тебя в колодце вкусная. Я флягу привёз, воды твоей наберу.

– Бери, не жалко! Воды у нас много.

Серёжа вытащил из машины флягу, запустил в колодец тонкий еловый шестик с ведром, вздёнул, опружил проворно через край звончатую воду. Запела фляга.

– Тащи, батя, и свои бадейки. Наразу и тебе начерпаю.

В избе развернул туго стянутый платок.

– Пирожки, Овдей! Таня гостинцем послала. Ешь, ещё тёплые! Лакомься! На Покров к тебе приеду с друзьями, рябов погонять. Таня приедет. Столько их вспугнул, рябов-то, пока к тебе ехал! Примешь ли?

– Приму, Серёжа! Я тебе манок особый вырежу, на рябчика. И ещё, Серёжа, ключик-то от церкви у меня вот тут на гвоздике висит, шнурочек пёстренький. Вот он гвоздик-то, искать не надо. Так что знай...

Уехал Мурин. В избе полусвет, полусумрак. Дремлет Овдей за столом, всё голос молодой слышится. Белеют пустые кружки. Чайник ещё не остыл. Ово посидел рядом, пожевал корочку, на чердак убрался, вытащил из берестовой коробки манок – Ерёма, Еремей делал – приложил к губам и подул тихонько. Свистнул манок жалобно, тонко – вот так и рябчик посвистывает, летит сквозь веточки, летит-летит на зов краденый.

И помнил Ово, ровно вчера было: стоял Ерёма на крыльце, озябшей рукой ощипывал с кисти вымороженную рябину, шамкал, сглатывал громко горько-сладкую ягоду.

– Не ешь! Простудишь горло, – укоряла невестка, – а коли ешь, так во рту держи.

– Всё равно, – отвечал Ерёма, спускался полубоком с крыльца, шаркал к амбарам и пряслам, сутулил плечи.

У прясел остро пахло растрёпанной копной, белые соломины, как коромыслица, висели в чёрной крапиве.

– Овдя! – позвал он. – Ов-дя! Маночек возьми! На ряба маночек, – и шарил деревянной рукой в кармане. – Я тебе маночек... А где ж он? Овдя? Я ж тебе маночек... – и плакал, уткнувшись в колючее плечо Овдея. И Овдей растерянно ласково приобнимал отца и вскрикивал хрипло и обречённо:

– Будет тебе, будет!

До полночи искал манок Ово, шелестел травой и нашёл-таки. Сел под окном, посвистел тихонько: слышит ли? Потом в избе вложил в слабеющую руку Ерёмы.

- Спасибо, Овдей!
- Я – Ово.
- Ово? – прошептал Ерёма. – Спаси тебя Господь, Ово!

Лежит манок в ладони, тёмный, как корочка жжёного хлеба. Поглядел долгим взглядом в окно Ово: когда насовсем засыпать, загадалось ему, манком бы представиться. Придёт однажды, Бог даст, человек в дом, подует в него, а я и очнусь для жизни новой.

Спит дом. Овдей на кровать перебрался, укрылся покрывальцем латаным и спит. Пятки серые наружу торчат. Звёзды мелкие в небе то вспыхнут, то гаснут – будто камень из камня беззвучно искру выбивает. Это облака идут. Греется манок в ладони. Догорает на столе свечка. Ветром опять провода оборвало.

– Вот и ночь сошла в мою книгу, – говорит Ерёма.

– Как же ты читаешь, ведь ни буквы не видно? – спрашивает, клонясь к нему, невестка.

– А я сердцем вижу.

– Сердцем? А что читаешь такого?

– Евангелие.

– Ты же его всю жизнь читаешь!

– А я каждый день, Саша, новое нахожу. На память-то всё знаю, да только бабушка моя получше меня знала. Не так, говорила, на память прочёл, а вот так надо. Я потом по свету проверю: а вправду так надо, как она прочла. Непрогрешима память-то у неё была.

Сжимается от жалости сердце Ово, садится в ноги к Овдею.

– Овдей! Ты не спишь? Не уходи от меня, Овдей! Столько всех от меня ушло! Как я без тебя буду? Хочешь, я громовый уголь найду? Положу в твоё изголовье, и ты на ноги встанешь! А грибов хочешь? Я соберу и грибов, пусть ты и подумаешь: Мурин принёс! Жарёху сделаешь, а мне и крохи довольно, да и той не надо. Лишь бы ты был! А помнишь, я утешал тебя, когда ты был маленьким, помнишь, я тебе песню пел...

Не спал Овдей. Сквозь убывающий шум дождя ясно и отчётливо слышен был стукоток частых капель. Потом и капли стихли, и тишина затекла в избу и в него втекла, будто он изнутри был полым, притаилась в глубине и ждала. Присел кто-то в ноги, навалился лёгкой тяжестью, зашелестел, как ветер в траве, и очнулось сердце, заколотилось гулко, и ушёл на время холод.

– Я – Ово, – вздохнул кто-то. – Я твой Ово.

Утром в каждую избу заглянул Ово, в каждую дверь посвистел манком.

– Махси, ты здесь?

Молчит Махси. Белеет пряслице на пустом столе.

– Кохта? Слышишь меня?

Не слышит Кохта. Гремит железка в печной трубе.

– Оссе? Что же ты молчишь?

И Оссе нет. И Клёцника нет, и Выгорек, пристенник извечный, пропал бесследно. Стоял во дворе одинокий Ово. Ходил против шерсти солнца студёный ветер, сверкал серебряным блеском.

Овдей на улицу вышел, навалился грудью на лыжные палки, посмотрел на дорогу.

– Нет Митьки, – сказал он громко. – Улетели его самолёты, унесли моего Митьку, прибрали. Меня одного в сторожах оставили.

Стоял, качался, потыкивал в землю палкой.

– Надо идти, – сказал твёрдо. – Позвонить ещё разик. Может, Митька меня там услышит, может, ждёт моего трезвона...

Далеко ли до колокольни идти? Рядышком она. Шатром осиновым накрытая светится. Чиркают по песку лыжные палки. До берёзки дойти – отдохнуть. До камня дойти – дух перевести. В рожице под осинкой отдышаться. Следочкам ангела поклониться. Набралось в пяточки воды. Возьмёшь ту воду, к глазам приложишь – и прозреют глаза. Полдела и сделано. По лесенкам и заберёшься как-нибудь. Сам ступени вытесал, своё, топором изваянное, и поднять должно.

Ово, не таясь, обнял со спины Овдея.

– Не бойся, я с тобой! – прошептал.

На колокольне Овдей уцепился двумя руками за верёвку, натянул её своим невеликим грузом и замер. В просветы колокольни заглядывал ветер, покачивал колокол, и вместе с ним Овдей покачивался, словно привязанный к небу.

– А ведь в последний раз, поди, на колокольне стою. Думал об этом, придёт однажды. А вот оно, время-то, и пришло. Что ж ты, Овдей Нажогин, готов ли?

Вот она, лежит перед тобой сиротина твоя деревня. Поля твои, что пахал когда-то. Луг над Евдой, где сено ставил. Саша прибежит на угорышек:

– Овдя! Девять часов! Пойдём чай пить!

Обтирал косу травяным остромком Овдей, шёл к Саше на угорышек. И легки, и пусты были его руки, чтобы поднять Сашеньку над землёй, понести высоко над тропкою.

– Овдей! – зовёт Сашенька. Треплет ветер просвеченное солнцем платышко.

И ударил в ответ колокол, словно ветер качнул – не Овдеевы руки, и разнёсся над Евдою горестный звон...

Как вниз сошёл, уж плохо помнил. Всё как в тумане, всё как во мгле. Ово заглянул в глаза Овдея и в них глаза Ерёмы узнал.

Дома прилёг Овдей отдохнуть, воды только и испил.

– Митька, – сказал, – я думал, первый помру, а ты вперёд собрался. Торопыга ты, Митька. Всю жизнь – бегом... Сразил ты меня, Митя!

В лесу падали последние листья. Пестовник под елями светился, усыпанный каплями. Грибы были дряблы и тяжелы от воды, разве они сгодятся для Овдея?

Всё дальше и дальше шагал Ово, давно далеко так не уходил от дома. К Посолодке вышел, где берёза стояла, прожжённая молнией. Показал ему берёзу Кохта, сказал, от сей берёзы громовой уголь любую беду отвернёт. Отломил уголь Ово, сказал заветные слова и поклонился берёзе.

После дождей молчаливо становилось в лесу и неподвижно. Оседал вечерний свет на сосновых иглах. Багула шуршал под ногами, и шорох замирал за спиной, уходил в сумрак. И тревожно, и стыло на душе было. Боялся и не хотел верить Ово, что умрёт Овдей, уснёт, исчезнет, как сон, как свет, как исчезают звёзды, как исчезают воспоминания. И представил себе это Ово, с такой ослепляющей ясностью вдруг представил, что встал поражённый посреди леса, стиснул кулак до боли, и разломился в нём громовой уголь.

В избе Ово наклонился к Овдею, спрятал угольки в изголовье. Однако плохо под вечер стало Овдею. Замирало сердце и тут же в бег припускалось. Знобоя, потянулся он к прозрачному флакончику с сердечком, но выпал тот из непослушных пальцев, под кровать укатился. Словил его Ово. Как Еремею, вложил в слабеющую руку, и спросил Овдей:

– Кто это?

– Не бойся, я с тобой. Я – Ово!

– Ово! – услышал Овдей. – Я помню, у тебя глаза зелёные, еловые.

В тот вечер нестерпимо ярко светила луна. Дорога белела, прихваченная морозцем. Бежал Ово к Мурину, летел серой птицею, скользил тенью, птицей и в окно стукнулся, забил по дереву, зазвенел стёклами. И услышал Мурин и догадался отчего-то сразу. Да не успели только.

– Не спи, Овдей! Встань, серебреюшко! – просил Ово, за руку дёргал, в глаза заглядывал, но пусто и холодно в доме уж было. Взял Ово Овдееву шапку, прижал к груди и в углу схоронился. Загремело в сенях – приехали.

Через два дня повезли Овдея на покойище. Снежок перелётывал, садился на жёлтую глину. Ово сидел под сосною, под ноги смотрел, гладил на колене Овдееву шапку. Вороны кричали, били в верхах тяжёлыми крыльями. Лопаты о белые камешки чиркали. Ово зажал ладонями уши, глаза зажмурил. После поплёлся за всеми, спотыкался о комья мёрзлые. Тихо дышали и говорили люди. Сапоги шаркали.

В избе гремели умывальником, руки к тёплой печи прикладывали. Поели немного да водки едва выпили. На крыльце потоптались, замок навесили. И остался один Ово. Глядел вслед убегающим машинам.

Покачиваясь, прижал к лицу Овдееву шапку. Овдеем пахло, будто рядом стоял его Овдя.

– Махси! Больше нет никого. Вот я один и остался. Почему ты ушла, Махси?

Молчал дом. Молчала широкая печь. И двери молчали, и буфет с голубыми стёклышками, и пряслице молчало на холодном столе.

На ночь Ово забился за печь. Под головой шапка Ерёмы. У груди Овдеева шапка. За спиною совик Ефима. Под ладонью колпак Андрея. Все они тут. Федул, Мартимьян, и Марк, и Павел. Все вместе, все рядом. Никто не умирал. Никто.

Проснулся Ово. Снежок падал. И светло, и бледно было в избе от раннего снега. Подтянул гирьку Ово, наобум перевёл стрелки. Натянул на голову шапку Овдея и, жмурясь, пошёл к колокольне. Скрипел снег под ногами. Белый, как заячья шубка. Растает скоро – оттого и скрипит.

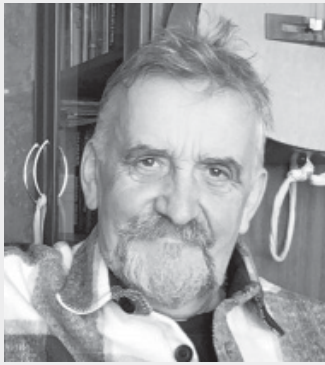
Укрыл снег и дорогу, и рощицу, и следочки ангела присыпал густо.

Остановился Ово, храбро поглядел на окно церковное. Темнели окна.

– Я – малый! – сказал Ово. – Я – низкого рода, но я хочу пройти. Нет никого. Я один остался. Я – последний. Овдея нет, теперь я за него буду. Я буду звонить в колокол. Дай мне пройти.

И отошёл незримый и светлый, и потянул Ово на себя двери и наверх поднялся, как три дня назад подымался Овдей. Отвязал верёвку – Овдей привязывал! На затылок сдвинул великую для себя Овдееву шапку, заглянул под колокол в зелёный сумрак, и качнул било. Очнулся колокол, откликнулся тонко. Улыбнулся Ово и ударил в полную силу. И запел колокол, полетел звон над Евдою, полетел над рощею, над деревней.

– Меня зовут Ово. Я здесь живу.

Александр
ЛЫСКОВ

Александр Павлович Лысков родился 14 июня 1947 года в деревне Синцовской Шенкурского района Архангельской области. Писатель, публицист, литературный критик. Автор книг «Целковый на счастье», «Пределы», «Неоткрытые острова», «Натка-демократка», «История ложки», «Свобода, говоришь?», «Бельфлёр», «Красный закат в конце июня», «Медленный фокстрот в сельском клубе», «Десять жизней Анжелы П.», сборника повестей и рассказов «Старое вино «Легенды Архары», книга для семейного чтения «Иван и Тая», «Последний бал К. Г.», «Дом для Девы». Поддерживает творческие отношения с писателями Архангельска, Вологды, Москвы. Неоднократно с успехом участвовал в литературно-музыкальном конкурсе «Остров надежды» с песнями, прозой и эссе. Член Союза писателей России (1989). Живёт в Москве.

ЛУННЫЙ ЛИВЕНЬ

О книгах Александра Логинова, Олега Ларина, Виктора Толкачёва, Владислава Попова, Игоря Гуревича, Вячеслава Чиркина, Сергея Доморощенова

КОСМОС АЛЕКСАНДРА ЛОГИНОВА

*О книге Александра ЛОГИНОВА
«Возвратите мне Родины свет золотой»
(Архангельск: Лоция, 2020)*

Густопись. Образы волна за волной. И всё действие происходит в Космосе. Глобален Александр Логинов в сборнике своих стихов «Возвратите мне Родины свет золотой!» Упрям и дерзок. Отдельного разбора достоин каждый стих в книге. Не кирпичики складываются, а клетки живого организма с корнями в Земле, с вершиной среди звёзд. Позавидуешь. Хорошо быть поэтом! Из зерна балалаечной попежки возвращать колос полновесного литературного произведения. И чтобы всё не так, как «надо», всё через край. Если и осень, то нежная рыжеволосая девочка, если зима, то – ядерная.

Лет тридцать прошло, как я впервые прочитал у него: «Я спал на военной дороге...», поражённый этим странным видением автора, склонностью к укрупнению, как оказалось, органичной для него. И вот опять грандиозные образы перекатываются под его поэтическим напором – родина, народ, пространство, коридор времени, история. Всё сгущено, как воздух севера, как воды в соляных источниках.

Его тема – мировые потрясения, колебания Вселенной. Мы уже привыкли к этому гулу и вечному потряхиванию, обжились, а его нервы на пределе...

Маленький мальчик, маленький Беринг, открыватель новых русских горизонтов, выходит на берег «разрывных снов» поэта, «где огонь девяностых плавит красный гранит».

По ночам «Лунный ливень» освещает обитель поэта. А с рассветом оказывается, что «золотой свет родины» заткал «антрацитовый паук».

К горным вершинам стремится поэт, равнинный ветер досаждает ему. А тоска по погибшим подводникам «Курска» сплющивает душу. В светлые воспоминания о молодости вплетаются недобрые предчувствия: «...но уже со свистом

полетели поезда колбасные в Москву». И далее приходится одолевать «Дорогу», на обочинах которой видны следы вселенской русской катастрофы. А небо – цвета цинковых гробов. «Территория войны – терриконы, терриконы». Апофеоз войны. Попытка понять безумие человека через переселение душ. Поэт примеряет образ «Диктатора», фиксирует его неизбежный трагический конец: «...Низвергаясь в кипящую бездну, разжимаю железный кулак...»

Как всякого русского, его мучает красно-белый раскол. Поэта можно увидеть в колоннах «ледяного похода», «в слепой золе от Аргентины до Харбина нас разметало по земле – везде чужбина». И вот опять, теперь уже в грохочущем поезде, является ему мальчик из нашего будущего: «Он припал к материнской груди. Ах, как сон Его сладок! Не срывайте стоп-кран, что бы ни было там впереди. Не срывайте. Не надо». Ибо имя этого мальчика пишется с красной буквы. Русская катастрофа может быть оправдана только тем, что мы наконец-то опять повернулись лицом к Христу.

Далее в «Преображении» каждые две строки составляют образ Апокалипсиса как предупреждения. И, наконец, льётся над миром «Музыка Рождества». Четыре раздела в стихотворении как четыре Евангелия.

«Ночное гадание» – вторая часть сборника, и на этой чаше весов равновесие в книге поддерживается лирикой. Здесь Логинов добродушен и хлебосолен. Громоздье образов осталось позади. Масштаб чуть умерился, но стих не потерял ни чувства, ни мысли. В беседах опять-таки ни больше ни меньше – сам Север. Поэт предлагает ему: «Давай-ка посидим у костерка, сегодня одиноко так и зябко. К тому же Арктика, родная наша бабка, грозитя припугнуть тебя слегка...»

Лирический герой вглядывается в себя. Двадцать четыре строки. В них укладывается двенадцать условных хокку. Поэтическая щедрость необычайная. Фрагменты напоминают экстремальное видео с напористым звукорядом.

Далее – любовь. Глубинная, длиной в жизнь, но увы – затухающая, как водится с возрастом. Она, уходящая, может быть выражена не менее сильно, чем разгорающаяся. Главное, чтобы пелось. Любой темперамент отзывается на любовь. «В славянской душе тугодума» она мерцает светом белых ночей. И, оказавшись в одиночестве, человек, согретый ею, приплясывает под... весьма глубокомысленные частушки. А потом вдруг взмывает из хлябей провинциального бытия в соколиную высь («Баллада о тихой слободке»). И опять вдруг оказывается среди родных осин, разгульный и вольный, распевая хулиганскую притчу: «Реки разливаемые, веселящий газ... Как-то в юность пьяную получил я в глаз...» И снова берётся за ум в своей лесной светёлке, захваченный мыслью о том, что прежде войны гражданской была в России война литературная. С одной стороны – коллективный Бунин, с другой – Горький. А где-то над ними Чехов, оставивший Фирса взаперти, и это горше всего. И страшно подумать, «...проснусь лет через триста, и, перекрестившись троекратно, гляну влево – митингуют коммунисты, вправо гляну – митингуют демократы...»

Хорошо, что поэзия не имеет государственных границ. И среди ночи на улочках родного поэту Каргополя можно встретить поэта Рильке в синей русской рубахе с красным орнаментом. Подсвеченный алым закатом возникает в небесах распятый Гёте, по реке Онеге плывёт скандалист Артюр Рембо, а Бодлер рассыпает «Цветы зла» у Христорожественского собора.

Здесь же почвенник Александр Логинов шепчет молитву, обращённую к родной земле, которая под ногами. «Я до боли в суставах сквозь жизнь эту буду ползти, а иначе зачем я спустился с небес в твоё лоно. И уж здесь-то себя я смогу наконец обрести, и с землёю сольюсь, с её северным склоном».

Нет, и это ещё не конец. Словно Агасфер будет появляться вновь и вновь в мире поэзии Александра Логинова... «горбун с заоблачных высот. Хромой, усталый, на горбу он шар земной несёт... Через поля, промёрзлый лес... И у подножья гор свернул под солнцем и исчез его гигантский горб...»

Солнцеворот – не иначе. Опять космический охват и образная мощь. И огни осени как неопалимой купины нашей земной жизни, и тёмный лес, и корневище под ногой...

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

О книге Олега ЛАРИНА «Избранные лица»

(Литературно-художественное издание. М.: МФ МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2020)

Олег Ларин – журналист, писатель столичного толка. Носитель высокой журнальной культуры советского времени. В его текстах нет политических, партийных обобщений, они обнажают морально-нравственное начало в народной жизни, как он сам о себе говорит. В его книге «Избранные лица» более двадцати очерков, литературно совершенных и полных мысли, красок, эмоций.

Во всей художественной полноте проходят перед глазами многочисленные сельские жители русского севера (Крайнего и Среднего, по определению автора). Среди них – сам автор, Игрич, как зовёт его певунья и сказительница Анна Кашунина («Я свои частушки как из пулемёта вырабатываю»). Мастерница на козули, шутница и подначница, она и автора вылепила в виде козули. Скорый на улыбку, он себя увидел, как «...хлебное чучелко с неправильными, но чрезвычайно выразительными пропорциями тела: игриво изогнутый торс, длинный крючковатый нос на узком лице и раскормленный живот. Я держал фигурку на расстоянии вытянутой руки и весело недоумевал: какая-то непонятная биологическая особь, предшествующая человеку. «Ты не обижайся, Олег Игрич. Это я тебя слепила по памяти...»

Если певунья Анна Кашунина хоть и остра на язык, но держит себя в рамках традиционных приличий, то Пименария Васильевна из деревни «Тупик Вселенной» не считает сквернословие смертным грехом. Она чёрненькая, из тех, о которых говорят: «вы нас чёрненькими полюбите, беленькими-то нас всяк полюбит». Такие чёрненькие не только останавливают нас в проявлении добрых чувств, но и не на шутку настораживают. Они сознательно нагоняют на нас страх, можно сказать даже идейно, находясь в негласной политической структуре села в качестве боевиков. Бой-бабы в данном случае и действуют устрашением, в отличие, к примеру, от женщин-авторитетов в селе. «Любя» обстреливают вас очередями отборного мата, чему вовсе не препятствуют находящиеся при этом односельчане – такой существует общественный договор в маленьких таёжных поселениях. А героиня этого очерка под говорящим названием «Тупик вселенной» представилась мне ещё и исчадием матриархата, вылуценным из праведных дореволюционных крестьянок жерновами уголовной зоны и безбожного колхоза. Я очень рад, что в долгом общении с бабой Пимой автор как истинный художник-исследователь достойно выдержал испытание на «любовь к народу», чтобы изобразить, донести до нас и этот пугающий образ.

В своей книге Олег Ларин предстаёт, на мой взгляд, как своеобразный ведущий телеканала Discovery, действует как заправский первопроходец (тщательная подготовка, изучение маршрута, выбор времени года) и азартно вторгается в неведомые севера. Работа

опасная, ибо на его голову летят вслед за изощрёнными сквернословиями бабы Пимы ни много ни мало ещё «головёшки из космоса» – титановые части ракет, диковинки цивилизации, приспособляемые местными жителями под жилища.

Остроумные путевые заметки таёжного бродяги набирают особую силу, когда автор останавливается на конкретном человеке. Будто запруда возникает, текст набухает смыслами, диалогами, литературными открытиями. Обнажается не просто острая наблюдательность, но серьёзная работа недюжинного интеллекта, не наносного, в нахват, а, скажем так, генетического, с примесью дворянских кровей.

Увиденный коллапс описывается свежим, академически выверенным красным словом. И никакой монотонности. За экзотической перебивкой следует деловой пассаж. Поэзия топонимики приземляется хозяйственными рацеями. Вскрываются потаённые смыслы крестьянской избы. Всюду слышны голоса жизни, тонущей в болотах.

Первая часть книги заканчивается на просторах Белого моря очерком «Ночь такая светлая» в предчувствии медленного неотвратимого цунами – прилива в одиннадцать метров высотой.

С читателя словно бы смывается всё материальное – как объект повествования, после чего в том числе и собеседники очеркиста, люди простого кроя, и мы, читатели, взлетаем на волне духовной культуры народа.

Первый в очереди Нил Сорский. Краса и мощь христиан-нестяжателей пятнадцатого века на Руси. Можно сказать, русский интеллигент номер один. Природный национальный демократ.

Следующий в череде духовных образов восстаёт под пером Олега Ларина славный подвижник свободной мысли шестнадцатого века Юрий Крижанич, идейный предок Петра Первого. Критик косности и застоя Руси того времени. Персонажи, не случайно вставшие в книгу друг за другом, имеют логическое продолжение в лице Ивана Посошкова, отца русской публицистики и политэкономии семнадцатого века. Во всех троих передано автором кипение ума цельного, обогащённого и обогащающего сонную страну. Невольно рождается мысль, что внедрение рационального начала в жизнь нашего народа – забава русской интеллигенции старинная.

А девятнадцатый век представлен Олегом Лариным уже его кровными, генетическими родственниками. Невозможно не порадоваться за автора, имеющего столь глубокие корни, числящего в своих предках персонажей, оставивших по себе обширные письменные сведения. Чем, к слову, я как потомок крестьянского рода не могу похвалиться. Оттого с ещё более пристальным душевным участием слежу за пером автора. Сострадаю его предкам, униженным и оскорблённым дикой революцией.

Выживали немногие. «...прабабушка ещё держалась на плаву, стараясь сохранить имидж состоятельной светской барыни, давала приёмы, и сама ездила в гости к именитым помещикам Киреевским (из славянофилов), Григоровичу (племяннику писателя), Поленову (брату художника) и даже принимала у себя великого князя Андрея Владимировича Романова, жившего в нескольких верстах от нашего Юрского». А в конце концов... «Моя прабабушка стала профессиональной нищей. «Из князя да в грязи». Но, говорят, делала это гордо и с вызовом, без всякого унижения. С удовольствием поносила существующий строй, за что люди интеллигентного облика подавали ей особенно щедро...»

Ах, расцеловал бы я такую бабушку! (А. Л.)

Далее, к концу двадцатого века, ко времени проживания самого автора на этом свете остаётся ему склоняться только к родственным по духу, ибо кровные остались в небытии. И, конечно же, невозможно было не попасть ему под обаяние Фёдора Абрамова – «че-

ловека свежего воздуха». Отгремевший столетний юбилей народного писателя оставляет мало возможности сказать о нём что-то новое. Но вновь и вновь волнует фрагмент очерка о его схватке, сшибке с земляками, с той их частью, для кого колхозы – тихий омут, в котором, как известно, водится всякая нечисть. С теми, кто, «забыв гордость народную, выучились хитрым низостям рабства», по словам попавшего в строку Карамзина. Именно эта часть веркольчан обернулась к Абрамову «злой, мстительной мачехой, когда писатель пошёл против шерсти».

Бабы Пимы есть в любой деревне. И тут уж они развернулись!

Как ни трудно писать о Верколе после Абрамова (он выпил её до донца), но Олег Ларин оглядывает её своим глазом, оценивает своим умом, создавая в этих обложках свежий образ знаменитой деревни.

Заканчивается очередная часть книги двумя живописными текстами, литературными портретами мастера народных ремёсел с его «берёзовой» философией. И чудесным писательским размышлением, я бы сказал, на тему «женщина как звук».

«Они пели легко и мощно, словно переплавлялись в свои же голоса. Слова песни свободно выталкивались из разинутых ртов, переплетались, наполняя гулом избу. И не слова им нужны были в этой песне, а собственная нескудеющая радость, муки сердечные, бездонные, всё, чем изболелась и нарадовалась душа за неполные семьдесят лет... Песня кончилась, ликующие души медленно таяли в вышине, распадались. Они возвращались, одна за другой, на деревянные лавки, в сумрак душевной прокопчённой избы...»

Автор – костромской сиделец, у него дом в тамошней деревне Ряполово, и вся околица этого поселения у него на глазу.

Доверчивость земляков, та самая ватность, огорчает его всего сильнее. Разгадка сего характера лежит отнюдь не на поверхности, а слоями в советской истории. Автор подсчитал: они пережили двадцать шесть преобразований, двадцать шесть жимков беспощадного ваятеля. А человек как глина, кто не выскользнет из рук власти, меж пальцев, тот неминуемо станет её подобием.

В завершении книги под заглавием «Деревня, ты ещё жива?» обнаруживаются приметы очерка этнографического и морально-нравственного, экономического и социально-культурного, вместе взятых. Весь спектр жанров, коими в совершенстве владеет опытнейший писатель.

Особенно радует артистически исполненный текст о ветеране Великой Отечественной. Эпизод «встречи на Эльбе» в нём – шедевр военной прозы. А семь финальных «мелочешек», как говорил Чехов, действуют словно своеобразный хэппи-энд после напряжённых драматических перипетий прекрасной книги.

ОСТРОВ ВЕЗЕНИЯ

О книге Виктора ТОЛКАЧЁВА «Облака любви» (Архангельск: Лоция, 2017)

Будто в поезде всю ночь проговорил с интересным человеком. Невозможно было заснуть. Настолько искренним, нервным и бодрым, полным лирики, романтики, острой мысли был разговор...

Поезд ушёл. Книга захлопнута. Опять обложка перед глазами: Виктор Толкачёв «Облака любви».

Основа – дневники многолетние, подробные. Распорядиться можно было тремя спо-

собами: или оставлением как было, или сокращением спонтанных записей, сжатием, или расширением их до повествовательного, романного уровня. Снова пережить все события личного бытия и выразить их подробнее, объёмнее, сдобрив эмоциями сегодняшнего дня и возраста, степенью нового понимания, убеждённо в ценности прошедшего... Автор выбрал этот, третий, самый сложный и трудоёмкий путь, пройдя его на всех пятистах страницах с поразительно свежей литературной энергией.

Не случайно в тексте упоминаются герценовские «Былое и думы». Герой и героиня захвачены чтением этих бессмертных страниц. Стилистика их собственной повести (они ведут дневник попеременно) чем-то напоминает нетленный образец биографической прозы.

Внутри «облаков» – роман в письмах.

Великая любовь и пожизненный труд по её возвращению. Захватничество сильного мужчины и вылепливание им из молодой неопытной женщины замечательной супруги.

Petit morte (маленькая смерть) как небесный компас женской любви и страсти, как ослепление и лишение разума при обретении своей судьбы и переходе в мир высшего человеческого счастья. Бормотания крохи-дочки во сне, сопереживающей бурным событиям в жизни матери и «папочки»...

Основное действие происходит на диком острове в льдистом океане, в домике метеорологов, в микромире свободы. На острове максимально возможной личной независимости в океане безграничного государственного контроля. К отраве диссидентства герои не восприимчивы. Они живут на волне высокой духовности. Страна 70-х годов во время отпускных путешествий в их глазах и ощущениях насыщена теплом и светом: льют летние дожди Москвы, благоухают сады Украины, бульвары Киева, Одессы, Кишинёва, пахнет смолой дерево Архангельска... Они существуют на уровне культуры, русской и мировой, ибо – интеллигенты. Пишут письма во Францию, пусть и не доходящие до адресата по воле спецслужб. Делают свою жизнь с отчаянных первопроходцев Арктики – Русанова, Седова, великих скандинавов... Открывают для себя истории их любви, преданности их жён.

Остров во льдах становится для них Островом везения, несмотря на множество подстерегающих опасностей: взрыв отопительного котла в дни полярной ночи, угар от дурных печей, захват стремительного прилива, соседство с медведями, болезнь ребёнка в условиях недоступности больницы, страдания беременной и трагедия нерождения...

Дух рыцарства – оказывается основой мужского существования в экстремальных условиях. Вызывают уважение решительные, жёсткие поступки главы семейства в защиту высоких идеалов, джеклондоновские стычки, нанесения ударов по лицу негодяя и одновременно с этим – великодушие по отношению к «братьям меньшим» – чудесным ненцам с их непревзойдённым акцентом, юмором и мудростью...

Если есть маринисты, художники водной стихии, то должны были когда-то появиться и облакисты – поэты величественной жизни небес. Для меня этот жанр открыл Виктор Толкачёв. Десятки страниц его книги насыщены восторженными песнями об арктическом небе вперемешку с воспеванием женщины – её человеческой высоты и красоты. Как она выменивает чёрненький полушубочек на беленький, как в холоде зимовки перед новогодней ночью является к столу нарядная.

«Хоть часик, но в платье...»

Всегда изящна, добра и умна...

Полвека в облаках её любви...

ПОМИНАЛЬНОЕ УЗОРЧЬЕ

О книге Владислава ПОПОВА «Росяной хлебушек»
(Архангельск: АРО СП России, Издательский Дом Гуревич, 2021)

Художественный мир этой книги Владислава Попова населён людьми добрыми, светлыми. Пронизан нежностью и сдержанным восхищением перед духовной красотой человека. Прикосновения автора к возникающим под его пером образам бережное, ласковое. То и дело встречаются имена с уменьшительными окончаниями. Всё Лизаньки да Феденьки, да Стёпушки.

В таком настроении писатель проводит нас по кругам русского деревенского рая. Ни в одном сердце нет зла. Оно, охладелое это народное сердце, способно, кажется, теперь только горячие слёзы источать в тихом плаче по былому без упрёков и обид. Зло где-то далеко, отсюда не видать. Там, где-то на самых последних страницах, появляется мужик с презрительной ухмылкой, с полицейскими хватками и делает своё чёрное дело, слава Богу, кажется, не смертельно. Ну, не может милый мальчик, – образ его, возникающий в начале книги, напоённой до краёв авторской любовью, взять и погибнуть да хоть бы и лет в сорок от роду.

Появляется этот мальчик на первых страницах книги как лирическое «я», своим незримым присутствием в разных ипостасях сдобривает почти все следующие рассказы и напоследок обнаруживает себя как главный герой ретроспекций завершающего рассказа «У сороки боли, у вороны боли». Рядом с бабушкой и дедушкой. Мама далеко, мама где-то на работе. А папа уехал в большой город, да там и прижился отдельно от них. От него в доме на повети остался лишь пиджак. На примерке, на плечах мальчика оказывается это скорбное одеяние жёстким, холодным. Мальчик раз надел и больше уже не вспоминал ни о пиджаке, ни об отце. А мужское влияние получил от деда.

Парочки эти, старик с внуком, или мать с сыном, просто обворожительные. Немного мы видим ребёнка в школьных буднях, зато на уроках познания родного края и народа – в лесу, у реки, на лугах он появляется постоянно. И рост свой измеряет не только зарубками на дверном косяке, но и высотой ёлочки на опушке, – насколько знакомая ёлочка каждый год вырастает, настолько и мальчик. И ввысь, и по горизонтали – в походах с мамой-почтальоншей (отдельная поэма!) по лесным дорогам, от крыльца до крыльца множества изб-жилиц с последними их обитателями.

И свойства «росяного хлебушка» он узнаёт в лесных куцах, – вынутый из-за пазухи, ещё тёплый, ломоть на пеньке покрывается утренней росой, обретая вкус хвои и листьев, и вообще всего окружающего пространства: чувство родины, оказывается, может впитываться человеком не только с молоком матери.

Пишутся Владиславом Поповым рассказы о детстве так, будто бы мы вместе с автором заглядываем из тьмы небытия через щёлочку в младые солнечные годы каждого из нас. Ребёнок живёт бессознательными порывами, невинными проказами, недалеко ещё от ангела ушёл, но глаз у него уже художнический, «острый», писательский, – это от опытного автора.

И после запевного «Росяного хлебушка», несколько рассказов спустя, составляющих тело книги, автор как бы ещё раз, напоследок, оглядывает мысленным взором знаемые земли, – не упустил ли чего, – а вот и хорошо, что не поленился. Вон по весенним снегам бредёт он, прощёный зэк, добрейший малый Стёпушка. Ключ от дома на верёвочке находит, отпирает дверь. «Ну, здравствуй, дом!» Начинает жить, вживаться и, опять же, – вспоминать себя ребёнком.

Вспоминать, что и как было под этой крышей, и чего теперь никогда уже не будет. Переделаны в этом доме все дела почившими родственниками. Вот разве что заготовки для табуреток от деда остались, и есть счастливая возможность подхватить оборванную нить жизни деда, продолжить с чувством бессмертия рода и собственной нужности на земле.

Степан – за верстак, а писатель Владислав Попов – за ноутбук, выдавать в свет последние страницы деревенской летописи, начатой русскими авторами ещё в 19 веке и продолжающейся теперь, чтобы поставить точку в этой глобальной теме для России.

Думается мне, что писатели-деревенщики последнего поколения выступают в роли неких чистильщиков литературы о русской деревне, подчищают, подбирают колоски, жнут обсевок.

Фермеры-единоличники, наёмные рабочие теперешних стерильных животноводческих комплексов, конечно, тоже представляют интерес, но, скорее всего, уже для писателя совершенно другого склада и школы...

Настаёт время, бьёт час для автора, и необходимо уводит он повествование в недавнее, дотюремное прошлое своего героя – в историю с любимой девушкой Лёлей. Не находится ей места в этом раю. У неё рай городской. У Стёпы – в заброшенной деревне на рестаурации часовенки, на рыбалке и в сарайчике-мастерской с рубанком и стамеской в руках. А в перекур – опять же на крылечке за душевной беседой с соседом. А Лёля, вольная птица, вьёт гнездо по своему усмотрению. Обрекает Стёпу на одиночество, на повторение материнской неустроенной судьбы.

Читаешь, листаешь страницы рукописи этой книги в «ворде» – будто диафильм смотришь, будто вовсе и не строчки русской азбуки разбираешь, а кадрики прокручиваешь. Едва успеваешь в картинке всё до мелочей рассмотреть, а тут уже и новая наплывает.

«В мастерской бабочки-крапивницы колотились в стекло, и откуда берутся, ведь не время ещё? Каждый день ловишь в ладонь и выпускаешь на волю. Одну, вторую, третью... Трепещутся, бьются в кулаке, как сердечко. Может, и я тоже в кулаке чьём-то бьюсь, бьюсь... Топчется дождь на месте, скололся со следа и не знает, куда бежать? Шумит, гудит за окном. Руки ни к чему не идут. Нарезал через силу реек, для портретных рамок, думал, втянешься в работу – легче будет. Нет, не пошла работа. Маета одна. Тускло в избе от дождя, сумрак тихий, белый. Сидишь в углу, и кажется, что вся изба раздалась, расширилась, распахнулась прозрачно, как поле – далеко до дверей, далеко до печи, потолок высок, столько свету, печального, вешнего, изба разом в себя приняла...»

Проникновенно пишется, с сердечным трепетом, яснее ясного становится, что и с деревней, и с народом, населяющим её, автор чувствует «самую жгучую, самую смертную связь», и кажется, будто сам он со всем этим прощается навеки, воспроизводя для нас последние разговоры жителей на этих лугах и поймах, у костра и у печи, в застолье, поспевая за милейшим Данилой Ивановичем, этим бессменным спутником в движении автора по кругам рая деревенской жизни: по детству и по старине.

В сравнении с мощью и красотой окружающей жизни совсем неважным кажется и то, «за что» отсидел в тюрьме Степан. Право, невелик грех... Да и срок отбывал он с чистой душой, с высокими мыслями.

«Говорил на зоне батюшка:

– Рождаемся мы, мужички, для смерти, а умираем для жизни! – сидел в растопыренной рясе, сапогом шаркал, и табурет скрипел, скрипел под ним, тихо, вторя негромкому голосу.

«Знать бы только, где эта жизнь? – спрашивал себя Степан. – Да своя-то ещё до конца

не изжита». Мелькало что-то пред глазами, виделось. Всё детство виделось. Вот оно, где счастье-то его было! «А что осталось во мне? – думал он. – Что осталось от того маленького Стёпы? Я ли это был? Или другой кто?..»

Поминальная молитва уходящей деревне выткана на этих страницах неброским узором с призывками поморской говори.

Собственный писательский язык Владислава Попова – истинное наслаждение для читателя. Как-то он смог удержаться и от крайностей простоты, которая хуже воровства, и от захвата словотворчеством до удушения читателя.

«И тянули они водку маленькими глоточками, последние два мужика, последние жители из двух уже безымянных деревушек, таких, что и на карте не найдёшь. Обламывали хлеб по кусочку, смотрели в даль синюю и всё наглядеться не могли. И казалось Степану, что он и сам становится синью этой, травой, из-под снега вылезшей, шорохом, шелестом, криком птичьим.

– Данила Иваныч, чуешь ли?

– Чую, Стёпа, как не чуют? Живём, как трава!

И снова глоточек и хлеба крошку. И смеётся Данила Иваныч:

– А наши крохи, да и те не плохи! Глянь-ка, Стёпа, мать-и-мачеха выклюнулась!

Дожили, а? Дожили!

И тянулась душа восхищённой печалью и к цветку, и к небу, и к птице, летящей над Пинегой, и томилась внезапной надеждой...»

Редко доводилось мне встречаться с таким текстом, когда сборник рассказов, как бы ни было ловко подобранных, приобретает бы свойства жанра более крупного, – романа, к примеру. У Владислава Попова это получилось, хотя он скорее всего и не ставил такой цели перед собой. Рассказы его как волны набегают один на другой, образуя напористый вал цельного повествования.

И местами примеченная мною статичность, отсутствие внешнего действия (сжатие перед прыжком) – тоже на поверку выходит авторским приёмом, производящим яркие эффекты как случайный взгляд из движущегося автомобиля – впрыскивается в душу, запечатлевается надолго. Насыщает, прорисовывается в воображении, оборачивается умело перенесённым в литературу приёмом живописи на холсте.

Известно ведь, чтение беглое – чтение бедное. А где проще, там и тоще. В замедлениях, в подробностях – своя прелесть.

Но вот наступает момент, знаемый только автором, когда это самое вожаемое мною внутреннее действие вдруг и завязывается, и – потекло.

Приезжая городская учительница в рассказе «Хитриха» попадает под обвал деталей местной жизни: русская печка, валенки, печурка, рукавицы, умывальник, ходики... Становится квартиранткой у хозяйки дома – Хитрихи (из ряда солженицынских Матрён, двадцать пять рублей пенсии, жизнь впроголодь, все излишки прячет в подпол – «Ведь украдут!», видать, по опыту знает, что и греховодники в этом рае водятся...). Погрузилась учительница в мягкое, как пух, лоно идеальной деревни, и остановилось для неё время, потекло вспять, в ирреальность. Открылось безумие Хитрихи. Она не признаёт своего родного сына в мужике, приехавшем на побывку. Ночью стучится старая к учительнице, с ужасом сообщает, что «там какой-то чужой мужик спит». И гонит, гонит его из дому.

Обезумела бабушка в раю, помешалась разумом – исхитрилась, и в раю не всё ладно, видать.

Скудеет рассудком человек в раю, зато выше облаков возносится своим воображением. Как случилось в рассказе «Ворота в синее поле» с истопником в музее райцентра,

соломенным вдовцом Фёдором. Давно уже у него любимая жена пошла в лес за морошкой, да так и не вернулась, не нашлась. Для него отрадно хотя бы и на какой-нибудь чужой могилке слёзы по жёнушке пролить. Обнаружено тут писателем абсолютное страдание от любви, одиночества и бездомности.

Приятель его, старик, хотя бы мечтает до двухтысячного года дожить, а у Феденьки вообще никакой мечты нету.

Роковым событием в жизни страдальца становится найденное на чердаке живописное полотно в рамке.

«Это была картина! Она ожила, и теперь властно и нетерпеливо звала к себе. Свет за его спиной укорачивался, уменьшался, будто втягивался внутрь картины. И гранёные стёкла шкафа, и медь, и бронза старинных часов, когда он оглянулся, уже темнели, не переливались солнцем, и он, боясь всем сердцем, что не успеет заглянуть в это ещё живое, гаснущее окно, побежал к картине, споткнулся и упал лицом в её горячую прелую траву, больно ударившись грудью о раму. Что-то плотное подхватило его снизу, под ноги, и он, часто и быстро перебирая локтями и коленями, цепляясь за стебли и корни, вполз, задыхаясь, в закрывающееся окно...»

Картина заморочила мужика, вывела за рамки рассудка в мир потусторонний. И появилась у него надежда встретиться там со своей ненаглядной Лизонькой, а хоть бы и помереть, так с ней.

В заброшенных деревнях жизнь застойная, думы тяжкие, сознание помрачённое. Как нельзя кстати тут обнаруживается любимый у автора, можно сказать, навязчивый художественный мотив: человек выходит на крыльцо, садится на ступеньку и вглядывается, вдумывается в окрестности (рассказ «Где-то плывёт рыба»). С прищуром вглядывается, с дымком сигареты и внешне бесстрастно, а на самом деле с глубокой болью по поводу конечности прекрасной этой жизни. Подсаживается к нему приятель. Начинается вязкий разговор о дожде, о предстоящей рыбалке, и всё без азарта, буднично. Поход на реку совершается, как говорится, нога за ногу, с мелкими побочными заботами, с поеданием пиროгов у соседки, с попутной косьбой в её огороде.

«Гриша посмотрел на бабу Федору и будто в первый раз её увидел. Господи, светленькая какая, будто вся в свет ушла! Всё личико в морщинках мякonych, возле носа, как в горсточку собранных. Фартучек старенький весь выцвел, даже не угадаешь, где какой цветочек был. Кушачок обдёргался. И сжалось тоской сердце Гриши, а вот если не будет бабы Федоры, тогда – как же всё будет? И печка без неё не такая, поди, будет. И стол другой, и buffet заветный с чашками тоже чужим представится, другим, холодным, будто из него тепло Федорино вынут. И показалось Грише, что вот не стало солнца в комнате, нет больше ярких горячих пятен. Дождь за окном серый. Дверь раскрыта. Ветер листочками календарными пошуршивает, и Шура, плача, говорит: «Баба Федора как тряпочку свою саженую на верёвочку повесила, так мы её и не убираем, пусть висит... На календарь, помню, глядела. Я спросила: «Бабушка, чего на календарь-то всё глядишь?» А она – мне: «Да вот, девка, гадаю, в какой день помирать буду...»

А потом на рыбалке и стерлядь древняя, как баба Федора, лишь покажется ловцам да и тоже канет в небыль. И будут толковать мужики, что эта стерлядь, должно быть, настолько древняя, что ещё до динозавров плавала. У неё вместо рта трубочка, и баба Федора её не ест, боится, что она её жизнь высосет...

Опять очередная старушка не в себе. И сын при ней как привязанный, завтра же бы в море ушёл, да как оставишь старую.

Не только старухи, но и живучие старики ещё бродят по деревне. Один такой, Митрич

(в одноимённом рассказе), спасает собаку из колодца. На взгляд собаки, думается, он как ангел заглянул в окно сруба. А кто на него глянет в смертную минуту, кто его спасёт?

Хорош этот рассказ особенно своей упругой формой. Словно в стеклянном шарике всё происходит, и шарик этот невесомый проплывает у моего окна над московской окраиной. И дальше, дальше по свету, и ночью где-то тоже изумляет кого-то своим чудесным появлением.

Это, наверное, мои представления о счастливом выходе этой книги, о тиражировании её и распространении.

Какие они есть на самом деле, такие и под пером (под клавишами ноутбука) Владислава Попова появляются эти теперешние, остатные, люди деревенские – все они уже не при делах. Попадают на глаз художника уже вовсе не в настоящей, производительной работе, как кормильцы страны, а в мелких, житейских хлопотах – в походе за грибами, в поделках за бутылочкой с разговорами. И разговоры, конечно, душевные. Темы благостные. Ибо всё отжито, отгуляно. Ностальгия в ходу. Как тут и лошадушек не помянуть. Разных по норову, масти и кличкам. Вот колёса от телеги нашли собранные на загляденье (рассказ «Колёса») – изумляются старинным мастерством, печалются о чём-то невозвратном. Как будто вовсе и не колхозно-совхозные мужики и бабы, а уже вековые, из былинных времён, – обсыпалась с них вся шелуха.

До состояния тени растворён в деревенском бытии и образ мужика по кличке Доля. Былинный сказочный мужичок – тоже без страстей и порывов. Не матерится, не курит, ну, право, не от мира сего, может, потому и долгожитель (рассказ «Доля»).

А Дорофеич, наоборот, кремень, мастер на все руки, плотник, печник, – рассказ «Нагулялся». Носитель красоты (эстетики) народной жизни. Да что там говорить, – мыслитель, дающий достойную отповедь заезжему горожанину.

Утончённая философия дачника – мир как абстракция – оскорбляет Дорофеича.

«– Значит, я тебя правильно понял, парень? Наш мир – это, по-твоему, фантазия, игра такая интересная. Мы, дураки, просто думаем, что всё вокруг нас настоящее, а на самом деле ничего нет? Так, да? У меня мать полгода лежит, мучается – это что, моя фантазия? Мой дед с войны на деревянной ноге прискакал, в танке горел – выдумка? Артём с Леной дом строят, жизнь свою строят, жить хотят по-человечески – тоже игра? Нет, братан, у тебя правды! А так, похвальба одна...»

Конечно, должен был обязательно появиться в этом вернисаже, подёрнутом флёротом запустения, и холостяк, бобыль классический, хотя теперь уже и с мобильным телефоном, «...живёт с матерью, ему сорок два, а жениться всё не пробовал. И мать потеряла надежду на старости помянчиться с внуком или, что ещё лучше, с внучкой. Хотя нет, лет десять назад, помню, попытка была. Татьяна, бойкая и озорная почтальонка из соседнего околка, легко согласилась, да только Толя на первом свидании, и часу не побродив под ручку, сказал ворчливо:

– Да ну к лешему! И ноги у меня замёрзли, и мать заругается! – и бросил бедную Татьяну на сумеречном лугу...»

Ну, не прострелило парня женщиной. Ну их! Живёт с матерью, – а что, мать не женщина? И хватает ему. Да, кажется, даже с избытком. Это, как говорится, от недостатка тестостерона в крови, от пониженного либидо. Но вот приезжает в деревню пейзажист «на натуре», и в Толе оживает ни много ни мало – художник! Опять же, по-научному говоря, сублимация происходит, перевод детородной энергии в творческую («Толя Уляшев»).

«Дня два он ходил сам не свой, молчаливый, озабоченный, не хлопал дверями, не гремел по лестнице, и мать, засматриваясь в его непривычные, смягчённые глаза, полагала,

что он влюбился, но боялась спросить его об этом, чтобы не сглазить, ходила по избе тихо, словно несла всякий раз перед собой доверху наполненную чашку.

– Мама, – спросил он, не вытерпев, – а какие-нибудь краски, кисточки у нас где-нибудь остались?

– Не помню, – удивилась она, – на что тебе?

– Да вот порисовать охота!

– Ой, Толя! Всё-то у тебя не как у людей! – огорчённо воскликнула она, поняв, что ошиблась в своих ожиданиях. – Лет-то тебе сколько, что рисовать задумал?»

А задумал Толя большую картину на обратной стороне клеёнки, непременно – эпическую.

«Я хочу стену нарисовать крепостную, с зубцами, с бойницами, такую просторную, что и на телеге можно проехать. И башня над ней шатровая... На стене – люди разные: князь, воевода, дружинники, ратные...»

Вот как в человеке глубинки национальное сознание просыпается, и сразу – глубинное!

Селение на высоком берегу, а под ним широкая река, и без перевозчика не обойтись.

В каждой деревне свой Харон.

Вовсе не мифический, но тоже как бы бесплотный и этот Токна, Тохна (может быть, Антоха), никто не интересуется истинным именем. Один в доме под стать домовому, а не сам ли он и есть домовый? Нет – не похоже. Домовой-то хоть со страстями, с проказами, а Токна – во блаженстве.

Случился прохожий, – Токна его перевёз на другой берег, да с ним за компанию и до заштатного храма добрёл. Шапку снял, молится, а слов высоких у Токны – всего лишь два слова.

И сам он худой, лёгонький. Как ангел.

«Усыхаю», – говорит.

Домой возвращается – видит белое пёрышко на столе. Откуда взялось?

Для ангельской души Токны задача не так чтобы очень и неразрешимая (рассказ «Токна»).

Не без вздоха огорчения приходится признать, что хотя и в зачатке своём, но всё-таки и в этой обобщённой благословенной деревне Владислава Попова зло имеет место быть. Обнаруживается оно в обличье Кузьмы в рассказе «У сороки боли, у вороны боли».

«Степан закрутил головой, почудилось, будто за мысом зазвенел на ветру лодочный мотор, умолк и припустил снова. И разом лодка вынырнула, длинная, низкая, собранная из кровельной жести, неслась, прижимаясь к воде, будто стелилась... Козьма заметил, догнал по широкой дуге, заглушил мотор. Длинная, покатающая волна подняла и опустила его узкую, как щучье тело, лодку. Качаясь, они сошлись бортами. Козьма ухватился за их борт, улыбнулся, блестя передними выпуклыми, словно у зайца, зубами...»

Таков он, оскал зла, природе которого немного уделено внимания в этой книге, ибо всё недоброе, чёрное по природе – чуждо, неприятственно для людей, населяющих её.

Откуда взялся этот беспощадный Кузьма здесь, в миротворной тишине деревни? Тоже ведь – земляк, не засланец какой-то. Да, видать, не любовью привит к народному древу, а как-то бессердечно. Ядом духовным, – подозрительностью, завистью, злословием искони было проникнуто его родовище.

И вот прорвалось оно.

Заряд дроби подло в спину Стёпушке, в правую лопатку пускает Кузьма в порыве пья-

ного безумства. Кажется, не смертельно. Хотя после этого сноровки плотницкой мужик лишится надолго. Осложнится его жизнь. Совсем оскудеет бытие.

Однако, думается мне, и в самом ветхом теле не зачахнет душа этого Стёпушки, полная добра и света, предназначенная для долгой жизни, а может быть, и вечной...

ПРОЗА ПОЭТА

*О книге Игоря ГУРЕВИЧА «Зона отчуждения»
(Москва: Сказочная дорога, 2020)*

Игорь Гуревич превосходный поэт, именно потому и проза его поэтична, хотя уже не стихотворной поэтичностью, а прозаической. Садясь за рассказы и повести, составившие его книгу «Зона отчуждения», он как бы переключает в себе тембры, лирик отступает, на передний план выходят герои, пейзажи, обстоятельства.

Тексты складываются рукой мягкой, но уверенной и умелой, начиная с первого рассказа в этом сборнике – «Цыганская кофта», написанного от лица женщины свободной городской культуры, умеющей заработать и со вкусом потратить. Напряжённый авантюрный сюжет о ловкачах базарных рядов и наивных покупательницах излагается зримо, подробно, не теряя, однако, внутренней стремительности, как и полагается по жанру.

Законное, сквозь смех, негодование у читателя рассказа «Где у собаки холка» вызывает тирания четвероногого друга, и хочется аплодировать оригинальному способу укрощения наглого «любимца».

Далее мы с удовольствием отдаём дань находчивости и умению держать себя на публике героя рассказа «В автобусе» в его противостоянии с грубиянкой-кондукторшей. Излагая происшествие в духе наших сатириков-классиков, автор устраивает нам представление в пяти коротеньких актах с феерическим финалом. И резко меняет тон в «Похоронах Фроси».

Рассказ этот проникнут печалью, под стать глубокой осени в северном неустроенном городе. Умерла черепашка. Где-то надо предать земле. И мама с сыном везут её на могилку к родным людям, чтобы захоронить там. Безысходностью веет и от мамы, и от сына. Обречёнными кажемся и все мы, бесславно живущие и потом навеки уходящие.

Как рассказы, эпизод за эпизодом, выстраиваются в объёмные произведения, так и сами эти произведения, по два-три, образуют внутренние сборники – со своей драматургией и архитектурой. Со своей общей темой и атмосферой, переданной то с горьким юмором, настоящим на крови и унижениях, то с улыбкой умиления.

Блок из двух рассказов о безумствах власти. И третьего – о мире ребёнка в счастливой семье.

Кровопролитие, наветы, ужас, и – вещи в комнате, одежда отца, матери – становящиеся артефактами биографии мальчика.

Героическая домохозяйка в безумии гражданской войны, отчаянная кормилица семьи – и восторги, страхи, акварельные видения ребёнка в болезни...

В излюбленных мотивах чувствуется особенный подъём. Это когда речь идёт о времени жизни самого автора и ему становится как бы более комфортно среди сверстников, рождённых в шестидесятых и позже. Словно бы сам он вместе с молоденьким офицериком ищет начертавших на заборе крамольную «антипартийную» фразу (рассказ «Анонимная

подпись»). Лейтенант рвёт и мечет, мечтая о повышении. Расследованию сопутствуют череда подлогов и нелепых приказов. Вскрываются «строго секретные» методы действий спецслужб времён консенсуса и плюрализма.

Затем появляется важный отставной генерал, мечтающий обрести для своих дачных соток невиданно урожайный потатос («Ведро колумбийской картошки»), а посредством манипуляции ушлых подчинённых получающий самую обыкновенную отечественную...

Необходимо родиться не только в рубашке, но и с улыбкой на губах, чтобы юмор был столь естественным, природным, как у Игоря Гуревича.

Невозможно не рассмеяться, читая рассказ о том, как распределяли портреты вождей среди недорослей-демонстрантов («Кого нести будем»). При том стоит заметить, что именно в молодёжной тематике проявляется артистизм автора прямо-таки неукротимый, но опять же без капли ядовитого обличения, абсолютно жизнелюбивый.

Сказывается южнорусский характер. Не обходится вниманием и сама Одесса как ре-актор юмора. Её знаменитая барахолка, где молодой герой, очарованный свободой подпольного рынка, проходит начальный курс фарцовки («Одесса, ты мама?»). Конечно же, неопытному в делах торгова студенту подсовывают подделку – «японские плавки», в которых он намеревался покорить красавицу на пляже. Трусы разлетаются по швам, словно конфетти. Горе неутешное.

Мудрая мама преподаёт урок общения с корыстными продавцами, но не в коня овёс. Сын-комсомолец страдает от созерцания этой глубоко антисоветской, на его взгляд, ценовой игры у прилавка.

Озадачивает мальчика и милое мамино сводничество с «девушкой из хорошей семьи». Однако здесь молодая влюбчивость быстро преодолевает всяческие сомнения. В приключениях начинающего повесы чувствуются отголоски сексуальной революции, совсем недавно отгремевшей недалеко от границ нашей страны.

Хипповый роман развивается по классическим канонам и заканчивается неудачей.

Снова читателя накрывает светлой печалью. Нет, улыбка не исчезает со страниц книги, но становится невидимой, сердечной, когда в рассказе «Рейган, мы не едем» попадаешь на проводы эмигрантов. Перед нами театр. Раздача вещей соседям и родным.хлопоты пожилой хозяйки. Несчастный больной старик. Выпивка «на посошок». Слезные эмигрантские страдания под гитару и аккордеон. Проводы в аэропорту. Возвращение провожающих в родные северные края. А тут уже и новый рассказ – «Цена свободы», и новый характер юмора.

Улыбка автора становится здесь как бы слегка плотоядной, ибо герой – взрослый, семейный, устроенный, сорокалетний, оказывается одержим демоном супружеской измены. Ему хочется иметь связь с женщиной без всяких обязательств. Речь вовсе не о служебном романе, а об элементарном «договорняке». Как всякая супруга, жена нашего героя тоже, конечно, распознаёт крамолу и запускает в действие встречный план. Заключает свой договор с особой лёгкого поведения. Уловка срабатывает. Похотливый изменщик получает своё, но скоро приходит к мысли, что плохой брак лучше хорошего адюльтера.

Рассказы удлиняются, преобразуются в дуплет повестей «Две жизни». Жёсткие. С ружьями, хотя и не висящими на стене в начале действий, хранящимися в чехлах под диванами, но всё-таки стреляющими в конце. Две повести. Две жизни. Два выстрела. Дуло в дуло. Пуля в пулю. Отец в сына. Сын в отца... Тут не до улыбки. Разве что со слезами на глазах. И общий заголовок от меня как от рецензента: «Вождение и наказание».

После драматического напряжения кровавых разборок кровных родственников читателю предоставляется возможность передохнуть.

Мы попадаем в северную тайгу.

«Вдоль дороги рдело бабье лето... Лес был наполнен грустными звуками расставания... Слышался хруст веток, вздох... это лосиха о лосёнке ещё не окрепшем, чтобы жить одному...» И в окружении этой красоты мчит по лесной грунтовой дороге бричка, то бишь, жигуль-«копейка», а в ней коллективный Чичиков наших дней в лице трёх спецов по соц-опросам перед выборами губернатора, мёртвые, циничные души недавно импортированной демократии.

Роскошное остроумное повествование, по всей видимости, основанное на личном опыте автора, что составляет особую ценность, тем более что указующего перста не видно, действие развивается естественно, в жанре путешествия. Написано (сыграно) ярко, красочно, с напористым разудалым русским шансоном, слышимым мною в подтексте...

А завершающие первую часть книги «Сцены из жизни Яшки Штейнбока» представляют собой трогательное повествование из жизни кошки, крыса (муж.) и мамы с дочкой, дополненное несколькими новеллами про обитателей одного подъезда (людей и животных). В розовом флёре проступают силуэты «святого семейства» – тихо живущего здесь и потом бог знает куда исчезающего, словно отплывающего в туманную даль этой книги. В то время как читатель уже погружается в житейскую бездну «Работы с родителями» – повести о молодом да раннем выпускнике педвуза, сразу ставшем директором школы в лесном посёлке.

Действие движет едва ли что не детективная интрига: получится или не получится у парня совладать со склоками, наговорами, подставами в этом житейском лесном муравейнике. Вопрос разрешается в пользу молодого назначенца после сцены усмирения анонимщиков посредством угрозы впредь эти самые анонимки принародно оглашать. Откуда у парня испанская грусть – откуда такая административная хватка? Он отшучивается, мол, набрался из книжек, из кино. Не скажешь же про самого себя, мол, талант от Бога.

В этой повести рукой художника разобрано устройство жизни рабочего посёлка времён двадцать седьмого съезда капэээс, если ещё кто-то помнит о таком.

Добродушная сатира, если сатира может быть такой.

Зона в «Зоне». Но уже настоящая, с колючей проволокой по периметру. С хамоватым капитаном Смолкиным и высокомерным лейтенантом Витковским, с опустившимися служилыми – дембелями и салагами. С женщинами всех видов и возрастов. Опять писатель навеивает сон золотой, живые полнокровные образы приятно пьянят сознание, авторский ком воспоминаний подступает и к горлу читателя.

Действие повести из лирического плавно переходит в захватывающий производственный роман по переустройству школьных кабинетов. Перебивается ретроспективой времён окончания вуза. После чего снова нас окунают в общество учителей, предстающих перед нами как государственные чиновники энного класса.

Мы наблюдаем не совсем искренние хлопоты в связи с трауром по Брежневу. «Распределение республик» по группам учеников в преддверии юбилея страны словно бы в предчувствии её грядущего распада. Всё заканчивается вполне соцреалистическим хэппи-эндом в виде общешкольного праздника. Ничто не предвещает обрушения государственного здания. Вместо политических страстей – ещё сугубо личные: блуждание по тайге, оставление ребёнка без присмотра. Поездка с детьми через Москву и потеря там одной девочки... Полноценная жизнь в эпоху развитого социализма...

И в заключение скажу так: если и существует в природе вдохновение как особое неконтролируемое состояние, позволяющее писателю без усилий наносить на бумагу слова и предложения, вести замысловатое действие, увлекать читателя, которому в финале становится жаль, что книга закончена, то именно под действием такого настроения и созданы в этих обложках все рассказы и повести.

ДНЯ БЕЗ НОЧИ НЕ БЫВАЕТ

*О книге Вячеслава ЧИРКИНА «Тёплые облака. Избранное»
(книга готовится к печати в серии «Современные северные писатели»
издательств АРО СП России и Издательского Дома Гуревич в 2023 году)*

Эта книга начинается с повести «По злой воле», сильной своей безыскусностью, затем набирает темп, высоту, красочность в части произведений для взрослых и детей, а завершается блоком замечательных рассказов и сильной финальной пьесой в духе испанских страстей.

Книга написана без напускной литературности. Порой некоторые тексты напоминают крестьянские рассказы, как они определялись и виделись Толстому. Это значит, что художественность присутствует в самой простой фразе, если она содержательна и написана с жаром сердца, в незамутнённой памяти.

В повести «По злой воле» автор говорит только о том, о чём не может не говорить. О страданиях людей, о наглом подавлении личности бесчеловечной властью большевиков.

Кажется, о бедах русской деревни тридцатых годов уже много сказано, но Вячеславу Чиркину удалось заполнить те пустоты, которые волей-неволей остались в произведениях авторов деревенской темы, опубликованных в предыдущих десятилетиях.

Мы снова и снова наблюдаем зверские методы коллективизации, видим, как валялись в гробы, в ямы лучшие люди крестьянского сословия, падали в небыль как подкошенные.

В конце повести автор, не довольствуясь приёмами традиционной прозы, в захвате нечеловеческих эмоций прибегает к чистой документальности. И это оправдано самим материалом.

Если извлекать квадратный корень из повести, то в итоге, в сгустке получим каменную глыбу памятника всем страдальцам.

Кажется, это будет первая повесть о невероятно беспощадном крестьянском разоре, изданная в Архангельске. Беспощадность правды зашкаливает. Для меня здесь открылось много нового, хотя, кажется, я уже всё перечитал на эту тему. Ну, вот, например, рассказывается о таком ухищрении властей, когда ссыльных принуждали подписать заявление о том, что они добровольно приехали на Север, в романтическом порыве строительства светлого будущего. На самом деле задача заключалась в сокрытии чудовищных жертв среди ссыльных. Добровольцы, мол. Это не по нашей, энкавэдэшной, епархии.

Северная деревенская литература ещё не погружалась на такие глубины ужаса человеческой жизни. Фрагмент с девушками, заготавливающими в комариной тайге глину для примитивного кирпичного производства, – отдельное произведение. Женщины вообще у писателя Чиркина в приоритете. Он любит их, бережно относится. В бригаде глиномесов единственный парень, и он тоже восхищается природой женщин. Да они и не женщины ещё, а девчонки из детдома, хитростью, куском хлеба заманенные в лес. «Что за народ эти девки! Они или рыдают, или хохочут!»

Холод пробегает по спине, когда проникаешься изображаемым в повести. Перед нами не что иное, как первобытно-общинное общество во времена тысячелетней давности периода славянских первопроходцев, когда чудь уходила в леса и староверы самосжигались. Хотя на дворе тридцатые годы самого просвещённого века, но того и гляди, выйдет из леса динозавр.

Народ в лесу молодой, но могучий. Играть свадьбу в этих жутких условиях. Кажется, сам автор, не в силах справиться с нахлынувшими чувствами, переходит в конце повести на прямое высказывание в духе беловского «Лада».

Свадьба, строительство дома, выживание в колхозе... Прослеживается жизнь молодой семьи вплоть до 60-х годов, когда многолетнее напряжение всех сил пошло прахом. «Стоило ли начинать коллективизацию?»

Ночь в книге заканчивается как всякое помрачение. Страницы книги словно бы наливаются светом, когда приступаешь к чтению следующей части: «Рассказы», «Сказы», «Сказки». Тут знакомишься и с философией старения «по-чиркински», который устами своего героя заявляет: «Нам бы день простоять да ночь продержаться». Рассказы пышут юмором. Однако недолго. Вдруг едва слышно начинает звучать в тексте бабий причет. Словно бы где-то недалеко отпевают покойника. Плакальщицами обычно выступают женщины, но здесь автор успешно стилизует бабий вопль по загубленной судьбе, используя приём ритмизованной прозы («Степан и Настя»). Затем опять слышится здоровый смех и открывается безоблачное небо, – в замечательном охотничьем рассказе «Медвежатник». Вперемешку, по контрасту даётся нам на суд история «Дяди Саши», после войны оставшегося без ног, мужественно прожившего долгую жизнь и достойно ушедшего в мир иной.

Остроумные наблюдения над людьми и животными в рассказах «Демократы», «Барс и Дамка» опять же поднимут вам настроение. Порадует и «Червяк», напоминающий шукшинские рассказы и не менее крепкий в художественном отношении.

Выступает в этой книге Вячеслав Чиркин и как восторженный, лиричный поклонник Русского Севера. «Песня» так и называется – «Север любимой». И в ней – сама Россия.

Автор близок к детям, любит их. Он не только забавник, но и ненавязчивый учитель, наставник в мире живой природы. Особенно хороши его зажигательные потешки в писцовском стиле.

А в полную силу разворачивается его талант, на мой взгляд, в сказочной повести «Тёплые облака». Казалось бы, ну никак невозможно путешествовать на лыжах по облакам, не может такого быть! Но всё-таки на одном дыхании проделываешь вместе с детьми этот поэтический поход к познанию своей Родины и Вселенной во всей их необъятной шире и смысле. Задумка воплощена мастерски, чувствуется большой опыт сказочника. Близок по теме и рассказ «Речной всюдоход». Фантастика, а верится с первой строки.

Не чужд автор и мистическим настроениям. Тонкое и убедительное нравоучение пронизывает рассказ «Бог наказал». В этом и следующих рассказах, к моему удовольствию, открылась для меня результативная, целенаправленная работа автора над фразой как самостоятельным литературным мини-произведением, стилистическая усложнённость.

Без преувеличения можно назвать триптихом рассказы «Те или не те», «Бог наказал», «Груша». Это остроумные потешки уже в особом «чиркинском» стиле.

Смех смехом, но то и дело, словно рефреном, автор возвращается к такой серьёзной теме, как рождение и воспитание невероятного чуда на земле – женщины. И на прощание преподносит читателям пьесу «Недотрога». О том, что девушке надо ждать, а юноше – побыстрее стать с ней мужчиной. Хорошая, весёлая пьеса с деревенской дракой и поножовщиной, с хэппи-эндом, с жёсткими разборками между парнями и стрельбой из пистолета. Немало в пьесе чувственных, любовных и в то же время целомудренных сцен, таких, например, как совместная помывка девушки и парня перед свадьбой. Героиня прелестна. Изощрённой игривостью она доводит парня до безумия. Любовью лечится в этой пьесе даже алкоголизм одного из героев.

Много жанров, много разнообразных литературных решений предлагает нам Вячеслав Чиркин в этой очередной своей книге, но в конце всё-таки не покидает ощущение цельности, более того – эпичности звучания. А это весьма редкое свойство подобных сборников.

ЖИВОПИСНАЯ ФАМИЛИЯ

О книге Сергея Доморощенова «Сказочник весёлый, невесёлый человек»
(Архангельск: АРО СП России, Издательский Дом Гуревич, 2021)

• От родникового истока •

Эта книга – жизнеописание Великого сказочника, художника, путешественника Степана Григорьевича Писахова, его кругов по всему свету с постоянной привязкой-возвращением к родному дому с железными ставнями на улице Поморской в Архангельске. Как он родился там, так и отошёл в лучший из миров в преклонном возрасте, тихо усоп, сидя в старинном кресле.

После всяческих отлучек и путешествий прибывался он к этой «деревяшке», как теперь снисходительно бы сказали. Тогда это был крепкий особняк в два этажа. И жила там семья успешного ремесленника-ювелира со старообрядческими устоями.

В середине восьмидесятых годов позапрошлого века в семье было уже много детей. И был кудлатый мальчик Стёпа. И был день, когда он под приглядом отца маленьким молоточком чеканил из серебра оберёг в виде коровки с колечком для гайтана. Требовалось наготовить несколько таких талисманов, чтобы тётка-богомолка на пути по монастырям могла поторговать ими. Изделие Стёпы принесло хоть и маленькую, но прибыль. Впоследствии тоже и картины, и сказки Степана Писахова давали ему средства для жизни, пусть и приходилось подрабатывать. Особенно после революции, когда солидное наследство отца отошло государству.

К моему немалому удовольствию, Сергей Доморощенов в этой своей книге «Сказочник весёлый, невесёлый человек» без ложной скромности уделяет достаточно внимания стоимости проданных картин Степана Писахова, суммам договоров с издательствами. И потому образ Степана Писахова предстаёт вполне очищенным от всякого лукавства и недоговорённостей.

Выскажу, может быть, спорную мысль, но мне кажется, что ценность того или иного произведения культуры в рублях чаще всего идёт всё-таки рука об руку с его ценностью художественной. Хотя и не гарантирует ценности исторической, которую ещё и при жизни приобрело всё созданное Степаном Писаховым – картины и сказки.

В книге представлены, без преувеличения, сотни различных персонажей. По воле автора одновременно с развитием, наполнением образа главного героя наслаивается в воображении читателя и почти столетняя история повседневности существования и Архангельска, и зимовок в Ледовитом океане, и друзей-приятелей главного героя в Москве, Ленинграде (Санкт-Петербурге).

Общаясь с духом большого художника, невозможно не наполниться им, не заразиться. Невозможно просто тащиться вслед за документальными изысканиями, – невольно приходится поэтизировать их, проявляя высокое творческое сознание.

Написана книга с интонацией припоминания, автор как бы с прищуром вглядывается в глубь времени, в историю столетней давности. Вслушивается и вдумывается. Нет-нет да и появляются в тексте его реплики: «Слышу я голоса»... «Видимо, это было так»... «Возможно...» «А вот этого быть никак не могло»... Писатель осторожно вмешивается в жизнь видимых им образов, сам становится одним из них.

Счастливо найден автором и способ построения текста книги. Ритмично наплывают тектонические слои документальности, события напластовываются без швов как набег волн с уловимым ритмом-дыханием.

Успешно работает на образ главного героя подборка портретных литературных зарисовок множества «соавторов» – фрагменты воспоминаний современников Степана Писахова. Особенно пристальное внимание уделяется поискам ответа на вопрос: «откуда есть пошёл» гений сказочника, художника слова, поэта? И после Писахова много появилось сказочников, даже наметилось повальное увлечение жанром, но никто из последователей не смог превзойти начинателя, и потому ещё, на мой взгляд, что они не имели под ногами столь прочной опоры, как он – великой живой, не взорванной семнадцатым годом, культуры тысячелетней России. Мелковаты оказывались последователи, вторичны, подражательны. Даже знаменитый Павел Бажов, посылая свою «Малахитовую шкатулку», сделал такую надпись: «От помутневших, обжитых ручейков к основным истокам, – со среднего Урала в Архангельск Степану Григорьевичу Писахову».

Исток-то и в самом деле был родниковый.

• Из доброго гнома до Гулливера •

При чтении рукописи я поймал себя на том, что с особым вниманием невольно следил за двумя личностями – главным героем и автором. Две персоны вырисовывались. Интересно было узнать, как прожил отпущенный век гениальный человек и как современный писатель смог преподнести своё знание о нём.

Во всём здесь видна рука опытного писателя биографий. В собственных текстах, в подборках фрагментов свидетелей царских времён автор обнажает терпкий аромат истинной свободы тех лет, когда с десятью копейками в толпе паломников молодой Степан Писахов мог совершить средиземноморский круиз, конечно же, с неизменным этюдником за спиной. Или сидеть на крохотном острове посреди Ледовитого океана и делать зарисовки на картоне.

Неугомонным молодым разночинцем бродить по Эрмитажу или представлять свои картины на выставке в салоне. Или вдруг отказаться от приглашения к самому Репину в Куоккалу, чтобы поработать в его мастерской. Отчего вдруг? От страха перед давлением знаменитости? По причине гордости свободного художника: мол, сам с усами? Или от полной неспособности внимать преподаванию в формате ты – учитель, я – ученик, с детства привыкнув всё, как говорится, схватывать на лету, и мчаться опять в какое-нибудь очередное путешествие.

А писательство его, вся изумительная сказочность начиналось элементарно с газеты. В молодости он написал множество заметок и репортажей. Стиль уже и тогда просматривался своеобразный. Все события подавались с внутренней улыбкой, несколько несерьёзно, пусть речь в них шла о битье тюленей, о войне, о хождении парохода во льдах. В репортёре уже сидел сказочник. А в будущих сказках – художник кисти – по разнообразию и энергии мазков-слов, по жестам-фразам.

Скажу больше. Его текстами можно дирижировать. Или разглядывать их в окуляр из сложенных ладоней, как кино – столь множественную природу имеют они. Даже чужие тексты у него «играют». Вот он и сам говорит об этом в письме старинному приятелю-поэту: «Читаю ваши стихи, смотрю на них, так громко звучат, что прикрываю строки рукой, чтобы соседей не разбудили».

И сам его образ человеческий под впечатлением описания его жизни в этой книге и чтения его сказок вырастает игрой воображения (пользуюсь его же приёмом гиперболизации) из доброго гнома – до Гулливера, а порой кажется даже и до поручика Голицына

вместе с корнетом Оболенским. Право, хоть самому сказку пиши, и название готово: «Как Степан Писахов генералом стал». Он был стильный человек (художник в нём не позволял себе безликости). Длинные волосы, усы, борода, обязательная шляпа и трость. Так что видится мне в нём ещё и что-то чарли-чаплинское. Ну и пусть до генерала не дотянул, но кличку «буржуй» в городе носил ещё долго после революции.

Мы даже представить себе не можем, как свободна и полнокровна была жизнь в России до семнадцатого года. И он, как сейчас говорят, по полной программе пользовался этой свободой. К своим тридцати годам уже освоился на Севере как лицо значительное. С губернатором на пароходе инспектировал морское побережье. Свой человек был в высшем свете Архангельска. Пока что ещё только как художник-рисователь, но вес имел значительный даже и в этом качестве. Ведь надо помнить, что человек с мольбертом заменял тогда и телевизор, и интернет, да и ту же фотографию. Уходил в экспедицию на корабле, делал зарисовки, этюды, картины и затем натуральным образом, а отнюдь не по проводам, представлял их публике на выставках. Такое вот было телевидение.

Вполне счастливо жилось ему под защитой могучей длани империи. Война четырнадцатого года нанесла первый ощутимый удар по душе. «Военный психоз захлестнул». Он стал ратником ополчения в Финляндии, потом в Кронштадте, верным присяге, однако с глубочайшим неприятием войны.

Не заразился никакой партийностью – талант довлел. Продолжал оставаться свободным художником, непоседой, хочется сказать – пострелом, если бы это слово не рифмовалось с возникшим однажды у него желанием дёрнуть за шнурок артиллерийского орудия, «пострелять» в большевиков с позиций белой армии в гражданской войне. Да если бы ещё удержался он тогда и от острого замечания, наподобие обычного окопного зубоскальства при виде убегающего неприятеля: «Жаль, что не нам придётся их хоронить». Да ведь кто же знал, что они победят и припомнят, и самого будут всю жизнь под прицелом держать, под чекистским колпаком.

Его двигала вера в высокие, благородные идеалы, молодой пыл и отвага бойца, пригнувшего сердцем. Тут просматривается в нём ещё и что-то донкихотское (его любимая книга). Недаром и Сергей Доморощенин аранжирует свой текст выдержками из этого бесмертного творения Сервантеса.

Ох уж эти наши ошибки молодости, запечатлённые в анналах сексотов всех времён и народов! Они переживают нас. Хранятся в архивах. Портят репутацию, да и саму нашу жизнь. Но не они ли составляют и соль нашей жизни. Да! Надо, надо и «дёргать за верёвочку» орудий, и не останавливать себя от резких высказываний. Подумаешь, – возьмут на заметку и припомнят. Такая ли это беда, в сравнении с трусостью, которая сродни самоубийству души, таланта, его первоначальной силы, да можно сказать, и – божественной. Конечно, будут репрессии, удушение, косые взгляды и «торможения», но будет и что вспомнить.

• Один из миллионов •

Пропасть между старой и новой Россией наш герой преодолел успешно. Не пришли, не схватили, – и он зажил смело, не усмирив в себе природную задиристость, без смущения прибегая к помощи новой власти. Опять писал в газету, опять оказывался зачисленным в экспедиции на пароходах с полным довольствием, опять его картины развешивались на выставках – пластичный был человек, гибкий, – пусть первым бросит в него камень, кто не так же поступал бы в его положении. Большинство его современников вынуждены были пройти тот же скорбный путь.

Он был один из миллионов вынужденных приспособляться под страхом смерти. Это не трудно, я думаю, если ты художник, человек широко мыслящий, познавший жизнь во всём её великолепии, разнообразии и солнечности. Умереть гордо, красиво, как Колчак, например, тоже неплохо, тоже получится, можно сказать, артистично и даже художественно, но такое не многим дано. Тысячи талантов вынуждены были приспособляться, чтобы реализовываться хоть в чём-то. Это всё равно, как если бы вам приспичило родить, разрешиться от беременности, так и совсем неважно было бы, кто правит в кремле.

Интеллигентские рефлексии вообще кажутся смешными в глазах простого народа. В народе – за доблесть считается приспособиться. Архангельские мастера по выпечке козуль, например, безо всяких угрызений совести формы в виде двуглавого орла переделывали на пятиконечную звезду, скорее всего весьма довольные своей ловкостью.

И Писахов тоже стал рисовать портреты красных героев, герб СССР на камне Новой Земли, запечатлевать на своих картинах подвиги спасателей арктических экспедиций. Может быть, в чём-то и кривил душой. Но зато уже в 1924 году написал и напечатал свою первую бессмертную сказку «Не люблю – не слушай». Не на той ли энергии глубокого потрясения и перерождения она была замешана?

Он брался за любую работу ради куска хлеба. Вот его объявление в газете: «Могу декорировать ёлку». То есть художественно неповторимо украсить. Я улыбаюсь при этом, представляя, какой бы отличный из него получился и Дед Мороз.

И несмотря ни на что, он держал форс. Ему вслед шипели: «Буржуй». А он в ответ с улыбкой: «Я готов оставаться буржуем, вот только сказали бы ещё, где мой банкир живёт». Это некое подобие скоморошества в нём, может быть, и уберегло его от гибели как правдашного буржуя, – чего взять с юродивого?

Было – «органы» держали на крючке, обыватели «шипели», коллеги-художники писали доносы и ставили подножки. А он оставался решительный, неуступчивый и воинственный. В нём уже бродили великие сказки. Игровое начало закипало. Айсберги, виденные в Арктике, перекочёвывали в «Вечны льдины», звуки в морозном воздухе заполярных широт – в «Морожены песни».

Легко, радостно и умело вжился он в новый строй. Способствовали этому и мудрость, и любопытство к жизни, какова бы ни была эта жизнь.

Во времена НЭПа ни на каком жаловании не состоял, – помогала дореволюционная деловая закваска – вошёл в товарищество художников, кормились как-то в этой лавочке от выручки. Дом всегда был полон гостей. Его хозяин стал для приезжих интеллигентов и энциклопедией, и путеводителем. Его квартира – базой различных командировочных художников, писателей, исследователей Севера.

И при Советах не угасла в нём привычка блистать в своём кругу, ибо характер, норов человеку не изжить вовек. Вроде бы ни намёка не прослеживалось на внутреннюю эмиграцию. Он демонстрировал абсолютно советское наполнение, комфортное пребывание в новой политической системе, как и миллионы других из его поколения. Но внутренний конфликт всё-таки не был изжит. И выплеснулся наружу при, казалось бы, совершенно незначительных обстоятельствах. Мышеловка захлопнулась. Советский чёртик выскочил из него, когда он, учитель рисования в школе, добрый дедушка-сказочник вдруг разгневался и потребовал наказать, исключить из школы бунтаря-старшеклассника. И он, бывший когда-то праведный белогвардеец, назвал парня «врагом народа». Как-то вот проникла в ретивое большевистская зараза. Сорвался. А что вы думаете? С волками жить – по-волчьи выть. Ну, конечно, остыл, успокоился, развели их со строптивым учеником, и больше ничего подобного с ним не случилось.

• В сердце на всю жизнь •

Читаешь книгу-биографию, проживаешь существование реального человека на земле и как бы стареешь вместе с ним. И эта «линия повествования» тоже весьма впечатляет, отдельные соображения возникают на свой счёт. Я как читатель и тоже человек на склоне лет, параллельно вспоминаю свою жизнь – от детства и до, – чего уж там стесняться, – до старости. Читаю, и на дальнейших страницах чаю увидеть, что же может произойти завтра и со мной, заглянуть и в своё будущее.

В 4 часа утра 22 июня того рокового года жизнь Степана Писахова на пике относительно советского благополучия и безусловной широкой славы вдруг оборвалась – до состояния рядового гражданина страны со второй группой продуктовых карточек. Произошло оскудение не только физического состояния, но и обрушение творческого духа. У вегетарианца, трезвенника и некурящего – вдруг обнаружилась страшная зависимость, – радиомания, неотрывное сидение у репродуктора. «От усталости пишу долго и переписываю, нет уверенности, что годно. Злость на немцев переполняет меня, мешает писать...»

А в 1944 году: «Пенсии не дали. Живу перевёртываюсь». Это при возрасте в шестьдесят пять лет: «Пальто донашиваю отцовское». А, заметьте, отец-то умер уже двадцать пять лет назад.

Война добила его как писателя. Последние поэтические силы истаяли в тяготах общения с издательствами. Попытки сочинять сказки не прекращались. Но уже прозаизмы лезли в строку. И дух уныния проникал между строк. От этих последних лет жизни остались только умиленные воспоминания – короткие озарения духа уже охладелого, теплящегося в старом холостяке, от которого именно в этом качестве веет на меня особой чистотой и светом (святом).

Отдельный поклон автору за терпеливое, подробное и сердечное изложение событий, произошедших после смерти Великого сказочника. Это самостоятельная книга в книге, развёрнутый справочник по десяткам мемориальных публикаций, событий чествования или, наоборот, намеренного забытья.

Степан Писахов остаётся в сердце на всю жизнь у каждого, хоть раз прочитавшего его сказки. Они дают толчок фантазии. Писахов сам был человек пылкий, и других зажигал. И меня опалил этот огонь. И мне однажды пришла мысль написать подражание его сказкам, как если бы он дожил до 90-х годов прошлого века. Попытка оказалась в общем-то безуспешной.

Дань памяти, так сказать.

Арт-факт

Елена
РУЖНИКОВА

Елена Иосифовна Ружникова (1933–2020) родилась 11 мая 1933 года в Архангельске. Окончила Ленинградский государственный университет (1956), Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (1969). Около 50 лет проработала в Архангельском областном музее изобразительных искусств (ныне – музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»): с 1962 года – старший научный сотрудник, с 1974 года – заместитель директора по научной работе. Заслуженный работник культуры РСФСР (1991), заслуженный деятель искусств РФ (2006). Награждена орденом «Знак Почёта» (1986), медалями.

Поэтическая душа Русского Севера

О Степане Писахове-художнике

«Степан Григорьевич Писахов был поистине поэтической душой Севера: он знал его палитру, его музыкальную гамму, его говор, лукавство народной речи, мужественный склад поморов – всё, что составляет самую глубинную природу северного края». Эти слова писателя Владимира Лидина как нельзя более точно определяют личность этого необыкновенного человека, который родился и прожил всю свою жизнь в Архангельске.

Глубокий знаток народных легенд, преданий, скоморошин Степан Григорьевич Писахов (1879–1960) вошёл в русскую литературу как автор удивительных, исполненных искромётным юмором сказок, написанных сочным, подлинно народным языком. Однако большая часть его жизни была отдана другому искусству – живописи.

Рисовать Писахов начал ещё в раннем детстве. Против воли отца уехал в Петербург, где проучился полтора года вольнослушателем в Училище технического рисования барона Штиглица. За участие в студенческих волнениях 1905 года был исключён из училища. Затем два года посещал частную студию Я. С. Гольдבלата. 1906–1910 годы – время заграничных путешествий Степана Григорьевича. Он побывал в Египте, Палестине, Турции, Греции, Италии, Франции, Германии. В своих автобиографиях Писахов сообщал, что занимался у итальянских мастеров, выставлялся в Академии св. Луки в Риме, совершенствовал своё мастерство в Свободной академии в Париже. Таким образом, он был знаком с художественной жизнью Петербурга и европейских культурных центров. Но каждый год возвращался на Север, и именно Север сделал из него художника. Степану Григорьевичу удалось сказать своё слово, отметить то особое, неповторимое, что присуще только этому уголку земли.

В творчестве Писахова Русский Север характернее всего отражён в беломорских пейзажах, большинство из которых было написано на Кий-острове близ Онеги, куда художник выезжал в 1910-е годы почти ежегодно на несколько месяцев. Бывал он там и позднее, в конце сороковых годов, будучи уже в преклонном возрасте. Однако особый, неповторимый образ Севера был найден в годы его молодости.

На первый взгляд может показаться, что пейзажи Писахова однообразны. Это всегда море, скалистый берег и тонкие, словно безжизненные сосны, среди которых выделяется одна – высокая и сильная. Возможно, именно потому, что Писахов в разное время года, суток, в разные годы жизни так часто повторял один и тот же мотив, он и сумел создать запоминающийся образ северного пейзажа, который часто называли «писаховские сосенки».

Зимние пейзажи Писахова создают особенно лиричный образ серебристой русской зимы, как на картине «Туман надвигается» (1911). Художник лепит форму пастозным мазком, живописно передавая характер гнущихся под тяжестью снега ветвей. Работа сдержанна по цвету, красочная гармония картины основана на сочетании холодных, сероватых оттенков снега с жемчужным небом. Наиболее полно Писахов выразил личное отношение к образу Севера в изображении белых ночей. Один из лучших своих пейзажей художник написал ещё в 1909 году на Кий-острове – «Берег Белого моря. Восход солнца». С удивительной точностью он передал строгие краски скупого северного цветения. Бледно-голубой цвет моря переходит на горизонте в нежно-розовый цвет зари на белесом небе. И на этом фоне стройные сосны с тонким кружевным рисунком ветвей, как чёрные клавиши, рождают звонкие и чистые звуки, тающие в тишине белой ночи.

У Константина Паустовского есть очень тонкое замечание по поводу белых ночей: «В живописи трудно передать не столько сумрак и мягкость сияния белой ночи, сколько то ощущение задумчивости и покоя, которое вызывает у нас эта ночь».

Его пытались выразить многие писатели, поэты и художники, но только одному Пушкину это удалось с гениальной точностью и простотой:

Прозрачный сумрак, блеск безлунный
Твоих задумчивых ночей...

Потому что красота белых ночей настолько совершенна, что, как всё почти избыточно прекрасное, вызывает даже лёгкую душевную боль и сожаление о том, что красота эта неизбежно умрёт».

Писахов увидел в ландшафтах Севера и драматические нотки. В 1905 году, во время поездки по Новой Земле, он был поражён видом красно-оранжевых цветов, пробивающихся между камней. Яркие пятна напомнили художнику капли невинно пролитой крови. Впоследствии ещё долгие годы он будет возвращаться к этому образу, удивляясь великой силе этих хрупких цветов – камнеломок, короткому времени их яркого цветения. И в показанной на всесоюзной выставке «X лет Октября» картине «Памятник жертвам интервенции на Иоканьге» (1927) художник также написал цветущие камнеломки: северные цветы словно скульптурно вылеплены краской.

С конца XIX века Архангельский Север привлекал многих русских художников. В Архангельске побывали К. А. Коровин, В. А. Серов, В. В. Переплётчиков, С. А. Виноградов, В. П. Верещагин, П. П. Кончаловский. Почти все они писали Северную Двину. Двинские пейзажи Писахова по мастерству не уступают работам этих именитых художников. Работа «Парусники у Рыбной пристани» (1912) – одна из самых ярких в творчестве Степана Григорьевича. Здесь Писахов показал мастерское владение кистью, смелость игры пастозных мазков, что делает его поиски близкими традициям импрессионизма. Фантазия художника порой подсказывала и причудливые образы. Так было в конце 1910-х годов, когда он пишет в смешанной технике акварели и масляных красок серию «Сны». На картинах тянутсяверху сказочные деревья с гибкими стволами. И не сразу угадаешь, что это плывёт над водой: причудливое облако или крона дерева. Особенно завораживают деревянные церковки, «путь к которым потеряны». Кружевные тонкие линии пробегаю-

щих волн омывают небольшую часовенку, порождая ассоциации с образом града Китежа. Невольно вспоминаются и работы Микалоюса Чюрлениса. И хотя Писахов никогда не упоминает в письмах это имя, думаю, что он был знаком с творчеством литовского художника, ставшего в эти годы известным зрителям своими выставками в Петербурге и Москве. И в зрелые годы, когда Писахов становится знаменитым сказочником, он продолжает работу над изображением природы Новой Земли. Фантазия художника подсказывает ему мощные образы неведомых существ, неведомых исполинских чудовищ. Камни на мысе Желания превращаются то в груды застывших животных, то в великанов с шапкой густых волос и бородой. Иногда художник пытается отобразить и то новое, что вошло в жизнь советской Арктики: радиостанции на Новой Земле, памятник Ленину на мысе Желания. Но в художественном отношении новоземельские пейзажи Писахова 1930-х годов слабее его ранних работ. Однако есть одна картина, которая могла бы стать символом освоения советским человеком просторов Крайнего Севера – «Советская Арктика. Бухта Смидовича» (1930-е годы).

Первое серьёзное участие Писахова в выставочной деятельности состоялось в 1910 году в Архангельске на выставке «Русский Север», где художник показал зрителям около 200 работ. В следующем году он принял участие в одной из самых значительных российских выставок того времени – Царскосельской юбилейной выставке, посвящённой 200-летию Царского Села, где в трёх павильонах экспонировалось 60 его работ. В конце 1911 года состоялась выставка Морских изданий и видов в Музее новейших изобретений в Санкт-Петербурге, на которой художник получил Большую серебряную медаль за изображение Русского Севера. В своих автобиографиях и письмах Писахов неоднократно упоминал о том, что его работа «Сосна, по-

бедившая бури» понравилась И. Е. Репину, который приглашал Степана Григорьевича работать в свою мастерскую. Скорее всего это было в Царском Селе, когда Репин работал над картиной «А. С. Пушкин на акте в лице 8 января 1815 года».

Жизнь художника нельзя назвать простой. Поддержанный успешным выступлением на петербургских выставках, Писахов был полон творческих планов. Он участвовал в многочисленных северных экспедициях, в 1918 году организовал выставку в Архангельске. Осуществлять все эти проекты было непросто в условиях военного времени, интервенции на Севере, постоянной борьбы за выживание (Писахов работал учителем рисования в школе; постоянная нужда усугублялась недоброжелательством местного начальства, отсутствием пенсии).

Писахов был чрезвычайно интересной личностью. Он создавал не только сказки и картины, но и свой собственный образ – чудаковатый старик, выдумщик и мечтатель, человек со странностями, «Мюнхгаузен из деревни Уйма» (как его в 30-е годы называли в журнале «30 дней»). И тем самым сохранил за собой право на озорство и непосредственность в словах и делах. Он был достопримечательностью Архангельска. Когда маленький человек с седой бородой и в шляпе шёл по улицам Архангельска, все прохожие оборачивались и смотрели ему вслед. Дети воспринимали Степана Григорьевича как живого персонажа из сказки. Знаменитые литераторы, приезжая в этот город, непременно заходили в деревянный двухэтажный дом на улице Поморской, в котором жил писатель.

За несколько дней до своего 70-летнего юбилея Писахов получил предложение от музея Арктического института продать записи, черновики, зарисовки, а также все картины, которые он хранил у себя дома. «Очень похоже это предложение на похоронную, – писал Писахов Владимиру

Лидину. – Взятся за перо, переписал часть начатого, взял кисти – слушаются... Ещё «надежды питают». Авось, и повернётся хорошее ко мне». Через несколько лет в письмах Писахова стали появляться мысли о встрече грядущего 2000 года. «Я ещё надеюсь послать Вам новогодний привет не по телеграфу, а по радио – радиопосылкой с полярными цветами в 2000-м, 1 января, с Новым Тысячелетием, – писал он тому же Лидину в июле 1959 года. – Привет пошлю Вам с внуками, с правнуками. И дожить-то всего осталось 41 год!» За шутливыми строчками в письмах Степана Григорьевича прочитывается опасение, что его забудут. Он так хотел, чтобы родной

город помнил его, всегда подчёркивал, что в Архангельске его знают, что достаточно написать на конверте «Архангельск – Писахову», и письмо непременно дойдёт до адресата.

Новое тысячелетие наступило. Писахова не забыли. Накануне 2000 года Архангельский музей отметил 120-летие художника выставкой «Каким быть музеем Писахова?». Сейчас мы знаем, каким будет этот музей. Его проект готов. В подлежащем реконструкции помещении будущего музея уже несколько лет открыт зал, где всегда можно увидеть картины Степана Григорьевича Писахова, посмотреть фильмы по мотивам его сказок.

Дмитрий
ТРУБИН

**Дмитрий
Александрович**

Трубин – живописец, график, художник книги. Родился в 1961 году в г. Котласе Архангельской области. В 1989 году окончил Московский Полиграфический институт (профессор М. П. Митурич-Хлебников). В 1991 году вступил в Союз художников СССР. С 1998 года Член-корреспондент Академии науки и искусства GREZI-MARINO (Италия). С 2000 года Действительный Рыцарь Академии науки и искусства GREZI-MARINO (Италия). В 2003 году получил звание Заслуженный художник России. Участник областных, региональных, республиканских и международных выставок с 1982 года. Проиллюстрировал более 150 книг для российских и зарубежных издательств. Автор более 50 персональных выставочных проектов. Живёт и работает в Архангельске.

«Манифест прямой линии»

Манифест... Живописи... Да ещё прямой линии... Да ещё не в начале двадцатого, а в двадцать первом веке.

Бред сивой кобылы. Согласен. Я удерживался от написания Манифеста лет 15. Вернее, даже не помышлял о его написании. И даже несколько с ним запоздал. Конечно, практика должна опережать теорию, но не настолько же.

В течение всех этих 15 лет (с 2006 года) я работал почти одной прямой линией, то есть делал всё по линейке, не допуская никаких кривых линий. И сделать успел немало – тысячи полторы прямолинейных работ. Все эти 15 лет меня пытали окружающие: почему прямой, почему линией, почему ты, почему теперь, почему у нас? Все эти «почему» и привели меня к необходимости теоретически обосновать этот свой прямолинейный труд, дабы понятнее стать. А прежде всего, даже не ради этого, а ради того, чтоб не задавали более вопросов. Хочешь узнать почему? – возьми и прочти.

Признаюсь, что основной побудительной причиной, толчком к Манифесту послужил разговор с другом (так часто бывает!). Просто мы говорили о живописи, о прямой линии с другом моим московским Сергеем Макаренковым, а он ко всем своим талантам (йога, практики духовные какие-то, бальные танцы, меценатство, стихи, живопись!) ещё и владелец Издательского Дома «Рипол-Классик». Это последнее обстоятельство и сыграло решающую роль в рождении моего, тогда ещё не существующего Манифеста.

– Хорошо говоришь, – сказал мне Серёга, – особенно про Божественную прямую. Не надоело всем объяснять сто раз то, что тебе уже давно ясно, а другим и невдомёк?

– Надоело, – отвечаю, – да что поделаешь. Крест мой таков. Вот каждому и растолковываю.

– Напиши всё это в виде Манифеста, и делов-то.

– Да, сейчас всё брошу и Манифест накропаю, как Карл Маркс или Андре Бретон, – смеюсь я.

– А я его издам у себя. И тиражом побольше, чтоб тебя никто не донимал более.

Этот аргумент меня сломал тут же, я согласился, правда, писать не начал.

Через несколько месяцев ещё и вирус ковидов появился, и все по домам запирались стали. Мне это на руку. В закрытом помещении я пишу быстро, намного быстрее,

чем в открытом. Сами понимаете – вот всё и сошлось: книгу ждут, времени хватает вполне, замах очевиден – вот и написал сразу.

Книжка получилась на 20 страниц с теорией, со стихами, с захватом мостов, вокзалов и телеграфа (как учили!).

Короче, если человек не совсем ограничен в возможностях – то сразу поймёт. Ну, не сразу, так на второй раз – точно. Но это если человек читающий. А если не читающий, то скажу, что обложка обалдеть какая красивая (моя работа!), да и где ещё

и когда Манифест увидишь, да ещё и современный.

Самый запоздалый Манифест сюрреализма Бретона вышел в 1924 году, а до этого почти все (и кубисты, и футуристы...) давно отбомбились.

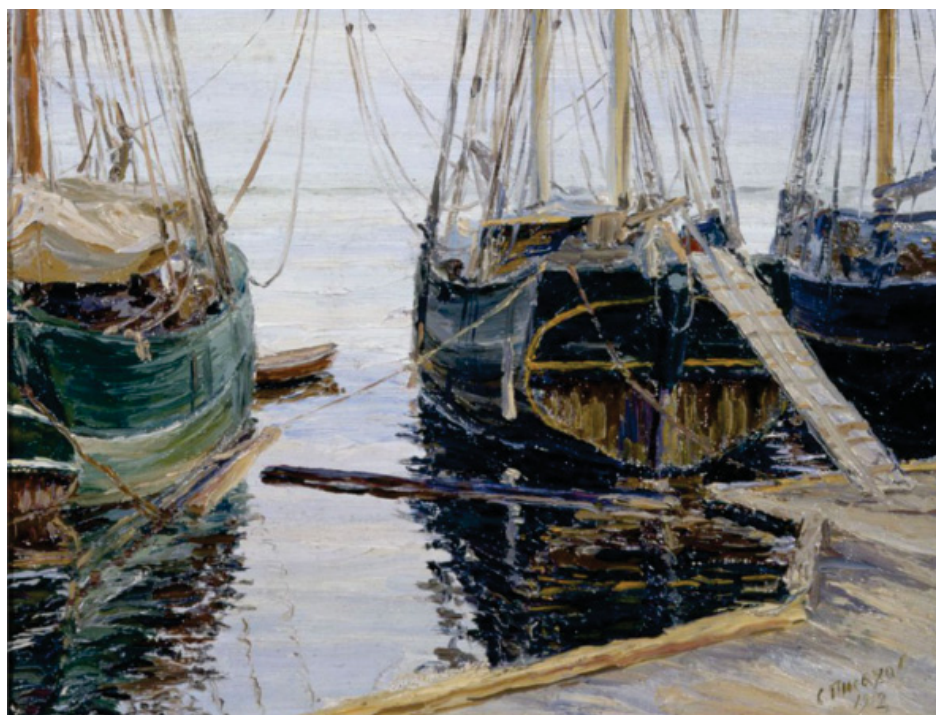
Так что встречайте (если есть потребность!) Манифест прямой линии. Или же не встречайте, потому что потребности потребностям рознь. Я даже встречал человека, лишённого всяческих потребностей (любых!), и он был счастлив. По-своему. Но я вам такого счастья не посоветую.

Фасады, чьи линии сотни лет
Назад прочерчены, ловят свет
И тонны нами поднятой пыли,
Которой уже, считай, что и нет –
Она на фасадах, что вверх застыли,
Себя устремив и свои фронтоны,
Которым плевать и на пыли тонны,
И даже на груз прошедших времён,
Наполненных прахом толпы имён,
Что смыть смогли бы времени волны,
Но всё ж не смыли, рефлексий полны:
А вдруг ты смоешь, а это важно,
Кому-то нужно, и он однажды
Это вытащит, чтоб насладиться,
И радостно вскрикнет толпа, и птица
Тоже вскрикнет не от испуга,
А будто встретив старого друга,
Который был и теперь вернуться
Вздумал на радость нам и разминуться
С нами не смог, не случилось как-то.
И спросим друг друга тогда мы: «Как ты?»
Просто спросим, хоть без ответа
Останемся жить – и прекрасно это:
Жить, задавая вопросы только,
И это важно нам и настолько,
Насколько шпильки нужны фасадам,
Хотя и шпилей порой не надо,
Если фасады в постройке шпилей
Столько столетий назад обессилели,
Наполнив себя и другим убранством,
Не тыкать чтоб шпилем в небес пространство.
И это смирение стоит мессы,

И тот фасад не населят бесы,
Которым пристало селиться всюду,
Чтоб нам назло породить Иуду,
Полчища их... И фасадов стены
Словно крепости, от измены
Что защищают людские массы,
Чтоб те не стали бездушным мясом,
А вверх глядели... А там фасады
В небо тычутся главами. Надо
Лишь не мешать им свершать всё это,
Ведь в покореньи пространства эго
Всё ж никакого, и тяга к небу
Даже присуща простому хлебу –
И в этой тяге такая сила,
Что ввысь направлена и красива
Ещё к тому же (а может, прежде?),
И в каменной радостно ей одежде,
Что может служить и прибежищем пыли...
Фасады стоят, навсегда застыли,
По воле мастера, чья линейка
Терпела выверенное стило –
Она, которому просто рейка
Для начертанья прямых тех, что
В общем и делает город городом,
Суммой линий... Без них в ничто
Он превратился б, томимый голодом
По прямым, с их якобы холодом,
Что заставляет носить пальто.
По горизонту и вертикалям,
И сразу бы сделался необитаем.
А так есть шанс, что вскрикнет птица
И что-то важное вдруг случится.
И что до того, что не видны шпили,
Мы додумаем – важней, чтоб были
Эти фасады как основа,
Надежда на то, что снова и снова
Кверху стремиться необходимо
Будет фасадам, и их либидо
Небо проткнёт, разорвав и почву
Перпендикуляром архипорочным.

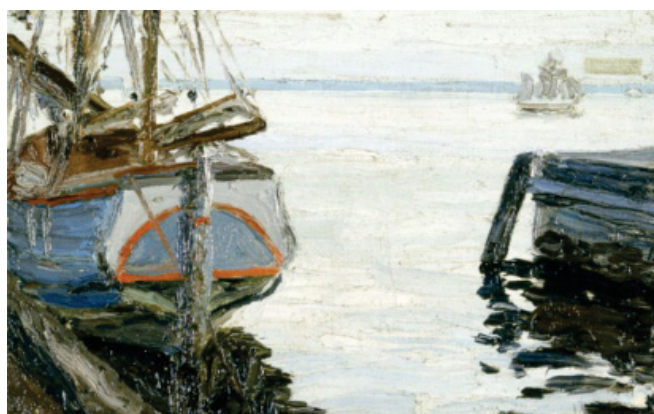
Судно во льдах. («Св. Фока»?). 1906–1911 (кат. № 52)
Холст, масло.

Парусники у Рыбной пристани. На Северной Двине (Ночь). 1912 (кат. № 54)
Холст на картоне, масло.

Этюд с рыбацкой шхунной. 1910-е (кат. № 114)
Холст, масло.

На Двине. Этюд. 1910-е (кат. № 96)
Холст на картоне, масло.

На Мурмане. 1906–1910 (кат. № 34)
Холст, масло.

Серебристый день. 1908–1910 (кат. № 39)
Холст на картоне, масло.

Берег Белого моря. Восход солнца. 1909 (кат. № 13)
Холст на картоне, масло.

Из серии «Сны». В подводном мире церквушка на скале. 1912 (кат. № 53)
Холст на ДВП, масло.

Из серии «Сны». Причудливые облака на воде. 1910 (кат. № 14)
Холст на ДВП, масло.

Церковь, путь к которой потерян. 1907–1908 (?) (Кат. № 11)
Холст на ДВП, масло.

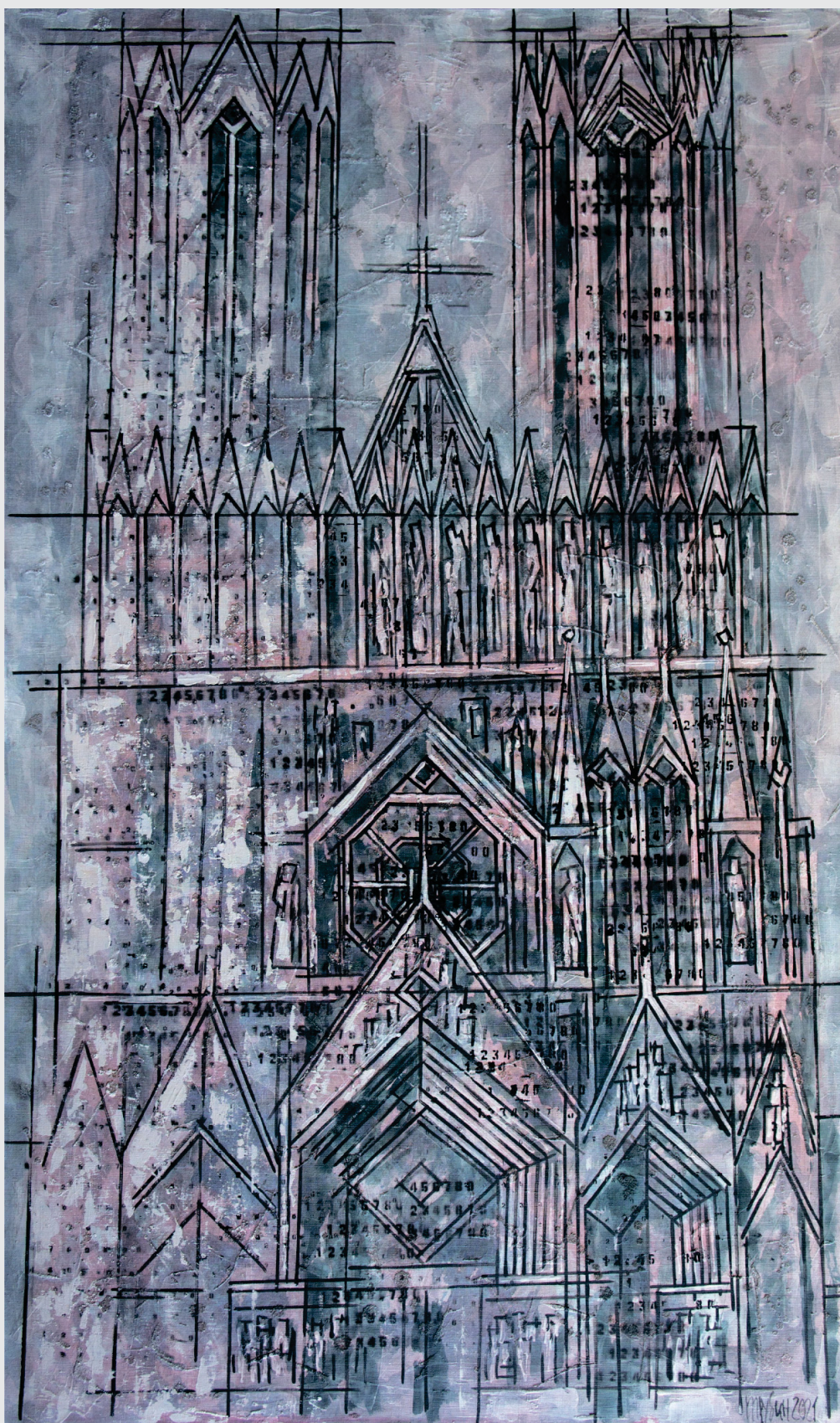
Лунный свет. 1910 (кат. № 92)
Холст, масло.

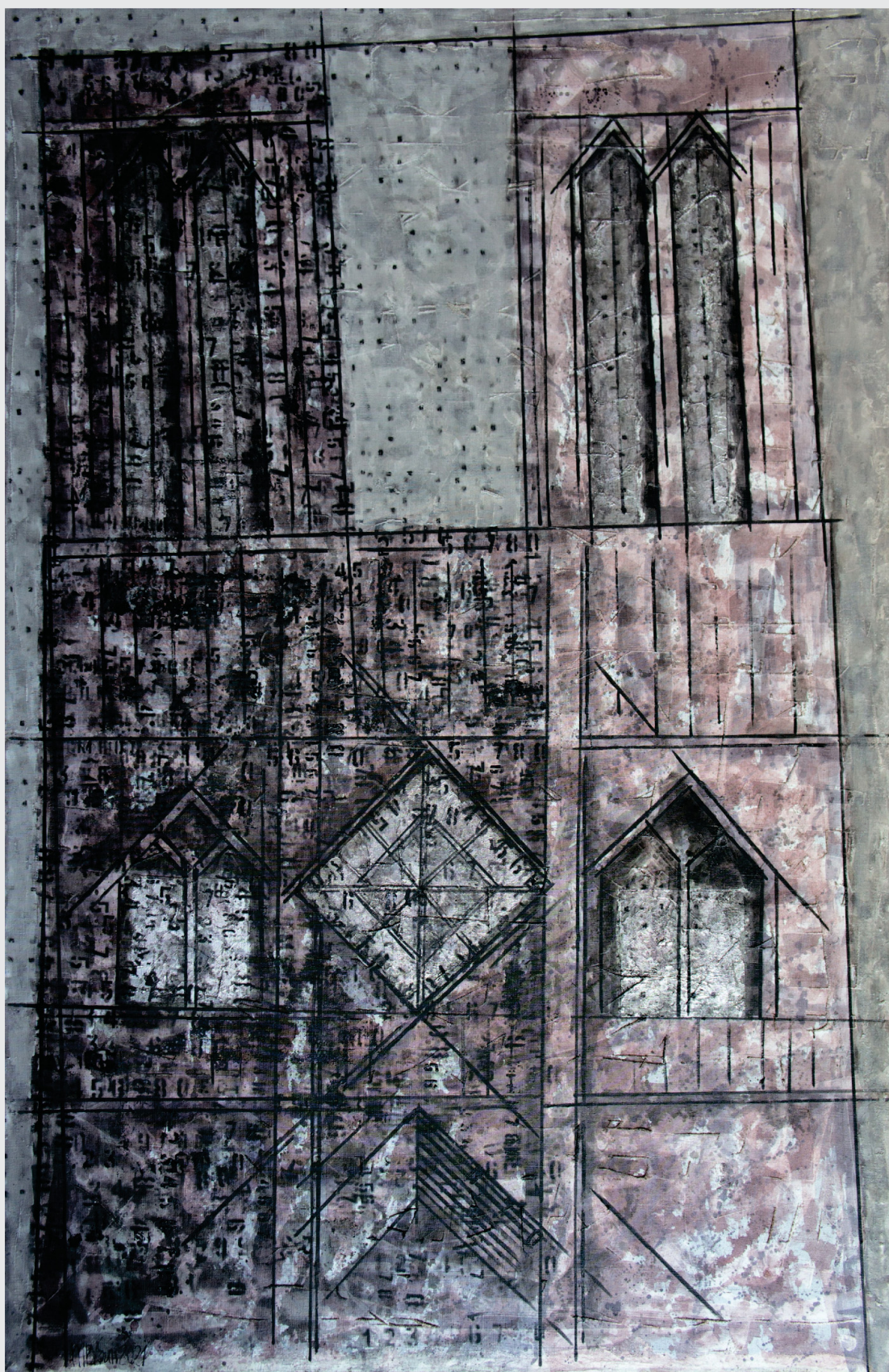
Собор Саграда Фамилия в Барселоне. 2021

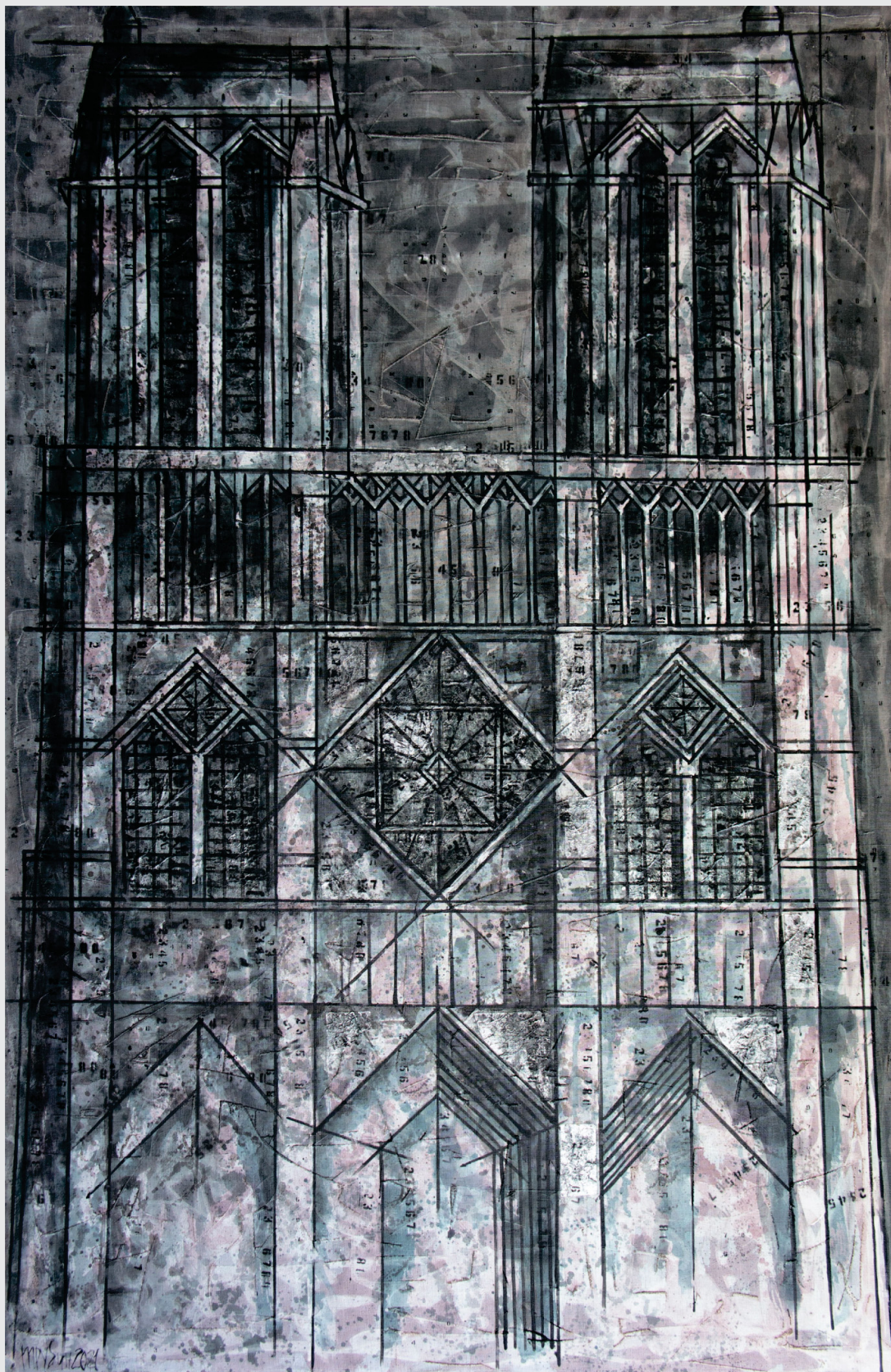
Собор в Личфилде. 2021

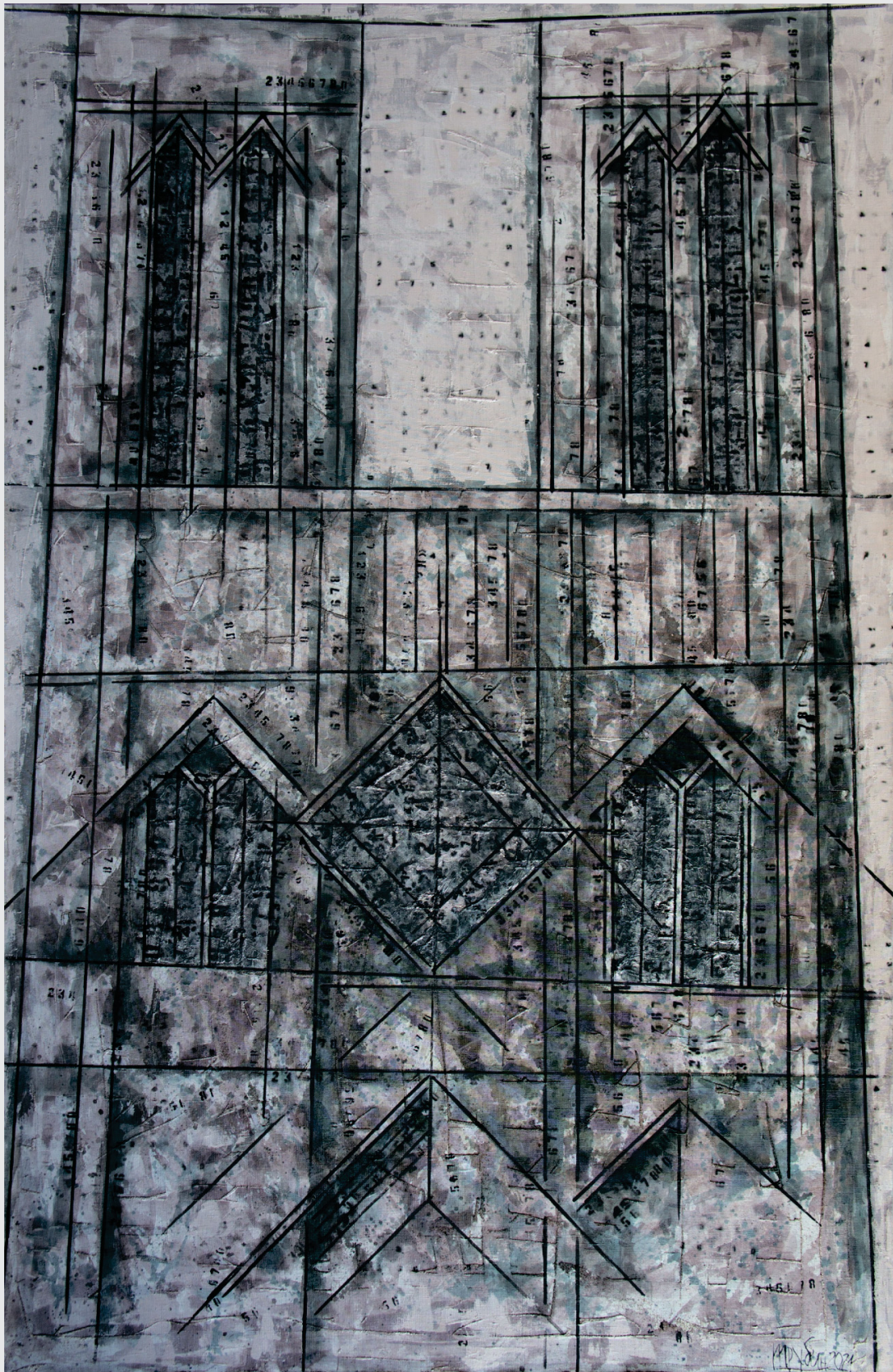
Merцающий Нотр-Дам. 2021

Обугленный Нотр-Дам. 2021

Белый Нотр-Дам. 2021

Собор Нотр-Дам В Реймсе. 2021

Несение креста (по Босху). 2012
Холст, акрил. 160х164 (двухчастная композиция)

Большая переноска 2020. 2021

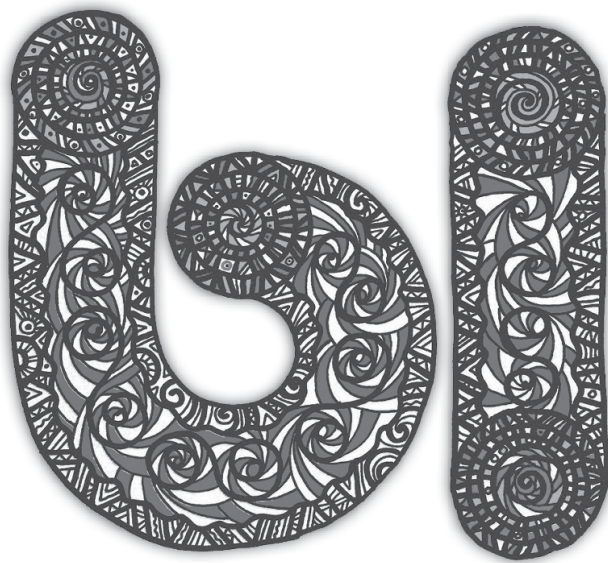
Моржееды (охота на маржу). 2022
Холст, акрил, песок, трафарет. 190x190

Соловецкий фриз (посвящение узникам СЛОНа). 2007
Холст, акрил. 198x840 (пятнадцатичастная композиция)

Соловецкий фриз (посвящение узникам СЛОНа). 2007
Холст, акрил. 198x840 (пятнадцатичастная композиция)

**ТОМ
ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖУРНАЛ**

Анастасия СУКГОЕВА

«Эзысь чиръясөн ыпнитö луд...»

кывбуръяс

Төлö-пöчö

Еджыд пася, сьöкыд нопъя –
Код нö тайö локтö-шлопйö?
Ышкö-пошкö Төлö-пöчö.
Пасьтасьöма – öдвa жöдзö:
Гынкöм, кепысь, вурун чышъян.
– Тадзтö ылö али пышъян?
– Некытчö ог тэрмась, – шуö. –
Нопйöс надзöникöн нуа.
Ме понда тi энö полöй –
Тулысöдзыс танi ола.
Мый нö онö радлöй, войтыр? –
Небыд лымсö вайи ноп тыр!

Кынь

Тöлыс гусьöника кыньöн воис,
Муö павкнитiс пашкыр бöж.
Войыс кодзувъяс енэжö койис,
Тöлысь сюр йылö öшöдiс кöш.

Ыджыд кöш пиас кодзулыс войбыд
Чукйöн öкмöма – öдвa оз усь.
Еджыд кынь сiйöс видзис, эз ойбырт.
Асьядорыс нин пöрöдiс – пузь!

Киссьö му вылö югъялысь кодзув.
Эзысь чиръясөн ыпнитö луд.
Кыньыс котöртö водзö и водзö.
Кыньыс котöртö. Разöдö шуд.

Медводдза лым

Төрыт рыт на вөлі ар,
Көдзыд зэрөн мыссис кар.

Талун ывла вылын чөв.
Войнас лымъялөма. Төв!

Вөча воськов, вөча мөд –
Кок туй кольө
сьөд.

Ошлөн төвся вөт

Вөрти төлын
Ветлы чөла.
Ошкыд узьө сэн –
Небыд куа
Шоныд гуын.
Эн жө садьмөд, эн!

Сійөс көдзыд
Оз тай вөрзьөд.
Ошкыд аддзө вөт,
Бытьё тшапа
Мунө тшакла,
Вотө юмов чөд.

Дивө-коз

Көчиль аддзис вөрысь
Чуймөдана коз:
Лапъяс вылас – яблөг,
Кампет, пелысь роз.

Йылас кодзув пыдди –
Гөрд морөса, збой –
Чилзө жонь: «Эн вөрөд!
Выль воөдз эн сөй!»

СИБУС

КОЗИН

висьт

Карина, өшым 25 лун

Талун школаын кума-камакылө. Ставныс лэбалёны коридоръясті, горзёны, сералёны. Мөд четвертьын бөръя велөдчан лун өд. Урокъяс дырйи велөдысьяссө некод оз кывзы, ставныс көсйёны өдйөджык төдмавны четвертьысь оценкаяс да котөртны гортаныс. Ме зэв жө ёна виччыся выльвося каникул, өд Виль воыс – менам медся радейтана гаж!

Школасянь гортө восьлалігөн мөвпалі, кызди бать-мамкөд сувтөда коз да лөсьөда сёян-юан тыра пызан, а январ 1 лунө коз улысь аддза козинөс.

Кань, өшым 25 лун

Кутшөм лөсьыд куйлыны небыд пуклөсын куньса синмөн! Орччөн ымралө батарея, позьө вугралыштны. Шоныд лунө верман пөттөдз ветлөдлыны лымтіыс. Корсюрө ме чечышта ывлаө восьса өшиньөд и сёрөдз шлывьяла уличьясті. Бур, мөд судтаын олам да. Öнi көдздөдіс, котравны лым кузя дыш петө – лапай кымалас. Креслөын жуйвидзны медся бур.

Карина, өшым 28 лун

Пөшти ставыс дась! Козсө ме сувтөді мамкөд. Öшөді гирлянда, тоньгөді чачаяс. Батьөй öнi сёрөдз уджалө да гортө локтө мудзсьыс-мудз.

Кань, өшым 29 лун

Кодкө нетшкө гөнөс. Эг на удит палявны, менө кыскисны петан өдзөс дорө да йөткыштисны подъездө. Куті чашйыны өдзөссө. Вельшөрө. Койялышти да довги өшиньлань, воді. Форточкасяньыс ыргис көдзыд төвру. Сійө сэтшөма гулитіс. Клоп! – кодлөнкө өдзөсыс гораа пөдласис. Виччысьтөмла ме звиркниті да пуля моз лэби восьса форточкаөд.

Карина, өшым 31 лун

Öтнамлы гортын пукавны гажтөм. Бать-мамөй век на эз локны. Уджыс мөй вежас татшөм лөсьыд гажсө?

Часі вылын 19:15. Ме видзөді нин куим кино, дасьті пызан и дзеби коз улө бать-мамлы откыткаяс.

Час джын мысти локтіс батьөй. Нөшта час джын мысти мамөй. Вөлі нин 8 час рыт. Кыкнанныс ёна мудзөмаөсь и весиг быттьөкө жугыльөсь. Мамлөн юр вылас шмакыс пөрөма дзугөм позйө, тушыс син улас лэччөма. Мамөй корис менө кухняө, мыйкө пө висьтала.

– Тэ ыджыд нывка нин, Карина, ставсө гөгөрвоан. Менам удж вылын өні зэв сьөкыд, и нинөм ог слөймы. Прөстит менө: сійө козинсө, кодос тэ виччысин Виль во кежлө, эз на ло ньөбөмыс.

Тайө здукас триньөбтис телепон, и мамөй өдийө чепөсийс жырйысь.

Синвай тюрөбтис, и ме дыр думайттөг плавги пельпом вылө куртка да ырскөбти ывлаө.

Кань, өшым 31 лун

Лапаясөй кынмөны. Бөжөй кынмө. Сэтшөм көдзыд... Йөзыс мунөны динти и оз казявны менө. Ошиньяс биаось. Со локтө пакетъяса нывбаба да гажаа блонгө телепон пыр. Сійө пырө керкаас. Сэни, көнкө, шоньд. Уськөдчи өдзөслань, но эг удит, и сійө гольс сиптысис. Ме водзө довги шоньд места корсигмоз и сангыси лөп тыра бакө. Сэни лукйысис пөчө. Ме тшөтш понди корсьны кутшөмкө нур. Аддзи сөмын чери коляс. Вөчны вөли нинөм – мөди водзө.

Карина, өшым 31 лун

Коръя лымйыс лэбө веськыда чужөмө, пөшти нинөм ог аддзы. Ог төд кытчө муна. Меным сэтшөм забеднө! Абу весиг козин вөснаыс, а сыысь, мый бать-мамөй этша кад мекөд коллялөны. Но нөшта ёнджыка ме дөзми ас вылө. Гашкө, өни мамлы сьөкыд и колө вөли сійөс ышөдны, а ме босьти и пышйи...

Виччысьтөг еджыд лым вылысь ме казяли пемыд мыгөр. Локти матөджык – но и но! Туй вылас пукалис кань да видзөдис мелань гырысь синнас. Ачыс коньөр кодь: көтасьөм гөна, өтар бокыс няйт. Каньыс нявөстис, өдва кывмөн – сьөлөмөй топавлис. Ог өд вермы сійөс татчө энөвты – кынмас! Ме небыдика босьти сійөс мөздөрө и мөди гортө. Мунигмоз нин пөрччи шарпөс да төби кысөс.

Асланым патераө пырөмөн ме чожа шыбиті ботинкиөс да нуи виль ёртөс шоньд батарея дөрө. Каньлы кысьти тасьтиө йөв, босьти пызан вылысь некымын калбас чөлан.

Кань, өшым 31 лун

Ак, кутшөм ме рад, мый бара шоньдө веськалі! Сійө нывкаыс, коді тай менө босьтис, зэв шань! Кор ме пөттөдз сөйи, сійө пуксьөдис менө пидзөс вылас, кутис небыда новлөдлыны кисө менам гөн кузя. Ме радлі и мурги.

Карина, өшым 31 лун

Кань унмовсис пидзөс вылам. Мамөй пырис жырйө, и чуймөмысла синмыс чашкаліс.

– Мам, лөнджыка... Тайө менам Козин, эн садьмөд сійөс, – шөпкөді ме.

– Дивө тай!

Мамөй сывъяліс менө да Козинөс, и ми муним коз дөрө – сэни мянөс виччысис батьөй.

Кань нетшыштчис кыысь и котөртис бать дөрө – мөдыс буретш кыйис вилканас чериөс.

– О, – нюмдіс батьөй, – мян бара на лоис чери радейтысь!

Өни ме гөгөрвои: медся бур козиныс – кор матыссаясыд орччөнөсь и шудаось.

Комиөдіс Алёна Шомысова.

Любовь АНУФРИЕВА

Клара шыр да Виль во

мойд

Оліс-выліс Клара нима шыр. Дзолясьыс-дзоля. Гыж ыджда. Клара гежөда петалис ичөтик керкасьыс: другысь төв ныр кытчөкө нуас либө тувччас сы вылө ыджыд коктабнас вөрса гундыр. Но өтчыд Клара видзөдліс өшиньөд да аддзис, кызди көчьяс, ручьяс да урьяс лыйсьөны лым мачөн Лара нима коз дорын. Кларалы окота лои тшөтш накөд ворсны. Сійө тэрыба пасьталіс ыджыдсьыс-ыджыд помпона гөрд шапка да мандарин рөма кузьсьыс-кузь пальто. Весиг бөжыс эз кут тыдавны! Сэсся Клара көмаліс гын сапөг да мөдөдчис Лара дорө.

– Öтик, кык, куим, нель, вит, – гораа арталіс шыр. – Квайт, сизим, көкьямыс, өкмыс, пу-у, – лолыштіс Клара. – Регыд нин воа. Нөшта өти воськов. Ук! Дас!

Тадзи сійө дугдывтөг лыддьөдліс сөөдз, а гашкө, и кыксөөдз. А кор матыстчис коз дорө – сы дорын некод нин эз вөв.

– Эк, эг удит. Ставөн нин пышъялөмаось гортаныс, – тивөстіс Клара. Но другысь сылы каститчис, мый Лара бөрдө. Клара кывзысьыштіс. И збыльысь бөрдө:

– Клип-клип, тіч-точ!

– Тэ нө мый бөрдан?

– Кыдзи нө ог кут бөрдны? – сыркъялөмөн вочавидзис коз. – Меысь пышйис Йо, менам пөчөй. А меным колө туся платтьө! Колө! Колө! Колө! Видзөдлы, кутшөм ме мисьтөм! Татшөм платтьөөн оз пасйыны Виль во, – кытшовтіс асьсө видзөдласөн да бара пондіс няргыны Лара.

– Платтьө да и платтьө. Абу розя, сідзкө, бур платтьө, – ышөдыштіс козсө Клара.

– Нинөм тэ платтьөясас он гөгөрво, – броткыштіс Лара. – Öні радейтөны новлыны гырысь еджыд туся турунвиж платтьө, а оз тайө... нюр рөмасө, кытөн тырыс пемөс.

– Ме серти, тэнад платтьөыд мича. А оз кө кажитчы – пөчтө корсь. Меным колө нин бөр гортө мунны.

– Кольчы, отсав меным кыйны Йоос, – зывгис Лара.

– Вот висьтав, мыйла сійө тэ дорысь муніс?

– Сійө... сійө лым мачөн көсйис ворсны. А менам вывті уна уджыс: бөрийыны платтьө, пасьтавны платтьө, бөр пөрччыны платтьө. И тадзи зэв унаысь колө вөчны. Йотөг некызд, дзик некызд. Сөмын сійө кужө бөрийыны мича паськөмсө.

– Мыйла нө эн ворсышт пөчыдкөд? Тайө жө абу дыр! Ме вот зэв дыр татчө воөдчи и эг удит ворсны. А сійө эськө удитіс. И тэ эськө унаысь удитін платтьөтө пасьтавны и пөрччыны.

– И мый öні меным вөчны? Тэ отсалан корсьны пөчөс?

– Войпөльысь кор. Сійө өд ук-ук-ук! Ставсө вермө. А ме ог төд, кытысь корсьны пөчтө. Ме сійөс некор эг аддзывлы.

– Ме абу нин ичөт, мед Войпөльлысь корны козиньяс. И ме некор эг вөв дзоляөн, ме чужи джуджыдөн, – ыждалис Лара. – А Йоос некодкөд он сорлав. Миян вөрын сөмын сийө алөй кын йөв кодь.

– Кыдзи кын йөв кодь? Сийө йиысь? – чуймис Клара.

– Абу! Сийө дзоляник и зэв пашкыр! Сийө ёна радейтө алөй көлуй. Платтьөыс, пасьыс, чулки-гачыс, беретыс, шарпыс, кепысьыс, сапөгыс – алөй рөмаось.

– Но ставыс кө тадзи, дерт, некодкөд ог сорлав. А тэ мыйла ачид он мун корсьны пөчтө?

– Ме верма сөмын сулавны, ветлавны ог куж. Но менам эм Боря – кельөй рөма вездеход. Пуксьы вездеходас да мун то-о-о сийө видз вылас. Аддзан?

– А мый сәні?

– Сәні Йолөн вурсян жырйыс. И туся платтьөыс...

– Ладнө, ме тэныд отсала. Сөмын бөрыннас Йо мед ворсыштас лым мачөн. И весьшөрө тэ Войпөльлысь он кор козинсө. Зэв кө мыйкө көсьян – сийө быть козыналас.

– Ладнө-ладнө, – висьталіс Лара. – Со нин Боря матыстчис.

– Трр, трр! Кытчө мунам? – ныр лэптөмөн юалис вездеход.

– Боря, тэ ставсө кывлін. Тэ өд олан менам лапьяс вылын. Тэ нө мый? – пузис Лара. – Тэ Кларакөд мунам пөчла, ме ог вермы овны туся платтьөтөг. Сөмын ветлөй тытчө-татчө. Ме сэккості баситча, – лолыштис Лара. – И эн вунөд, мый колө воөдчыны видз помөдзыс, – казытыштис Кларалы Лара.

Шыр кавшасис вездеходө. Кокьясыс сылөн дзөрисны. Брррр! Клара первойысь сөліс транспортө.

– Мунам Йолөн жырйө! – сөмын и шуис шыр.

– Бур! Трр, трр! Клач-клач, – нурбыльтис Боря да муніс рышкыд лым вывті. – Трр, трр. Клач-клач. Трр, трр... – сөмын и кыліс вездеходсянь.

Клара муніс дзоля да ыджыд толаяс вомөн. Вездеход зэв өдйө төвзис. Сийө быттьө кывтіс лым вывтіыс. Та вылө сийө и вездеход! Гөгөрбок зымвидзисны ляпкыд да джуджыд козьяс!

– Боря, видзөдлы, веськыдвылын быдмө зэв дзоляник коз. Кутшөм сийө мича! Видзөдлы, сылөн лап вылын дзирыд чачаяс: ошьяс, көиньяс, көчьяс... Видзөдлы-видзөдлы, а шуй-гавылас – кампета-мармелада, преника коз. Кутшөм лөсьыд! Юмов коз! – нимкодясис шыр.

– Трррр, трррр. Гирляндаыс со кымын! Весиг синтө ёрө!

И ба-бам! И бум-бум! Бабак! Другысь Боря чурскысис лым толаө и сюрис пемыд туннельө. Но сийө эз сувт, а муніс водзө. Сөмын и кылө – трррр, трррр, клач-клач.

– Кутшөм тані пемыд! Кытчө тэ мунам? Нинөм оз тыдав! – майшасис Клара.

– Писькөдчам! – шуис Боря.

– А-а-а! – шыалис йөла.

Найө недыр мунисны пемыд туннельөд. А сэссия – бум – мыйөкө сутшкысисны. Зэв пашкырө да шоныдө.

– Коді тані? – полөмпырысь юалис вездеход. – Лэдз миянөс. Но вай өдйөджык. Тррр, тррр.

Та вылө пашкыр да шоныд шкоргыштіс:

– Хрр, хрр, ук, хрр, хрр...

– Шшш. Нинөм сэссия эн юась. Чөв! Тані узьө ош... – шөпкөдіс Клара.

– Ой-ой, ми сибдім, – став көртыс Боря пытшкын пондіс дзорны.

– Чөв! Тсс. Ошкыс крепыда узьө. Тсс...

– Ми веськалім сылөн гуө? – гусьон юалис вездеход.

– Ог сёрнитөй тані. Петны колө, – шөпкис Клара. – Ошкыс кө садьмас, сійө миянөс сёяс.

Пи-пи-пи.

Повзьөмысла Боря содтіс өдсө и раснитіс веськыда узьысь пемөс вывті. Бөрнясис-бөрнясис, ошлөн гөныс зэв сук вөлөма да. Сэссия Боря содтіс өдсө да чепөсйис лым увсьыс видз вылө. Трр, трр. Ошкыс нинөм эз и казьявлы. Тола улысь век на кыліс сылөн гора шкоргөмыс.

– Хррр, хррр...

– Но и повзьөдін тэ менө! – чипөстіс Клара.

– Ачюд өд шызьөдін – ошкыс миянөс ньылыштас. А ме ог көсйы жугавны.

– А ме ог көсйы, мед курччаласны менө. Мунам вай водзө.

– Трр, трр, клач-клар, – тэрмасис Боря.

Найө мунисны, мунисны... и бара мунисны. Водзын тыдовтчис чусмөм битор. Клара шуис:

– Боря, ми зэв нин матынөсь. Видзөд, Йолөн вурсян жырйын өзйө би.

– Регыд воам! – радпырысь вочавидзис вездеход.

Но другысь кыпөдчис, пондіс карапужитчыны төв ныр. Туйсө вомөналіс нитшсялөм крепыд вожьяса съөд пу. Ыджыд юра, гөрд биөн өзйысь синма, а юр вылас – мыр кодь джуджыд шляпаа. Пу вөлі сыри-летки паськөма, дзик полөкалө кодь. Весиг лэбачьяс сы дорті эз жбыркъявны.

– Ог лэдз! Ах-а-а-а!

– У-у-у! – повзьөмысла тивөстіс Клара.

– Да-да, ме полицейскөй У. Тэ эн сорсьы, нылук.

– Ог төд ме тэнө! У-у-у! – бара на тивөстіс Клара.

– Ми тэнө кытшовтам! Трр, трр! – торгис вездеход.

– Ог лэдз! Меысь некод на эз пышйывлы.

– Лэдз миянөс, ми тэрмасям! Миянлы Йотөг некыдзи. Пи-пи-пи, – кевмис Клара.

– Войнас ставөн узьөны. Весиг медся кывзысьтөмъясыс узьөны.

– Да ми век кывзысям. Прөстө миянлы некор узьны, – висьталіс шыр.

– Тадзи ставөн шуөны. Ноко пырөй менам частокө, – висьталіс У. – Со тайө өдзөсөдыс.

Сьөд пуын воссис пашкыр гөна өдзөс. Клара да Боря пырисны пуө. «Трр, трр, клач-клар». Сэссия өдзөсыс клопкысис, и У мөдіс водзө корсьны узьтөм челядьөс.

Гундыр-пуын вөлі кыпид. Гөгөрбок өзйисны лампаяс. Шыр да вездеход веськалісны ыджыд жырйө, көні югьяліс мича люстра. Татшөмыс овлө сөмын корольлөн дворечын. Жырйын нөшта вөліны гөгрөс пызан да венскөй улөсьяс. А пызан вылын – тшайник да кыз көлач тыра блюд. Стенмын ошаліс ыджыд серпас. Сэні тыдаліс У да кыйөм көчьяс, сюзьяс да ручьяс. Найө нюмъялісны, быттьө найөс кутөма абу полицейскөй.

Жырйын эз вөв диван. Джоджын куйлісны уна рөма юрлөсьяс, дзопкысь көть на вылө и пырысь-пыр унмовсян.

– Миянөс кө кутісны – вай өні ми шойччыштам. Асылыс воас, да бара петам туйө...

– Кутшөм юрлөсөдз тэнө вайөдны? – юалис Боря.

– Со этійө... турунвижөдзис, сійө медся матын.

Клара сөліс вездеходө, и найө мунісны юрлөсөдз. «Клач-клач, трр-трр, трр-трр».

Клара пөрчис гын сапөгсө, шапкасө да пальтосө. Сэссия кавшасис турунвиж юрлөс вылө, очсыштис, нюжөдчис, бара очсыштис, сывъяліс юрлөссө да унмовсис. Боря тшөтш топөдчис юрлөс бердө и ланьтис.

А кор воис асыв, юрлөс пытшкын пондіс увтны пон-будильник.

– Гав-гав! Гав-гав!

– Ой, со өд кутшөм будильник! Полицейскөй йөртөма понсө юрлөсө? – синсө зыралөмөн чуймаліс Клара. – Кутшөм тані ставыс тешкодь. Мунам татысь.

– Вай нөшта узьыштам, – нурбыльтис Боря.

– Огөй-огөй! Регод Виль во. Менам бөж вылын нин йөктө Виль во. Ми и сідзи воштім уна кад. Видзөдлы, кызди бөжөй йөктө! А Лара нима козлөн век на абу туся платтьөыс.

Сійө жө здукас пуын воссис дзуртысь өдзөс. Боря да Клара петісны сэтысь. У нима полицейскөй вөрзөдчывтөг сулаліс видз вылын. Мукөд пуысь, кодъяс быдмисны вөрын, сійө нинөмөн эз торъяв.

Вездеход ичөт пассажиркөд водзө пондіс вуджны видзсө. «Трр-трр, клач-клач, трр-трр». Найө мунісны, бара мунісны и аддзисны пу керка.

– Ур-а-а! Со ми и локтім! – горөдіс Боря.

– Ур-а-а! – радліс Клара.

Ува-авакылөм вылө уличө петіс Йо.

– Боря, а тэ мыйла татчө воин? – тола вылө пуксис пушыд платтьөа пөч. – Ме некодөс эг виччысь.

– Муса Йо, вай бөр мунам Лара дорө, – шуис Боря.

– Ме ог көсйы сы гөгөр гартчыны. Эз ков тэныд татчө локны, – тэрыба вочавидзис Йо.

– А ме тэкөд абу сөглас. Тэла воис медся дзоля шырыс, коді эм му вылас. Сійө тэ моз жө радейтө ворсны лым мачөн, – содтіс вездеход.

– Пи-пи-пи. Вай мунам Лара дорө, сылы гажтөм лоө өтнаслы коллявны Виль во, – лөня тивөстис Клара.

– Ой, кутшөм тэ ичөтиқ, а кутшөм вежавидзисы! Татшөмъяс сөмын төлысь вылын олөны, – нимкодясис пөч. – Тэ Ларалөн нывъөрт?

– Ме прөста көсъя отсавны сылы, – вочавидзис шыр. – Лара сэтшөм мича, а мичаясыд радейтөны платтьөяс. Тэ – медся бур вурсьысь тайө вөрас! И медся моднөя пасьтасын! – нимкодясис пөчөн Клара.

Йо чеччыштис тола вылысь, пыркнитис платтьөсьыс лымсө, видзөдліс медводз Борялань, а сэссия Клара вылө.

– Татшөм дзоля шыр и сэтшөм өдйө вөйпөдіс менө мунны Лара дорө, – гораа мөвпаліс Йо. – Көлдуйтөмаөсь кө-а. Шыръяс век кыскөны-гусялөны шкапысь нянь да сыр, гусьөн йирөны. А тайө шырыс майшасьө коз вөсна. Тешкодь Клара... – эз вермы некызди тайөс ставсө гөгөрвоны пөч. – Сёрнитчим! – довкнитис Йо. – Да и платтьөыс важөн нин дась. Чайті, Лара ачыс ме дорө локтас. А со тай сылөн, вөлөмкө, отсасьысьяс эмөсь.

– Лара өд сулалө места вылас, козъяс оз ветлавны, – шуис Клара.

– Козъяс лэбалөны! – другысь кодкө юркыд гөлөсөн вочавидзис сынөдас. – А-а-а-а! Клара-а-а-а! Менам көсйөмөй збыльмис! Войпөль менө кыліс! Ме лэбала-а-а-а! Кутшөм жө бур лэбавны!

Йо, Клара да Боря видзөдлісны енэжө и аддзисны сэтысь Лараөс.

– Ноко лэччы, тэ өд усян и жугласян, – пондіс майшасьны пөч.

Лара ыджыд лэбач моз пуксис видз вылө.

– Со өд вильышпозыйд! – нюркнитис Йо. – Сямыд тай тырмөма лэбзынытө. А со тэныд платтьө!

Другысь Йолөн воссис вурсянін өдзөсыс, и сэтысь котөрөн петіс гырысь еджыд туся турунвиж платтьө.

Платтьөыс бергөдчис Лара дорө:

– Ми тэкөд пондам лөсявны! – и сывъяліс сійөс. – Тэнад пөчыд медся шань.

Йо лоис алөйгөрдөн, сійө пудритыштис ассыс паськөмсө, а нөшта чужөмсө и нырсө.

– Тэ медся мича, Лара, – сөмын и содтыштис Йо.

– Да-да, тэ зэв мича! Видзөдлы ас вылад. – Клара кыскис пальто зепсыс рөмпөштан.

Лара нюмдіс кын йөв-вурсьысылы, шырлы да платтьөлы. Боря пондіс кытшлавны коз гөгөр: «Трр-трр, клач-кларч, трр-трр». И другысь уна-уна мичмөдөм коз воисны Йолөн вурсянін дорө. Локтісны и көчильяс, и урпиян, и ручпиян, а нөшта на воис У нима полицейскөй.

Сёр рытөдз найө ворсісны лым мачөн, а сэсся дзебсясьөмысь, а сэсся бара лым мачөн. И весиг войшөрын У некодөс эз йөрт аслас участокө, а кыскис важ кумсьыс уна-уна хлопушка и асылөдз тшөктіс шумитны.

– Бам-бам! Бам! Бабах! Виль воён! Бам-бам! – ковөдчисны хлопушкаяс.

Вильвося войө Клара мөвпыштис, мый тшөкыдджыка пондас петавлыны керкасыс, өд өні сылөн лои уна ёрт. А Войпөльлысь сійө корис самолёт. Боря нима вездеход мудзас воөдчыны төлысьөдз, өд ковмас кайны енэжөдз, сэсся мунны кодзувъяс пыр, а нөшта ковмас кытшовтны Сизима кодзув и пышйыны биён лолалысь гундырысь.

– Кутшөм жө бур лэбавны! – Ларалысь кывъяссө шуис Клара. – Регыд шутөвтла төлысь вылө. Сэні тшөтш олөны дзоляник шыръяс, накөд окота жө меным коркө паныдавны Виль во! – мөвпаліс Клара, нимкодясис лэбалысь козьясөн да Йоён – алөй кын йөлөн.

Со и бара воис кад юөртны «Виль нимъяс» конкурслы кывкөртөд. Пасъям, тайө конкурссө нуөдө Коми гижысь котыр Коми Республикаса национальной политика министерствокөд өтув. 2022 воө «Виль нимъяс» вөлі сиөма кык народнөй гижысьлы. Öд таво эськө Геннадий Юшковлы тырис 90 арөс, а Владимир Тиминлы – 85 арөс.

Пасъям, конкурсыс кык кывъя – коми да роч. Таво видлалөм вылө воөма 25 коми удж. Медся ёна зильөмаөсь Кулөмдін да Көрткерөс районса ныв-зон.

И сідз, 10-14 арөсаяс пөвстын вермис Татьяна Напалкова (Немдін), 15-30 арөсаяс нимпасын медся бур уджөн лои Анжелика Бугримовалөн (Пожөг) «Кутир-Катир» висът. Мукөд ныв-зонлы, кодъяслөн гижөдъясыс ёна воөмаөсь журилы сьөлөм выланыс, вичмөдасны аттьөалана письмөяс. На пөвстын и Эвелина Шабановалы (Помөсдін).

Тайө номерын йөзөдам Анжеликалысь да Эвелиналысь висът-кывбурсө. Чолөмалам найөс бур тшупода гижөдъясөн да сиам творчествоаныс виль вермөмъя!

Анжелика БУГРИМОВА

КУТИР-КАТИР

висът

Кутирөй-Катирөй,
Печуркаам кольөма челядьөй.
Кутирөй-Катирөй,
Сёр вылам кольөма печканөй.
Кутирөй-Катирөй,
Горсъям кольөма каттьөмөй.

Дум вылө уси мамөлөн сьылөм. Во чөж ог думыштлы та йылысь, а мыйөн матысмас Рөштво, сідз ачыс и локтө юрө.

Кодкө эськө тиян пөвстысь төдө оз Кутир-Катирсө, коді сійө да мыйөн сійөс сөйөны? Онөй? Сідзкө, кывзыштөй менө.

Кутир-Катирыс – олыся, коді олө Мале грездын. Но кызди олө? Да зэв тешкодя. Сөмын январ сизимөд лунсянь дас өкмысөд лунөдз. Мукөд кадсө сійө пө дзебсясьө да кыйөдчө челядь бөрся, медся нин ёна пустөйяссө видзөдө.

– Мыйла челядь бөрся? – юаланнөд ті.

А со мыйла. Важ йөз вөлөмаөсь зэв мудерөсь, торйөн нин малесаыд. Кутир-Катирсө лыддьөмаөсь аслыссяма воспитательөн. Шулөмаөсь, сійө пө кыйөдө челядьсө да кыскыштө юкмөсө, но оз ставнысө, а сөмын кывзысьтөмъясөс. Мамө велөдліс:

– Энө пустуйтөй – Кутир-Катирөд ставсө аддзө. Нуас да, он и төдлөй.

Ок и ёна сыысь полі! Дурны эг лысьтлы, но корсюрө, дерт, эг жө кывзысьлы. Дзик пустуйттөгыд кагаыдлы некыз. Помнита, коркө төвнас мамөкөдлэччимлавкаө. Туйыс кузь, километра кык лоө, да нөшта на и кык шор колө вуджны. Буретш рытладор вөлі – Кутир-Катирлөн гуляйтан кад. Воим Шорпос дорөдз. Видзөда да, шорыс быттьө вөсьыштөма. Оні, дерт, төда, мый шорыс ватлаліс, а сэки, ичөт на вөлі да, эг төд. Аддзи тайөс да пыр жө и юалі мамөлысь:

– Мамө, таті Кутир-Катирыд шорсьыс петавлө?

– Да, дитюк, таті, – шуө мамө. А ачыс нюмъялө.

Юрөй тайө кывъяссө кылөм бөрын зэв сюся кутіс өтарө-мөдарө бергавны. Сэсса берег пөлөнсьыс казялі кос дзоридзьяс. Лымйыс абу тыртөма, вель уна тыдалө. Бара мамөлысь юала:

– Мамө, а тайө Кутир-Катирыдлөн дзоридзьясыс?

– Сылөн, дитя, сылөн, – нюмъялөмөн вочавидзө мамө.

Та бөрын синьясөй өтарө видзөдісны шор боклань. Став пустуйтан грекөй сэки юрө воис. Да нөшта и дзоридзьясыд на легны кутісны, төвзьясьыштіс, буракө, да.

– Мамө, а кор Кутир-Катирыс петө шорсьыс, дзоридзьясыс шаркөдчөны? – водзө юася.

– Ог и помнит бурасө. Быттьөкө тай батьөй шулас вөлі, мый шаркөдчөны-а, – висьталө мамө.

Тайөс кылөм бөрын ме зэв өдйө кутчыси сылөн киө.

– Мый нө, пакөститчин али мый да Кутир-Катирсыд повзин? – небыдика юалис мамө.

– А тэ өд менө Кутир-Катирсыд дорьян? Ме неуна и пустуйтыштли, ме тэд висьтала, дзик збыль, ставсө висьтала, сөмын Кутир-Катирыслы эн сет.

– Ог жө Кутир-Катирлы сет муса нылукөс, ме и ачым дзолядырйи вөлі пустуйтла, – юк-сис мамө.

Тайө кывьяс бөрас став повзьөдчан мөвпөй кытчөкө вошис. Мамө оз сет менө тайө злөдейыслы, дорьяс. Но пустуйтнытө, дерт, ковмас дугдыны: мамө өд оз век дінам ло. Пемдөм бөрад ме сэсса өдвакө мөда петавлыны ывлаө. Гашкө, сөмын пывсянө пуля моз лэ-быштла. Пывсяныс эськө керка дорын, но и шорыс дзик жө орччөн. Ог төд, кокөй тувччылө оз пывсянысь гортө пыригөн.

Дум вылө усьлас өні тайө серпасыс, да вель ёна серам петө. Гашкө, та понда и челядыс Малерын торьялөны мукөд грездсаысь асланыс шаньлунөн. Кутир-Катирсыс полөны да.

Мамөлы ичөтдырйисө Кутир-Катир йылысь сьывлөма да висьтавлөма ыджыд батьө, меным – мамө, а ме кута аслам челядылы мойдны.

Со и ті төдмалінныд, коді сэтшөмыс Кутир-Катирыс.

«Чужис-быдмис гожся лун...»

кывбуръяс

Зарни ар

Ок и арыс мича!
Петан ывла ылө,
Аддзан, кызди коръяс
Лэбёны зэв ылө.
Ыркалө со, көдздөдө...
Шоныдджыка пасьтасьой!
Верманныд өд кынмыны.
Курткаасьой, гачасьой!
Наберушка кватитой,
Вөрө ветлой, уджыштой!
Тусь да тшаксө вотыштой.
Мудзанныд кө, шойччыштой.
Мед кө луннас зэрласьө.
Зонтиктө эн вунөдой!
Көтасянный – пырысь-пыр
Паччөр вылад уйкнитой.
Луннас кутас пемдыны,
Гортын кутас көдздөдны,
Пачтө ковмас ломтыны,
Пөнар ковмас öзтыны.
Пуяс улысь чукөртөй
Медся мича коръяссө.
Сетөй найос мамыдлы,
Нимкодь вөчөй доналы.

Гожся лун

Чужис-быдмис гожся лун.
Дыр на ов тэ, эн на мун!
Тэнад гажысь эг на пөт,
Вемöсыс тай быттьö вөт.
Тöда: коркö чужас вой,
Ваяс аскöд тöжд да дой.
Меным сийö дзик оз ков,
Гожся лунöй, ов на, ов!

Жыдач

Лунöбанö жыдач лэбис,
Пемыд войыс сийöс дзебис,
Коркö шоныд муас воис,
Сьöлöм улас личöд лоис,
Асьсö дойдны эз тай сет.
Пищала морт, тэ эн пет!
Ловъя пемöс – абу нур,
Медым олас лючки-бур.

КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ РЕСПУБЛИКИ

Завершается 2022 год, объявленный Годом культурного наследия народов России. Одним из главных источников культурных ценностей в нашей стране издавна является литература. Ежегодно в Республике Коми печатаются десятки новых книг разной тематики. Автор журнала «Арт» заглянула в букинистический магазин Сыктывкара и составила любопытную подборку книг, отпечатанных в нашем регионе.

«Просто об Арктике»

Книга вышла из типографии в июле 2022 года и является продолжением серии активити-викторин «Просто о...». Что мы знаем об Арктике? Чем она важна и интересна? Почему веками самый северный материк Земли и страшил человека, и притягивал? И вместе с тем почему об Арктике уже столько всего известно, но тайн и загадок, похоже, меньше не становится? Ответы на эти и многие другие вопросы юные читатели, а также их родители отыщут на страницах издания.

Работа над книгой длилась около двух лет. На 96 страницах издания много ярких рисунков, карт, схем, интересных и полезных сведений. Материалы книги выстроены в удобные для восприятия фрагменты, которые состоят из кратких и ёмких текстов, сопровождаются рисунками. Они раскрывают отдельные темы, которые собираются в единое целое. Формат активити-викторины даёт возможность читателю не просто узнать об Арктике больше, но и выполнять разноплановые интерактивные задания, связанные с темами, раскрытыми на страницах книги. Однозначно рекомендуем к прочтению.

«Историко-культурное достояние Республики Коми»

Сборник был издан в 2021 году и стал подарком к 100-летию республики. Книга получилась красивая, интересная и умная, а её первая презентация прошла в Москве на всероссийском книжном фестивале «Красная площадь». В номинации «Лучшее региональное издание» сборник получил диплом!

Эта книга стала первым за последние годы обстоятельным научно-популярным изданием, посвящённым историко-культурному достоянию Республики Коми. Адаптированные для широкого круга читателей научно-исторические труды, сохранившие их смысловую ценность, обильно иллюстрированы фотографиями. Говоря с современным человеком на его языке, книга описывает саму суть бытия, составляющую культурный код человека Севера, жителя Зырянского края – от истоков до настоящего времени.

Над книгой работали полсотни авторов – археологи, историки, этнографы, литературоведы, фольклористы и лингвисты. Главный редактор проекта – директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН Игорь Жеребцов.

Книга выполнена в тканевом твёрдом переплёте цвета бордо, нарядно украшена рельефным золотистым тиснением. Имеет футляр в тон. Исполнение книги делает её не просто интересным и полезным чтением, но и прекрасным подарочным изданием.

Эти книги, а также другие местные издания можно найти в библиотеках республики или приобрести в магазине «Ордым» и на сайте knigikomi.ru.

«История Коми с древнейших времён до конца XVII века. 6-7 классы»

Учебник-новинку отпечатали аккуратно к новому учебному году. Это плод совместной работы учёных Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и специалистов Коми республиканского института развития образования.

Вы знаете, когда на территории Республики Коми появились первые люди? Где находится Сысольская земля? Для чего вычегодские пермяне носили шумящие подвески? В пяти главах учебника авторы лёгким и понятным для шести- и семиклассников языком рассказывают об истории нашего региона.

Первое учебное пособие цикла (всего их будет издано три) расскажет читателю об основных событиях политического, социально-экономического, историко-демографического и культурного развития Коми с древнейших времён до конца XVII века в тесной связи с ключевыми историческими общероссийскими процессами. Книга предназначена педагогам и школьникам, но, безусловно, вызовет любопытство у всех, кому интересна история региона от самого «начала времён».

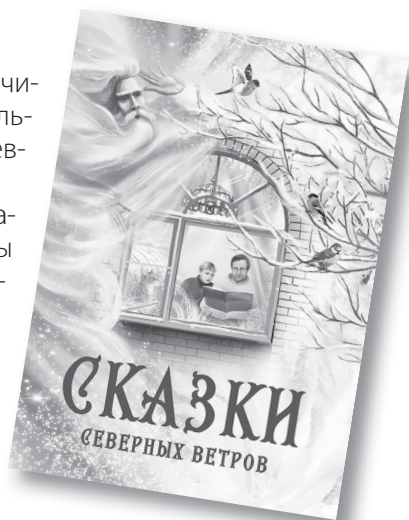

«Сказки северных ветров»

Такие прекрасные сказки – суровые и нежные, печальные и весёлые, поучительные и озорные – могли родиться только на Севере, в краю старинной культуры, богатых лесов, великих рек, прозрачных озёр, бездонных болот и древних гор.

Сборник авторских сказок, написанных по мотивам мифов, легенд и преданий коми народа, издан в 2020 году. В книгу вошли 12 авторских сказок Нины Новиковой, Анастасии Сукгоевой, Надежды Шукюровой, а также научного редактора книги Павла Лимерова. Чудесные рисунки, увлекательные сюжеты, яркие и живые персонажи, которые, как и юные читатели, взрослеют, совершают свои открытия, ищут путь в жизни, противостоят испытаниям, учатся делать выбор между добром и злом. Каждая история в книге привязана к определённой точке на географической карте Коми. Так, по замыслу авторов, читающие книгу дети смогут ещё ближе познакомиться с географией региона. Благодаря интерактивной опции «дополненная реальность» и бесплатному мобильному приложению *ComiTip.ru* читатели сумеют «оживить» некоторые эпизоды из северных сказок.

Весной на III Межрегиональном фестивале-конкурсе «Книга года на родине П. И. Чайковского» в Ижевске сборник получил диплом III степени в номинации «Лучшее издание для детей и юношества».

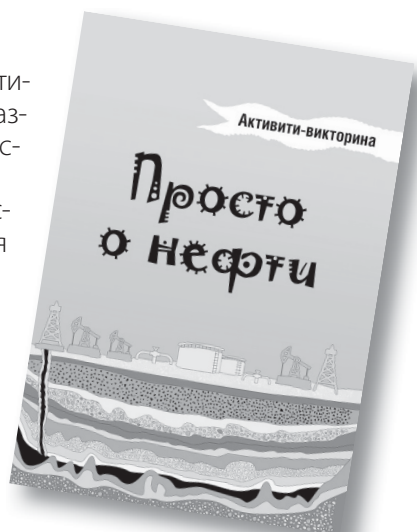

«Просто о нефти»

Ещё одна книга из серии «Просто о...», выполненная в формате активити-викторины. Это полноцветное издание группы авторов, изданное для детей разных возрастов. Книга охватывает весь спектр важных сведений о нефти и основных отраслях нефтяной промышленности России.

Первая часть – «О нефти» – рассказывает о полезном ископаемом, о его основных свойствах, о том, как его создавала природа, об истории применения нефти людьми и её роли в современном мире. Вторая часть – «О нефтяной промышленности». В ней идёт речь об отдельных отраслях – геологии и добыче нефти, транспортировке и переработке, сбыте нефтепродуктов, а также об обеспечении экологической безопасности, научной составляющей, важности для всего общества и прочих сторонах нефтяной промышленности.

В активити-викторине самые важные и интересные сведения по темам приводятся в виде фрагментов, которые, как мозаика, складываются в общую картину. Они дополнены заданиями, которые помогут маленькому читателю усвоить и расширить получаемые в игровой форме знания, – это викторины, кроссворды, ребусы, шарады, раскраски, лабиринты и прочее. Благодаря тому, что книга выполнена в мягком переплёте, её удобно взять с собой на прогулку или в гости.

Эталон качества

Реализация каждого книжного проекта – написание текстов, подбор иллюстраций, дизайн, собственно печать издания – состоялась благодаря нашим землякам. Все перечисленные книги отпечатаны в Коми республиканской типографии на офсетной бумаге. Её, кстати, тоже изготовили в Сыктывкаре на «Монди СЛПК».

Производство офсетной бумаги здесь запустили ещё в 1996 году, а в конце 2005 года начали производить листовую офсетную бумагу – офсет. Среди преимуществ сыктывкарского офсета – повышенные стабильность белизны при длительном хранении, термостойкость и долговечность, достойное качество оттиска, низкая абразивность поверхности, высокая степень непрозрачности и механической прочности.

Высочайшие стандарты европейского качества бумаги делают продукт из Республики Коми привлекательным среди всех присутствующих на российском рынке аналогов. Нашу бумагу закупают книгоиздатели по всей России. Один из основных покупателей продукта – издательство «Просвещение». Оно выпускает наибольшую часть позиций федерального перечня учебников в нашей стране. К примеру, на бумаге АО «Монди СЛПК» отпечатан учебник по химии для 8 класса.

В числе покупателей нашей продукции – Турция, Ливан, Кувейт, Иордания, Тунис, Египет, ОАЭ, Индия, Ирак, Эквадор, Йемен, Шри-Ланка, Доминиканская республика, Афганистан.

Царица офиса

Помимо книг из офсета делают ежедневники и блокноты для записей, конверты. На такой же бумаге разной плотности печатают журналы, газеты, всевозможные рекламные каталоги и брошюры, счета за коммуналку. Цветные квадратные листочки с липким краем, которые клеят на монитор, – это тоже офсет.

А уж если заглянуть к ребёнку в рюкзак, там найдутся дневник, школьные и общие тетради, учебники, альбомы для рисования, бумага для черчения. Знайте: всё это – офсет. И, конечно же, не забывайте про офисную бумагу формата А4 и А3, которая продаётся в пачках по 500 листов. Без неё невозможно представить работу офисов, организаций, ведомств.

**Гендиректор
Коми республиканской
типографии, книгоиздатель
Анна Чуракова:**

– Наше предприятие – крупнейший в регионе издательско-полиграфический комплекс, который является тестовой площадкой для сыктывкарского целлюлозно-бумажного комбината. Когда на производстве вводят новую бумагу или меняют настройки машин, то качество продукта везут оценивать в наши цеха.

Для печати продукции наша типография использует именно офсетную бумагу АО «Монди СЛПК». Мы пробовали печатать на бумаге других производителей, но качество офсета из Сыктывкара оказалось лучшим в стране. Именно поэтому для печати книг мы используем бумагу местного производства. В Год культурного наследия народов России считаю важным подчеркнуть ту лепту, которую наши предприятия вносят в сохранение и развитие национальной коми культуры, её традиций.

Все газеты, журналы, в том числе журнал «Арт», детские раскраски, буклеты выпускаем на бумаге сыктывкарского комбината. Эта бумага хороша по белизне, она непыльная, достойно ведёт себя в процессе печати – одним словом, полностью соответствует нашим требованиям к качеству.

Анастасия ПОЗДЕЕВА.

Фото предоставлены Коми республиканской типографией, АО «Монди СЛПК».

Редакция журнала «АРТ» сердечно благодарит за многолетнее сотрудничество и поддержку:

Администрацию Главы Республики Коми

Министерство цифрового развития,
связи и массовых коммуникаций Республики Коми

Министерство национальной политики Республики Коми

Министерство культуры, туризма и архивного дела Республики Коми

Филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр
Российской Федерации»

Национальный музей Республики Коми

Национальную галерею Республики Коми

Национальную библиотеку Республики Коми

Юношескую библиотеку Республики Коми

Национальную детскую библиотеку Республики Коми
им. С. Я. Маршака

Союз писателей Республики Коми

Союз художников Республики Коми

Коми республиканскую типографию

МОД «Коми войтыр»

Телеканал «Юрган»

Телеканал «Коми гор»

Монди СЛПК

ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART
25
ЛЕТ
ЖУРНАЛУ
ART

АРТЕЗИАНСКИЙ ИСТОЧНИК

*Коллектив журнала «АРТ»
благодарит компанию
«АРТЕЗИАНСКИЙ ИСТОЧНИК»
за оказанную финансовую поддержку
юбилейных мероприятий,
посвящённых 25-летию журнала*

Подписной индекс: П4453